

Устами Буниных

Устами Буниных

Дневники

3

3

УСТАМИ БУНИНЫХ

*Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны
и другие архивные материалы,
под редакцией Милицы Грин*

В трех томах

Том III

ПОСЕВ

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1982
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

Милица Грин

Часть четвертая

НА ИСХОДЕ

1934

[Дневника Ив. А. Бунина за 1934 год в архиве нет, возможно, что он записей и не делал. Сохранился только лист с фактическими данными личного характера и следующая переписанная на машинке заметка:]

Летом в Грассе со мной случился у калитки «Бельведера» совершенно неожиданный внезапный обморок (первый раз в жизни): ездил с К. Зайцевым к художнику Стеллецкому, очень устал за день, ничего не ел с утра до вечера и вот, возвратясь в Грасс из Канн в автокаре и поднявшись на гору к этой калитке, вдруг *исчез*, совершенно не заметив этого, — *исчез весь* в мгновение ока — меня вдруг не стало — настолько вдруг и молниеносно, что я даже не поймал этой секунды. Потом так же вдруг увидел и понял, что лежу в кабинете на диване, грудь облита водой, которую мне бесчувственному давали пить... Внезапная смерть, вероятно, то же самое.

[Записей Веры Николаевны за этот год немного:]

13 февр./31 янв. Вторник.

Значит, я устала, что только сегодня открыла эту тетрадь. [...] Только что ушел от нас иеромонах Иоанн [Шаховской. — М. Г.]. Я не видела его 8 лет. Изме-

нился, просветлел, только голос прежний, такой же чистоты, наивности и прелести. [...] Из Берлина уезжать не хочет. Увлечен Марфа-Мариинской общиной, 2 квартиры — в одной 2 монахини — Марфа и Мария, в другой столовая для детей. Кормят обедами. Мать Марфа имеет дар влиять на души. [...]

Ян сравнительно в добром настроении. С желудком у него лучше. Он стал осторожнее в еде.

Леня [Зуров. — М. Г.] поправился. Много работает. Галя [Кузнецова. — М. Г.] тоже поздоровела после Парижа. [...]

8 марта.

[...] Я еще нездорова. Сердце лучше. По мнению Маана, дело не в сердце, а в нарушении правильного действия секретий. Этим объясняется и моя ненормальная утомляемость. Я ничего не могу делать. [...]

На очереди вопрос о покупке Бельведера. Рукье хочет 87.000. Ян ездит и смотрит. Везде дороже. [...]

21 апреля.

Полтора месяца ни слова. [...] Многое я за этот год поняла. Главное, что никому я собственно не нужна, как я, моя душа. [...]

Из домашней жизни радуется только Леня. Он работает, пишет, иногда мне диктует. Перестал ссориться с Галей. Стал спокойнее и сдержаннее. Но, конечно, его положение трудное. Заработок пустяковый. [...] Галя тоже стала писать, но еще нервна. [...] У нее переписка с Маргой [Степун. — М. Г.], которую мы ждем в конце мая. [...] Ян все мучается и насчет покупки Бельведера. [...]

23/10 апреля.

27 лет моей совместной жизни с Яном. [...] И опять в душе воскрес наш дом в Столовом. [...] Волновало приятно, что направляемся в Святую землю и,

хотя я была тогда далеко от Христа, именно там у меня начался возврат к Нему. [...] К Гробу Господню я подходила и прикладывалась в большом волнении и даже религиозном трепете. Но какое бы я испытала счастье, если бы в те дни жила настоящей жизнью, не отвратила бы лица своего от Господа! Ян порой хорошо говорил о Христе, о Преображении и, пожалуй, он кое-что сделал для приближения меня к Нему. Теперь мы опять не вместе. Он как-то остановился, а мое стремление все вперед и выше к Нему. Но я еще далеко от того, чтобы от всего освободиться.

26 апреля.

Вчера приехал Борис Зайцев. [...] очень родной нам, точно из семьи.

Сейчас около 10 ч. Сошел пить кофе. К нему вышел Ян. Быстро заговорили о Гоголе. Ян вспомнил свою давнишнюю мысль, что Гоголь сжег не вторую часть «Мертвых душ», а то, что не вышло из этой второй части. Ему хотелось писать в ином стиле, неорганически, а это у него не вышло. Ему хотелось стать Данте, Шекспиром. Зайцев сказал: — Я Гоголя понимаю, стал недавно понимать, через себя. Ведь я знаю, что жизнь не такая, как я изображаю ее, а между тем иначе я не могу, без этих «акварельных тонов».

День чудесный. Внизу читала Евангелие от Матфея. [...] Сколько ни читаешь Евангелие, всегда увлекательно, и всегда черпаешь что-то новое. [...]

Приезд Бори может принести в наш дом мир. Он успокаивает и, так как в нем нет чуждости нам, то он не утомляет.

6 мая.

Письмо от Мити [Брат В. Н. — М. Г.]. [...] Диагноз: органическое заболевание центральной нервной системы. Артериосклероз головного мозга. [...]

8 июня.

[...] Поднялась до парка, а потом по нему спустилась. Прогулка взяла $3/4$ часа. Для первого раза достаточно.

3 дня и 2 ночи мы с Яном были одни. Мне понравилось. Какая-то свобода. [...]

Марга у нас третью неделю. Она нравится мне. [...] Можно с ней говорить обо всем. С Галей у нее повышенная дружба. Галя в упоении и ревниво оберегает ее ото всех нас. [...]

14 июня.

[...] третий день нет писем от Мити. Я сама не своя. [...] Убивает меня его атеизм. Молюсь все, чтобы Бог просветил его. [...]

Марга довольно сложна. Я думаю, у нее трудный характер, она самолюбива, честолюбива, очень высокого мнения о себе, о Федоре [Ф. Степун, философ и писатель. — М. Г.] и всей семье. [...] Но к нашему дому она подходит. На всех хорошо действует ее спокойствие. [...] Ян как-то неожиданно стал покорно относиться к событиям, по крайней мере по внешности. [...]

15 июня.

[...] Рукье сказал, что даст ответ [относительно продажи Бельведера. — М. Г.] во вторник. Боюсь, что опять будет что-нибудь выторговывать. А весь этот торг выбивает Яна из колеи, он до сих пор не садился за писание. [...]

8 июля.

[...] Митя. То напряжение, в котором я живу в отношении его, берет у меня почти все силы. [...] Дома у нас тоже не радостно. Галя как-то не найдет себя. Ссорится с Яном, а он — с ней. Марга у нас, ждет денег. [...]

11 июля.

Вчера Ян твердо сказал, что покупает Бельведер¹. Мне страшно. Зачем себя связывать? В доме у нас нехорошо. Галя, того гляди, улетит. Ее обожание Марги какое-то странное. [...] Если бы у Яна была выдержка, то он это время не стал бы даже с Галей разговаривать. А он не может скрыть обиды, удивления и поэтому выходят у них неприятные разговоры, во время которых они, как это бывает, говорят друг другу лишнее.

23 июля.

[...] Уехала Марга. Галя ездила ее провожать до Марселя. [...] У нас поселился Капитан [Прозвище Н. Рощина. — М. Г.]. Он совершенно перековал язычок насчет большевиков: «Если все пойдет так, как теперь, то я через 2 года уеду в Россию». [...] Друг Капитана, Каменский, уже уехал туда. К. видался с Катаевым и с настоящими коммунистами. Подленький он человек, честолюбивый, злой. «У меня вся эмиграция в кармане». Ян думает, что он побрешет, побрешет, и никуда не поедет. А я не знаю. Вот эта-то подлость мне непереносима в нем. [...]

Мите значительно лучше. [...]

5 августа.

Очень недовольна собой — утратила то, что было раньше, способность работать, много читать. [...] Раздражает меня Капитан своей подленькой сердцевиной, своим враньем. И, конечно, я не права проявлять раздражение. [...] Что бы ни было, Ян возьмет его под свою защиту. [...]

9 августа.

[...] Наконец, Ян решил ехать в Лаванду — посмотреть землю Гребенщикова. Но и тут неудача. Не звонит телефон. [...]

3 сентября.

Опять давно не открывала эту тетрадь. Живем неплохо. Лучше всех Ленья: работает, иногда ездит купаться, в церковь, привозит книги. [...]

3 октября.

Галя, наконец, уехала. В доме стало пустынное, но легче. Она слишком томилась здешней жизнью, устала от однообразия, от того, что не писала. [...]

Ян очень утомлен. Вид скверный. Грустен. Главное, не знает, чего он хочет. Живет возбуждением, и от этого очень страдает.

9 ноября.

Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма² и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне. Это мешало сосредоточиться, работать, а тут еще горе без конца.

10 ноября.

Нынешнего года лауреат Пиранделло, Луиджи. Нам жаль, что не Валери, перед лицом искусства он выше. [...]

Последние дни все думаю о смерти. Пугает, главным образом, как без меня будут обходиться Митя, Ленья и Ян. [...]

12 декабря.

Вечер. Я одна. Ленья в синема. На дворе дождь. Недавно звонил Ян из Парижа. Едет завтра с Михайловым в Бельгию, Брюссель, в Антверпен, может быть, Кельн, может быть, Берлин — оттуда трудно получать деньги. Конечно, они заедут и в Геттинген³.

Я очень рада, что Ян проедется, хорошо, что с Михайловым, Яну с ним приятнее. Он не писатель. Ценит дружбу и относится без задних мыслей. Я думаю, что будет влиять хорошо. В Бельгии Ян никогда не был, новая страна, а говорят по-французски. [...]

Ян зовет меня в Париж, но может быть, без меня обойдутся. У меня как гора с плеч — не ехать, во всяком случае, до Нового года! [...]

Завтра у нас «морской обед». [...] Будут мули, лососина с майонезом и провансалем, меренги, фрукты сырые и сушеные, орехи, белое вино, коньяк. Танцы. [...]

1935

[Записей и за этот год мало. Привожу выдержки из дневника Веры Николаевны:]

21 февраля.

[...] Не хочется писать. Трудно работать. Какое-то равнодушие ко всему. [...]

Ян 29 янв. оступился, упал, повредил ногу. Три недели с лишком ухаживаю за ним, сплю в столовой. Много разговоров, бесед, споров. [...]

[Записи Бунина за 1935 и следующие довоенные годы, видимо, переписаны из дневника и сохранились в рукописи.]

8.III. 35. Grasse.

Уже пятый час, а все непрерывно идет мягкий снег — почти с утра. Бело сереющее небо (впрочем, не похоже на небо) и плавно, плавно — до головокружения, если смотреть пристально — текущая вниз белизна белых мух, хлопьев.

План ехать нам всем трем в Париж.

Разговор с Г. Я ей: «Наша душевная близость кончена». И ухом не повела.

[Вера Николаевна записывает:]

25 марта.

[...] Завтра, Бог даст, двинемся с Леной в Париж через Гренобль. Ян и Галя с 15 марта там. [...] Леня едет из Парижа в Прибалтику¹.

8 июня.

Я совершенно потеряла вкус записывать. Чувствую себя ужасно. Вчерашнее известие о смерти Амалии [А. О. Фондаминской. — М. Г.] было последней каплей. Я, конечно, очень переволновалась за Митю. [...]

19 июня.

[...] Завтра приезжает Марга. Бог даст, будем жить хорошо. Галя поправится. Ян втянется в работу, а я отдохну, уединюсь. [...]

Была Иванжина. Ужасно тяжело. Им необходимы деньги, а я не в состоянии помочь. И так никуда не езжу, ничего себе на лето не купила, кроме туфель. [...]

Письмо Яну от Зайцева [Б. К. Зайцев. — М. Г.]: 10-го уезжают в Финляндию. Фондаминский только и говорит, что о России, о большевиках, виделся с Алешкой [А. Н. Толстым. — М. Г.]. Передал Боре, что Толстой хочет с ним повидаться. Зайцев отказался.

Плох Куприн. Можно ожидать всякого исхода.

Бальмонт в лечебнице, живет в саду во флигельке, завел роман с 75-летней больной, дружит с франц. поэтом, который доказывает свои права на франц. престол. Бальмонт полез на дерево, чтобы лучше слушать соловья, но «по случайной неосторожности» поэт упал и повредил себе ногу (рассказ Елены). [...]

[Запись Ивана Алексеевича:]

6. VII. 35. Grasse.

Бетховен говорил, что достиг мастерства тогда, когда перестал вкладывать в сонату содержание десяти сонат.

Вчера были в Ницце — я, Роцин, Марга и Г. Мы с Р. съездили еще в М. Карло. Жара, поразит. прекрасно.

Без конца длится страшно тяжелое для меня время.

[Из дневника Веры Николаевны]

25 июля, 6 ч. утра.

Роцин уехал. Какое облегчение прожить без него хоть несколько дней. [...]

Приносил очень милый, симпатичный человек ска-терти из России. И я не могла купить. Денег у меня совсем нет, не знаю, как буду помогать Мите. И никто не верит. Доходов почти нет. Немецкие деньги уйдут на 2 книги, которые доиздает Ян сам, т. к. «Петрополис» выпускает всего только 10 книг.

За парижскую квартиру сбавили 10%. Сбавит ли Рукье?

11 августа.

[...] Марга остается до 10 сент., а Галя уезжает в Геттинген в начале октября. Думаю, вернее, уверена, что навсегда. Они сливают свои жизни. И до чего они из разных миров, но это залог крепости. [...]

Пребывание Гали в нашем доме было от лукавого. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

15. VIII. 35. Grasse.

Вчера Cannes, купанье в новой купальне, — все

англичане, — тучи, ветер. В кафе встретил их. Выпил 2 рюмки коньяку. В Грассе купил Тавель и еще 1/4 коньяку. За обедом 1/2 б. вина, хлебнул еще коньяку, после обеда был очень говорлив, но не чувствовал себя во хмелю, лег полежать — и заснул. Проспал одетый до 4 утра,пил кофе и опять заснул до 10. Состояние странное, гибельное, но спокойное.

Так вот и умру когда-н. — заснув, — делаю над собой нечто непостижимое.

Успенье — весь день этот грасский звон колоколов — как на Пасху. [...]

Вчера был у Веры Маан (доктор). Ужасные мысли о ней. Если буду жив, вдруг могу остаться совсем один в мире.

Позавчера, в лунную ночь, М. устроила в саду скандал В.

У нас уже дней 5 Каллаш.

Любить значит верить.

[Записи Веры Николаевны:]

24 августа.

[...] Каллаш у нас вторую неделю, много смеемся.

[...] У нас сейчас курятник — Ян и 4 женщины. Это в первый раз за всю нашу жизнь такое преобладание женщин.

26 августа.

[...] В Париж мне не хочется, а придется ехать рано и будет тяжело. [...]

[На этом записи за 1935 год кончаются. Мало записей и за следующий год. Судя по письмам, зимой 1935 года Бунин опять ездил в Бельгию. Побывал и в Швейцарии.]

[Из записей Бунина:]

22. IV. 36. Grasse.

Был в Cannes, взял билет в Париж на пятницу (нынче среда), в 10 ч. 37 утра (поезд Пульман). Шел по набережн., вдруг остановился: «да к чему-же вся эта непрерывная, двухлетняя мука?¹ все равно ничему не поможешь! К черту, распрямись, забудь и не думай!» А как не думать? «Щастья, здоровья, много лет прожить и меня любить!» Все боль, нежность. Особенно когда слушаешь радио, что-нибудь прекрасное. [...]

23. IV. 36.

Заснул вчера около двух часов ночи, нынче проснулся около 8. Живу не по годам. Надо опомниться. Иначе год, два — и старость.

Первый день хорошая погода.

Когда-то в этот день — 10 апр. 1907 г. уехал с В. в Палестину, соединил с нею свою жизнь.

[Из дневника Веры Николаевны:]

26 апреля 36.

Ровно 8 месяцев не открывала эту тетрадь. Тяжелы были эти 3/4 года. Все мои старания примирить Яна с создавшимся положением оказались тщетными. [...]

[Из записей Бунина:]

26. IV. 36. Париж.

Приехал позавчера (в пятницу) в половине одиннадцатого. Тотчас наделал глупостей: тотчас поехал на вечер Бальмонта. Но вечер уже кончился — с гуе

Las-Cases помчался в café Murat, потом в Les Fontaines, 2 больших рюмки мару, ужасная ночь.

Вчера серо, яркая молодая зелень и свинцовый тон неба — мрачное впечатление.

Вечером *дома*. Потом Rotond de la Muette, Цетлины, Алданов и Керенский со своей австралийкой (не первой молодости, в хороших мехах, еврейка, кажется).

Нынче дождь. Безднадежная тоска, грусть. Верно, пора сдаваться.

Выборы. Блюм².

8. V. 36. Grasse.

Вернулся из Парижа позавчера.

В Польше читать³ мне не разрешили: «Просили писатели других держав», — очевидно, русские, советские, — «мы не разрешили, так что разрешить Бунину было бы не куртуазно».

О чувстве божественного — ночь, звезды, ходил в саду.

9. V. 36. Grasse.

Весь день дождь. Убираю вещи — м. б., из Грасса, благодаря Блюму, придется бежать.

Дай Б. не сглазить — эти дни спокойнее. М. б., потому, что в Париже принимал 2 недели Pankrinol-Elexig.

Она [Г. Н. Кузнецова. — М. Г.] в Берлине.

Чудовищно провел 2 года! И разорился от этой страшной и гадкой жизни.

Радио, джазы, фокстроты. Оч. мучит. Вспоминаю то ужасное время в J. les-Pins, балы в Париже, — как она шла под них. Под радио все хочется простить.

10. V. 36.

Заснул в 3, проснулся в 8. Дождь.

Да, что я наделал за эти 2 года. [...] агенты, которые *вечно* будут получать с меня проценты, отдача

Собрания Сочин. бесплатно — был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу... И впереди старость, выход в тираж. [...]

[Записи Веры Николаевны:]

17 мая.

Получила письмо и открытку от Мити. Писал сам — «Четыре дня прошло от 7 мая, дня операции. [...] Держу себя бодро, не распускаюсь. [...]» Я плакала, читая.

28 мая.

[...] Сегодня письмо «лечиться нет возможности». Он, вероятно, огорчился, что я так мало прислала. Не прибавила на болезнь. А откуда я возьму? На чем можно сокращаться еще? Ну, в Петровку не буду есть мяса — экономия в 3 фр. в день. Денег остается на донышке. Надо написать фельетон, хоть один за лето. [...]

30 мая.

[...] Спала плохо: все думала, где достать денег, чтобы Мите хоть месяц отдохнуть. Собственно, нет у меня никого, к кому могла бы обратиться, да и неловко. А Ян не понимает. Ему все кажется, что он погибает, что все богаче его, это ненормально даже. Дал мне для Мити 100 фр. Я и то удивляюсь. [...]

[Из записей Бунина:]

7. VI. 36, Grasse.

Главное — тяжелое чувство обиды, подлого оскорбления — и собственного постыдного поведения. Собственно, уже два года болен душевно, — душевно больной. [...]

Вчера Блюм начал свое правление. Забастовки, захваты заводов. [...]

14. VI. 36. Grasse.

[...] Был в Ницце — «День рус: культуры». Постыдное убожество. Когда уезжал (поехал на Cannes) за казино (в Ницце) огромная толпа... Все честь честью, как у нас когда-то — плакаты, красные флаги, митинги.

В Grasse'е тоже «праздник». Над нашим «Бельведером», на городской площадке, тоже толпа, мальчишки, бляди, молодые хулиганы, «Марсельеза» и «Интернационал», на бархатных красных флагах (один из которых держали мальчик и девочка лет по 6, по 7) — серп и молот. [...]

Надо серьезно думать бежать отсюда. [...]

Видел в Ницце Зайцевых. [...] — грустные, подавленные тем, что происходит в Париже.

Душевно чувствую себя особенно тяжело. Все одно к одному!

1. VII. 36. Grasse.

Все занят «Освобождением Толстого»⁴.

Ночью с 7 на 8. VII.

Изумительные белые облака над садом и из-за гор. Луна в озере барашков.

16. VIII. 36.

Иногда страшно ясно сознание: до чего я пал! Чуть ни каждый шаг был глупостью, унижением! И все время полное безделье, безволие — чудовищно бездарное существование!

Опомниться, опомниться!

[Из дневника Веры Николаевны:]

17 сентября.

Завтра приезжают за вещами, которые пойдут малой скоростью. [...] После завтра год со смерти Лопатэнушки⁵. Сегодня была О. Л. [Еремеева. — М. Г.] — похудела за год очень, часто плачет. Но не захотела, чтобы я 19 авг. приехала к ней. Какая непонятная вещь любовь! Больших антиподов, чем Ол. Л. и Е. М. [Лопатина. — М. Г.] нет, а между тем, какая у них была любовь. Какая была тяга друг к другу. А между тем, они все чувствовали разное.

21 сентября.

Последний день на Бельведере. Вчера ездили прощаться с Самойловыми. Милые, хорошие, гостеприимные они люди. [...] После 7 лет труда они доставили себе удовольствие, съездили на неделю в Париж. И посвежели. Им будет тяжело в одиночестве.

Вообще, кроме них, во всех семьях, с которыми мы дружили, перемены. [...] Счастливое событие только у Часинг. В остальных семьях или смерть, или разлука — но везде перемены.

Итак, дописывается последняя страница книги под названием «Бельведер». Конечно, сюда входят и 2 сезона на Монфлери. Есть что удержать Памяти⁶. [...]

[В октябре 1936 года Бунин ездил через Германию в Прагу читать свои произведения. На обратном пути он 26-го октября прибыл в город Линдау. Там он самым грубым образом был подвергнут таможенному осмотру, связанному с унижительным раздеванием. В рижской газете «Сегодня Вечером» от 3 ноября 1936 года он рассказал о своих злоключениях: «Я стоял перед ним раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сырого сквозняка, а он залезал паль-

цами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался отрывать даже подошвы моих ботинок. [...]

Меня долго вели через весь город под проливным дождем. Когда же привели, ровно три часа осматривали каждую малейшую вещицу в моих чемоданах и в моем портфеле с такой жадностью, точно я был пойманный убийца, и все время осыпали меня кричащими вопросами, хотя я уже сто раз заявил, что не говорю и почти ничего не понимаю по-немецки. [...]» — Это событие вызвало бурю негодования и в печати, и среди друзей и почитателей Бунина.

В ноябре этого года Бунин проводит неделю в Италии — Риме, где посещает Вячеслава Иванова, Флоренции и Пизе⁷.

[В начале декабря Бунин в Париже:]

1. XII. Париж.

Светлая погода. И опять — решение жить здоровее, достойнее. [...]

[С 6-го до 12-го декабря Бунин выступает в Лондоне. О его пребывании там свидетельствуют счета из гостиниц. В конце декабря он в Швейцарии — Сан-Мориц, Цюрих⁸.]

1937

[Из немногочисленных записей Веры Николаевны:]

1 января.

[...] После обеда полуновогоднего мы все отправились к «Дворянам», где было весело, оживленно, напомнило Москву. Отсутствие снобизма. [...]

11 января.

Сегодня утром Леня ушел от нас и поселился в общежитии. [...] ему будет лучше.

17 января.

Ян болен. [...]

23 января.

Ян чуть не сжегся. Стал готовить водку, а рядом горел газ. Спирт вспыхнул.

25 января.

Сирину я собрала 370 + 400 франков. [...] После вечера Сирина у меня пили чай. [...]

30 января.

[...] У Яна была Врангель¹, читала ему о Крыме. Ян сказал: «прекрасно написано». [...]

1 февраля.

Вчера на Пушкинском вечере было больше 400 человек. Ян читал очень хорошо. [...]

2 февраля.

[...] Вечером перед лекцией Мочульского зашла к Лене. [...] Он, как всегда теперь, занимается.

4 февраля.

[...] Мережковские пришли к нам для того, чтобы я устраивала им лекцию. Я отказалась, сославшись на невозможность продавать билеты. [...]

5 февраля.

3 часа ночи. Проснулась, а Яна еще нет. Он был в Пэн-клубе. Вероятно, застрял на Монпарнассе.

30 марта.

[...] Чествование Тэффи. Из чествования ничего не вышло. Были Алдановы, Хмара, Абрамович, Перские, Илюша [Фондаминский. — М. Г.], Сирин, Тэффи, мы. [...] Зайцевых не было, не было и М. С. [Цетлиной. — М. Г.]. Многие выпили, как следует. Хмара пел, пела и Тэффи.

31 марта.

[...] Вечером у Рахманиновых. У С. В. очень плохой вид, постарел. [...] На конкурсе скрипачей в Брюсселе 5 призов. Советские получили первый приз. [...]

1 апреля.

Была с Леней на выставке Пушкина. Хорошо.

[В мае 1937 года Бунин ездил в Швейцарию и в Италию. В архиве сохранились счета из гостиниц в Вэвэ, Монтре, Лозанне, Милане и Генуе. Затем, в июле, он не то один, не то с Верой Николаевной ездил в Швейцарию — Женеву, Гертенштейн, Монтре, Лозанну. В августе Иван Алексеевич через Венецию поехал в Югославию — Раб, Сплит, Дубровник, Белград, Загреб, Любляна и назад через Венецию, о чем свидетельствуют его письма Вере Николаевне. Единственная запись Бунина за этот год написана по пути в Югославию в Венеции:]

19. VIII. 37. Венеция.

Вчера приехал сюда в 5 ч. вечера с Rome Express. Еду в Югославию. Остановился в Hôtel Britannia.

Нынче был на Лидо. Огромно, гадко, скучно. Обедал у Бауэра.

Лунная ночь, 9 часов — всюду музыкально бьют часы на башнях. [...]

[Записей за начало этого года нет. Весной Бунин ездил в турнэ по Балтийским странам. 30. 4. 38 он писал Вере Николаевне из Риги:

«Труднее *этого* заработка — чтениями — кажется, *ничего нет*.

Вагоны, отели, встречи, банкеты — и чтения — актерская игра, среди кулис, уходящих к чортовой матери вверх, откуда несет холодным сквозняком. [...]

После чтения был банкет. Множество речей, — *искренно* восторженных и необыкновенных по неумеренности похвал: кажется, вполне убежден, что я по крайней мере Шекспир...»]

[Из дневника Веры Николаевны:]

25 августа, Villa Dominante. Beausoleil (А. М.)

Не вела дневника несколько лет. Трудные были для меня эти годы во всех отношениях. Сейчас я обретаю понемногу способность писать. Полюбила за эти годы тишину, молчание, — люди тяжелы.

Завтра для меня знаменательное число: 12 лет тому назад первый припадок каменной болезни, как говорили в старину. С этого дня жизнь моя меняется. [...] начинается, или собственно продолжается, путь к Богу. [...]

Берет время и девочка¹. Интересно. Давно не возилась с детьми. Девочка не простая, уже чует в семье драму. «Вы мне все надоели, напишу папе, чтобы он взял меня». [...] Все «неприятности» из-за еды. [...] Может час просидеть над тарелкой и не есть.

Беспокоюсь о Лене. С 16 августа ни строки. Ноет сердце за Галю — проедают последние 250 фр.

Ян в раздражительном состоянии. [...] Много говорили о Куприне². Перечитываем.

Вчера пришли Зайцевы. Вспоминали. Смеялись. О Куприне трудно писать воспоминания, неловко касаться его пьянства, а ведь вне его о нем мало можно написать. [...]

Потом Борис вспоминал, как на одном официальном банкете с министром Мережковский говорил речь, учил сербов, как бороться с большевиками³. Неожиданно встал Куприн, подошел к Мережковскому, тоже стал что-то говорить. Так продолжалось минуты 2. Потом Куприна увели. Вообще, он пил там с утра, три бутылки пива, а затем все, что попало. Но никого в Сербии так не любили, как Куприна. К нему были приставлены два молодых человека, которые неотлучно были при нем. А когда приехали в Загреб — смятение, А. Ив. нигде не было. Оказывается, он заперся в клозете, его едва нашли. [...]. Затем, приехав в гостиницу, переоделся, и они с Борисом отправились читать где-то — ведь в этих странах лекции бывают всегда по утрам. [...]

[Запись И. А. Бунина:]

5. XI. 38. Beausoleil.

Лун. ночь. Великолепие неб.[есной] синевы, объемлющей своей куполообразностью, глубиной и высотой все — горы, море, город внизу. И таинств., темно мерцающая над самой Собачьей Горой звезда (вправо от нас).

Лихорадочный взгляд [Окончания фразы нет. — М. Г.]

[Из дневника Веры Николаевны:]

1 января.

Три зимы в Париже ушли на устройство банкета (Мережковскому), балов, индивидуальных вечеров. Затем переутомление, болезнь, лечение. Тяжелое настроение Яна. Бессонные ночи. Писать, записывать не было сил и времени.

Здесь я второй месяц. [...] Хочется жить сосредоточенно. Сейчас мешает Олечка. Она бывает прелестна, хочется смотреть на нее. [...] Интересно наблюдать за ней, укреплять ее личность. Но тут особенно трудно держать себя в узде, не позволять себе наслаждаться ею. [...] У Олечки в натуре много любви. Она любит мать, отца, Мишку, кукол — и всех очень трогательно. Она уже личность. Умеет защищаться сама. Это редкость в пятилетнем ребенке. [...]

3 января.

[...] Вчера письмо от Яна о бале: много угощений [...] взяли с Алданова за вино, кот. он не спрашивал. Не накормили писателей младшего поколения. Галя и Марга вернулись в 8 ч. утра!

1/14 [января]

Письмо от Лени. Его коллекцию¹ видели Беляев (ученый) и Калитинский. «Хвалили». Заказал костюм за 925 фр. у портного. Вероятно, горд. Свой носил 5 лет! [...] Написал фельетон — некому переписать. Видимо, и соскучился. [...] К предложению М. С. [Цетлиной. — М. Г.] реорганизовать Союз он отнесся благожелательно. «Надо организовать один Литературный Союз. Нас осталось очень мало». [...]

28 февраля.

[...] День уходит на мелочи: варка кофию, базар, уроки с Олечкой, а главное — сама Олечка, усталость, спанье днем, мытье посуды, стряпня и даже на эту тетрадь не хватает сил. [...] Правда, Ляля [Жирова. — М. Г.] третью неделю больна. [...]

Олечка девочка необычная. Умненькая. [...] Наша игра в подруг, я — Ника, младше ее, раскрыла ее сущность. Несчастье — ее здоровье. [...] У нее уже в душе драма — разлука с отцом. Видимо, она все время думает и мучается — в чем дело? [...]

Ян в тяжелом состоянии — книга все не выходит. Не работает. Поездка в Париж выбила его из колеи.

Великий Пост, а я без церкви. Нельзя оставлять Лялю одну, пока она нездорова, с больной девочкой. [...] Живу мечтой поехать хоть на месяц в Париж. Поговорить. Побывать с Леней. Если бы Галя с Маргой сюда приехали, то я, наверное, что-нибудь придумала бы, чтобы туда поехать. Но без них не могу оставить дом. [...]

5 марта.

6 лет со дня кончины папы! Какие значительные годы. Сколько горя, удачи, впечатлений за эти годы. Но хочется старого — работы, конечно, иной, более проникновенной, более религиозной. Дай-то Бог! Часто думаю о смерти. Сколько осталось еще жить? Не готова еще. Не все преодолено. [...]

9 марта.

[...] Ян третьего дня сказал, что он не знает, как переживет, если я умру раньше его. «Лишить себя жизни?» Господи, как странна человеческая душа!

Потом говорили о Боге. Он верит в божественное начало в нас, а Бога вне нас не признает еще. Но уже во многом раскаивается в прошлом, винит себя. Этого раньше не было. И это хорошо. Я говорила осторож-

но, — боюсь в религиозных вопросах настаивать — ведь все делается не от нас, а от Духа Святого, по благодати.

15 м.

Рождение Олечки отпраздновали на славу. Получила коляску, о которой мечтала давно. [...] Сейчас газета. Опять тревога. Неужели война неизбежна?

28 марта.

Чувствую большую слабость. Пишу, лежа.

Доктор нашел малокровие. Советовал серьезно относиться к припадкам — «где вас схватит, там и оставайтесь».

29 марта. 8 ч.

Олечка ест в моей комнате кашу. Комната «живет», на полу ее вещи, на постели — куклы — «Никиты дети». [...]

15 июня.

Опять провал почти в 3 месяца. [...] Живем в Грассе, кроме нас — Ляля с Олечкой; здесь Галя с Маргой.

Переезд, после ликвидации квартиры в Beau-Soleil, устройство здесь, в холодной вилле, взяло много не только физических сил, но и духовных, вернее душевных. Духовные силы идут на то, что я недовольна собой. [...]

5 июля.

[...] За это время скончался Ходасевич — «растерзан», «разорван» желчный пузырь. Два огромных камня. Доктора проглядели. Надо было несколько лет тому назад сделать операцию. — Жаль его очень. И рано он ушел. Нужен еще. Да и сделать мог еще много. [...]

8 июля. 2 ч. ночи.

[...] Атмосфера в доме не радует, от прежней ничего не осталось. Никаких общих разговоров не бывает. Даже с Яном я редко говорю о литературе, больше о текущих событиях. Сегодня говорили о Зола, он перечитал «Nana». Хвалил Зола за ум, за знание жизни — но ни художества, ни поэзии. [...] Ян находит, что в «Nana» квинт-эссенция женщины известного типа — только желание, больше ничего, отсутствие жалости и какое-то романтическое стремление к бескорыстному чувству. [...]

Сложили почти все теплые вещи. Остался всего один чемодан. [...]

26 июля/13. 5 ч. утра.

Опять «белая» ночь. [...] Именины Олечки удалась: нашли прелестную куклу — Светлану. [...] Подарили вкладчину Villa Yoya, а Ян золотое перо со стихами:

Не давайте мне малины,
А давайте мне чернил.
Мне перо на именины
Дядя Ваня подарил!

Мамá — тазик для стирки, леденцы, кофе-малът. И сделала из спичечных коробок поезд.

Украсили зеленью стул, сделали из листьев лавра букву «О» и повесили на лампу. Флаг над входом.

Олечка была довольна. [...]

2 августа.

[...] Ян грустит, что Бельведер сдан. За эту цену ничего нельзя достать. Я утешаю, что это к лучшему. Как было бы нам топить виллу? Ни одного сильного мужчины. Чувствую себя слабой. [...]

Зайцевы хотят ехать в Авиньон и его окрестности. Ельяшевич уехали в Швейцарию. Об остальных

ничего не знаю. Тэффи, бедная, все болеет, настроение ее ужасно. [...]

10 августа.

[...] Письмо от Тэффи душераздирающее — не может примириться ни с болезнью, ни со старостью. Хочет навеки остаться в том же плане, где ей предстоит одни страдания и не хочет другого, где она, конечно, обрела бы хоть немного радостей. Для художественной натуры, жадной до земной жизни, смирение почти невозможно, а без смирения нет ни покоя, ни радостей.

Ян все ищет дачу, квартиру. Ничего нет подходящего. [...]

[Последняя запись из довоенных дневников Бунина:]

17. VII. 39.

Вчера с Маркюсами, Верой и Лялей осмотр виллы в Cannel-La Palmeraie. Нынче еду с Г. и М. в Juan-les-Pins посмотреть другие виллы.

21 июля записал на клочке ночью: «Еще летают лючиоли.» [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

17 августа.

[...] Смотрели виллу в Каннэ. Очень хороша. И Ян, я чувствую, там будет писать. Нет подъемов. Близки лавки. Много прогулок по ровному месту. Но Ян колеблется: страшно — опять две квартиры. Я склоняюсь ликвидировать парижскую, но, конечно, не сразу. [...]

31 августа.

Больше недели в сильнейшем напряжении. Война или мир? [...] Мы укладываемся.

3 сентября. 7 ч. в.

Англия объявила войну. Кончается и этот период жизни. [...]

Заходили Муравьевы — Игорь Ник. и Таня². Они разорены — у них большое имение в Польше.

Вчера обили окна синей или черной бумагой, сделали синие абажуры. Весь Грасс был темен. [...] Видела, как уходили стрелки на позицию. Третий раз провожаю на войну молодых людей. Французские солдаты не похожи на наших, и идут они иначе, нестройно, нет той выправки, какая была у наших. Но дерутся хорошо. Жаль их. Им было жарко. [...]

4 сентября.

[...] М. А. [Алданов. — М. Г.] говорит об Югославии. У меня сердце разрывается при мысли оставить Францию, оставить всех близких, друзей, Леню. Говорит и о Швеции. [...]

Ночью считала, сколько друзей и знакомых идут на войну. [Следует список в 57 фамилий.]

6 сентября 1936 г. 6 ч. 15 м.

Только что экспресс от Марги, посланный 2 сентября. Им пришлось [...] ехать³ в клозете, сидя на чемоданах. «Электрическая станция — крепость из мешков песка. Люди ходят по улице с газовой маской на ремне через плечо. Город пуст и жуток.» Лени не застали. [...] Иностранцев еще не призывают. [...] Уже в Париже была тревога прошлой ночью. Люди в подвалах провели больше 4-х часов!

7 сентября.

Наконец-то, письмо от Лени: «[...] весь Париж

живет тяжелой, нервной жизнью. [...] У меня все время встречи с будущими новобранцами. Это нас всех объединило. Вчера, возвращаясь домой, встретил З. Н. и Дм. С. [Мережковских. — М. Г.]. Выбирали уголовный роман из подержанных. — «В такое время только уголовными романами и спасаюсь, — сказала Зин. Ник. — приходите в воскресенье. У нас собираются все призывные». [...] Французы ведут себя изумительно. Достойны великого уважения их мужество, хладнокровие и выдержка. [...] Наш особняк пуст. Все разъехались. [...] сегодня утром я еще серьезно работал за письменным столом. Спокоен. [...]

8 сентября 1939 года.

[...] Беспокоюсь и за Леню, и за «барышень», и за Мережковских. Как это они ночью бегут в убежище? Ведь З. Н. ничего не видит, и ничего не слышит. [...]

Есть план ехать в Montaubon, поселиться где-нибудь вблизи Жировского поместья. Мне кажется, этот план недурен. Но Ян еще колеблется.

9 сентября.

[...] Письмо от Гали. [...] шло 4 дня. «Живем в непрерывной тревоге и разных попытках, кот. затрудняются ужасно тем, что в городе способ передвижения страшно уменьшен». [...] «Мы изнемогли от усталости». [...] «Народу осталось в Париже мало. Нервность ужасная, хотя и сдерживаемая. [...] Здесь ни часа покоя».

12 сентября.

[...] Письмо от Каллаш: [...] Остановилась какая ни есть, все же культурная жизнь после 20 лет нашей плохенькой эмигрантской передышки, последовавшей за революцией. [...] На нашу жизнь «порции», признать, пришлось очень усиленные, и не знаешь, как их переварить. [...]

13 сентября.

[...] Из письма М. А. Алданова: к алертам привыкли. Если жизнь станет нестерпимой, то будем думать, что делать. [...] Видаемся, кроме «Посл. Нов.», с Вишняками, Зензиновым, Фондаминским, Сириным, Зайцевыми. [...]

Леня пишет, что Ив. Серг. [Шмелев. — М. Г.] в подавленном состоянии, ночные тревоги действуют на него угнетающе. [...]

18 сентября, 2 ч. 20 м. ночи.

[..] Вчера сняли виллу Jeanette на Route Napoléon. Спешно ее сдали англичане, которые завтра едут в Лондон через Париж. Сдали дешево, за 12.000 в год, она стоит дороже. Вилла чудесная, «с сюрпризами», но стоит высоко, с кульками подниматься трудно. [...]

Советские войска перешли польскую границу. Уверяют, что это только для защиты белоруссов. О Польше стараюсь не думать, так ужасно. [...]

22 сентября.

[...] нужно все организовать, но это у нас, при характере Яна, очень трудно. Ведь он никогда не хочет сделать бюджета.

Сейчас он стал мягче, заботливее. За это время много мне покупал всяких мелочей для туалета. Часто мы ведем с ним разговоры на философские и политические темы. [...]

23 сентября.

[...] Вещи наши решили перевезти в понедельник. Сами, Бог даст, переедем во вторник или среду. [...]

26 сентября.

[...] Вчера были Муравьевы. [...] Были и Самойловы. Они уже «в войне». У них стоят 2 унтер-офицера. В Лэ Рурэ целый лагерь. Масса лошадей. Смесь

навоза с жасмином. — Он рвется на работу, она тоже. Хочет помогать, если откроют госпиталь. Пока встает в 6 ч. утра, чтобы своих «крестников» поить кофе. Режим у них уже военный. Два раза в неделю мясо. [...]

Последний вечер на Бельведере. Стояли с Лялей у окна большой комнаты наверху. Я прощалась с этим видом, особенно прелестным, когда нет в городе ни единого огня. Потом пришел Ян. Сегодня он особенно нервен. Тяжело ему. Сколько в этой комнате пережито им.

3 октября.

Вилла Jeanette. Завтра неделя, как мы здесь. Почти устроились. Почти везде забиты окна. [...]

5 октября.

[...] Олечка чувствует недомогание. Поиграла с ней в «уточку» и лото, называла зверей по-французски — все-таки маленькая польза. [...]

Из письма Бориса [Зайцева. — М. Г.]: самые нервные дни были первые. Сейчас спокойнее. М. б. попривыкли к новой жизни, или начинаем привыкать. Настроение, разумеется, нелегкое. Сильно похудели (с меня штаны прямо валятся). Но спим. Кормимся пока обычно. Видимо (по Островскому) «от думы человек худеет». [...]

10 окт.

Вчера письмо от Лени. «Зарегистрировался. [...] Теперь я нахожусь в распоряжении военных властей». [...]

17 октября 1939 г.

Потоплен английский броненосец. 800 человек погибло. Это не укладывается в сознание! [...]

Выселяют⁴ из Прибалтики немцев в Германию. [...]

20 октября, 4 ч. утра.

Вчера письмо от Лени. [...] «Через несколько дней Красная Армия займет Латвию. Прибалтика стала советской⁵. [...] Ожидаю, когда меня призовут на медицинский осмотр. До этого мне ехать к Вам нельзя. Могу пропустить срок».

16 ноября.

[...] Утрясаемся. [...] Все больны: у Ляли гной из-под ногтей, у Марги — спина, экзема на ногах, у Гали — боль в боку, сердце. И я понимаю, что тяжелая работа им не под силу, а Ян этого не понимает. [...]

[...] увидела Татьяну Муравьеву. [...] В руках у нее ящик с красками и папка. [...] я решила провести день в природе. [...] Полное уединение, глушь, тишина. Т. Д. села рисовать. Говорили о роли глаз, т. е. восприятию зрением. Временами молчали. Я смотрела на долину, смотрела на виллу Уайльда, на дым сизый. [...] Говорили о Гиппиус. [...] Говорили и об уме, и о таланте, и о способностях. О Гончаровой [художница. — М. Г.]. [...] В Грасс пришли в 4. 30. Домой пришла к обеду. [...]

26 ноября.

Десять лет, как Леня приехал во Францию, на Бельведер (23. XI). 17 лет, как мы венчались (24. XI). Год, как я уехала из Парижа и приехала в Монтэ-Карло, Босолей (25. XI). Странное предзнаменование — я почти всю дорогу ехала с солдатами. [...]

3 декабря.

[...] Эти дни Финляндия⁶. Я все думаю о Валааме. Последний наш русский православный монастырь. [...]

Вчера Ян, Татьяна и я говорили о летчиках. Знают ли они, что погибнут?

Ян очень волнуется за Финляндию. [...]

1940

[Из записей Веры Николаевны:]

5 января.

[...] Прошел 39 год, для меня самый неприятный. Были года более тяжелые, с потерями близких, но «подлее» никогда не было. Только одна радость — Олечка. Но и ее ловко от меня отводят, т. ч. и эта радость омрачилась. [...] На-днях был ночью припадок, даже два. М. б. тоска от печени. Не знаю. Но тяжело очень.

31 января.

В воскресенье Ян уехал в Париж — доктор сказал ему, что у него на лице что-то опасное, что нужно выжечь электричеством и что здесь этого сделать нельзя. [...]

2 февраля.

Письмо от Лени: «Ив. Ал. в добром здравии. Бодр. Вид хороший. Думаю, что все его бедствия рождены скукой». [...]

26 января/8 февраля.

[...] Ян вернулся из Парижа в хорошем духе. Все, что нужно, сделал. Многих повидал. [...]

Чудные месячные ночи. Мы с Яном гуляем. Он очень волнуется из-за Финляндии. Взята станция Нобелей. Завтра, т. е. сегодня, обещано взять Выборг. [...] Здоровье Яна нехорошо. Сел на диету.

[С марта месяца начинаются подробные дневниковые записи Ивана Алексеевича, сохранившиеся в рукописи. Вера Николаевна теперь записывает редко. Привожу выдержки из дневника Бунина:]

1940 г. Villa Jeannette, Grasse, a — m.

1. III.

Вчера ездил в Ниццу. Как всегда, грусть — солнце, море, множество как бы праздничного народа — и ни души знакомой, нужной.

Не застал Цакни¹, оставил ему записку, что буду в понед. в 2½ ч. [...]

Нынче послал открытку-avion Гребенщикову, чтобы написал в америк. газетах о писательской нужде в эмиграции. [...]

Погода как будто на весну, но все холодный ветер. Финнам плохо.

6. III. 40

[...] Нынче холодно, с утра было серо, туман, крупа, шел с полчаса снег. А вчера, гуляя с Верой ночью по саду, услышал первую лягушку — думал, начинается, значит, весна.

Прочел книжечку (изд. Суворина) гр. Соллогуба — Аптекарьша, Метель, Неоконченные повести. Довольно ловко все, но ненужно. Герои и героини, как всегда писали прежде, умирают от несч. любви.

Хорошо для рассказа: донской казак *Харулин*.

Хорошо бы написать рассказ, действие которого в Бахчисарае. Татарин Осламбей. Татары говорят: «тютюн ичмен!» т. е. надо «попить дыму» (покурить). Еще: «шишлык» (а не шашлык; шиш по-татарски вертел, палочка). Хорош Бахчисарай!

Овцы Божья стада. [Буква я дважды подчеркнута. — М. Г.]

Темно желтая бабочка в черных узорах на крыльях. Задние крылья — с длинными черными косицами. (Все это нынче ночью почему-то приходило в голову). [...]

11. III. 40.

[...] Все еще оч. холодно — всю зиму мучение — одна из причин, почему только лежу и читаю.

Переговоры о мире Сталина и финнов. Ужас! [...]

Читаю «Отеч. Зап.» за 84-й год. Там стихи Мережковского, столь опытные, что, верно, было ему тогда не меньше 20 лет, и стихи Надсона: «Горячо наше солнце безоблачным днем» — одни из немногих, которые мне нравились когда-то — семнадцатилетнему — и теперь до чего-то чудесного воскресили всего меня той поры. Называется «В глуши». Вижу и чувствую эту «глушь» соверш. так-же, как тогда — в той-же картине (и теперь такой-же поэтической, несмотря на то, что это Надсон). [...]

14. III. 40.

Вчера страшная весть — финны сдались — согласились на тяжкий и позорный мир. Даже ночью, сквозь сон, все мучился, что-то во сне думал, выдумывал.

Первый почти летний день. Ночью туман, слышны были лягушки.

Позавчера обварил себе правую руку кипятком. Горит, вспухла. [...]

Кончил перечитывание двух рассказов Тургенева. Мастерство изумительное, но в общем читал равнодушно — исключение некот. страницы. Кое-что (почти все, вернее) читал как новое — так забывается Тургенев. Одно «Полесье» почти все по настоящему прекрасно. Почти во всех рассказах, — да, кажется, даже во всех, — редкое богатство совершенно своих, удивительных по меткости определений чувств и мыслей, лиц и предметов.

17. III. 40.

[...] Перечитал «Что такое искусство» — Толст[ого]. Скучно, — кроме нескольких страниц, — неубедительно. Давно не читал, думал, что лучше. При-

вел сотни определений того, что такое красота и что такое искусство, — сколько прочел, какой труд проделал! — все эти определения, действительно, гроша настоящего не стоят, но сам не сказал ничего путного.

29. III. 40.

Лежу, читаю, порой смотрю в солнечн. окна и думаю, — о том своем я, которое живет и сознает себя уже лет 60 — и это я думает, что лет через 5, много 10, его не будет. И не будет оно ничего видеть и думать. Странно!

30. III. 40. Суббота.

Приехал из Ниццы Цакни. Почти весь день очень светлый, но холодный. Ужасная весна. Неск. дней тому назад дня два лил ледяной дождь. [...]

Стал присаживаться к письм. столу.

В Париж я уехал 29 янв., вернулся в Grasse в субботу 16-го февраля.

За последние дни просмотрел за год «Отеч. Записки» (1883 г.) [...] Гаршин, если-бы не погиб, стал-бы замечательным писателем.

1. IV. 40.

Цакни ночевал 2 ночи, уехал нынче утром, когда я еще спал.

Все еще холодно, но так же светло.

Нынче послал в Париж заказным déclaration своих доходов (которых нет — надо выдумывать, чтобы не подумали, что вру. И показал 14.000).

Прочел роман Ясинского «Старый друг». Скучно. Женщина, как всегда у него, написана не плохо.

3. IV. 40.

На вид из окон дни все светоноснее, — кажется, что уже лето. Но еще прохладно.

Вчера Марга пела у маркизы. Человек 30 народу. [...] Мы туда и назад с англичанкой Херст из имения возле Маганьоска. На обратн. пути Оля пела и кричала всю дорогу, не умолкая. Я вел себя глупо — рюмка виски и три джину в баре у маркизы. [...] *Нельзя пить.* [...]

Переписываю дневниковые клочки предыдущих лет. Многое рву и жгу. [...]

4. IV. 40.

[...] Купил 2 рубашки и белый картуз в Old England. Давно знакомый приказчик уже совсем не тот, что когда-то — потолстел, слегка поседел. На глазах меняются, гибнут люди. А Лантельмы! Марсель толстый мужчина, а давно-ли был мальчиком! Старик-же прямо страшен, ногти, пальцы уже совсем гробовые. Весь как во сне, но когда садится за кассу, видно, что счастлив получать и сдавать сдачу. Думает-ли, что вот-вот отвезут его страшный труп на кладбище в St. Jacques?

5. IV. 40

Ночью мистраль. Есть и днем. За Эстерелем (да и Э.) горы бархатно-синие. Расчистил воздух.

Думаю, что «Фальш. Купон» возник, м. б., у Толстого в связи с когда-то прочтенным им рассказом Даля «Серенькая» (так назывались бумажки в 50 рубл.). [...]

Отец говорил вместо Белинский — *Белынский*. Прочитал на днях у Тургенева, что многие так называли Белинского при его жизни — пустили слух, что он «полячишка».

Прежде часто писали: «*возразил*». Герои прежних романов не сразу понимали, что они влюблены. «И вдруг с восторгом, с ужасом сказал себе: я люблю ее!»

6. IV. (Суббота). 1940.

[...] Проснулся в 8½. Погода все та же и тот же холодноватый ветер среди солнечн. тепла, все увеличивающегося. Скоро зазеленеют деревья — уже как будто что-то начинается — смотрел из окна в сторону Марселя — у нас в саду уже зазеленел молодой каштан. Будет удивит. прекрасно. Короткая, несказ[анно] прекрасная пора первой зелени.

Вспомнил, как я всю жизнь одинаково представлял себе год:

дек. нояб. окт. сент. авг. июль июнь май апр. март февр. янв.

Понед., 8. IV. 40.

А. К. Толстой писал жене (в 55 г.): «Сипягин — хороший, добрый, благородный малый, который обожает свою роту и чрезвычайно ею любим...» Этот Сипягин крестил меня. Был тогда уже генералом.

10. IV. 40.

Позавчера проснулся в 9, чувствуя (как всегда чувствую с паузиной чуткостью) близкое изменение погоды: после полудня день замутился, пошли облака над горами к Ницце и к вечеру пошел дождь. Вчера в газетах хвастовство — союзники «в один час!» положили мины вдоль берегов Норвегии. С утра шел дождь. После завтрака — нынче — открыл радио — ошеломляющая весть: немцы захватили Данию и ворвались в Норвегию — вот тебе и мины! [...]

12. IV. 40.

Неожиданная новость: письмо Серова и Зурова — у Зурова туберкулез. [...] Вера сперва залилась розовым огнем и заплакала, потом успокоилась, — верно оттого, что я согласился на ее поездку в Париж и что теперь З. не возьмут в солдаты. Ходил с ней в город, она подала просьбу о пропуске в П. Едет, вероятно, во

вторник. А мне опять вынимать тысячу, полторы! Мало того, что у меня почему-то на шее Л[яля] с девочкой и М[арга] и Г[алина]!

Особых вестей из Норвегии нынче нет. Боюсь, что опять дело замрет.

Продолжаю просматривать «От. Записки» за 82 г. [...] — все это читал тысячу лет тому назад в Озерках, 15, 16 лет, с Юлием — все забыл, а оказалось, что помню кое-что чуть не наизусть.

Дремучие снежн. сумерки, Цвилленевская усадьба, где жил Евгений, эта девка (уже не помню ее имени)...

Весна, а все еще холодно, еще топим. Пересматриваю опять письма и дневники А. К. Толстого. Соверш. очароват. человек! Начал «Головлевых»² — не плохо, но мне скучно, ненужно.

Переписываю с клочков дневниковые заметки. Многое рву. А зачем кое-что оставляю и переписываю — неизвестно.

13. IV. 40

Серо, холодно, деревцо за окном на Ниццу все зазеленело ярко-светлой зеленью и все дрожит под ветром. [...]

14-15-16. IV. 40.

Немцы заперты новыми минами, потеряли 1/3 флота, отдали Нарвик — разгром!

17. IV. 40.

Вчера уехала Вера. Отвез ее в Cannes в такси. [...]

Часов в 10 вечера ходил с М. и Г. запирать часовню. Лунная ночь, дивился, среди чего приходится жить — эти ночи, кипарисы, чей-то английский дом, горы, долина, море... А когда-то Озерки!

Прошелся: из-за вершин пиний выглядывает, перемещается, блещет огромная Венера (не высоко над горой, на северо-западе) — ярко-блестящая, неподвиж-

ная, стеклянно-золотая, совсем как те, что рисуют на мундирах. [...]

Ужасная была беллетристика в «Отеч. Зап.» и т. п. журналах. [...]

17. IV. 40.

[...] Вот, кажется, теперь уже несомненно: никогда мне не быть, напр., на Гаити, в Гималаях, никогда не видать японских роцц и храмов и никогда не увидеть вновь Нила, Фив, Карпана, его руин, пальм, буйвола в грязи, затянутого илом пруда... Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это конечно *навсегда*. Непостижимо.

Пятница 18. IV. 40.

Вчера весь день просидел в доме, вышел всего минут на десять вечером.

Нынче то же — вышел в 10, ходил по саду 35 м. Луна высоко (как и предыдущ. месяцы), кучевые белые облака... Как страшно одиноко живу! И как дико — 3 бабы на плечах! [...]

Вчера ночью шум жаб уже несметных. Теплеет.

Кончил «Господ Головлевых». Умный, талантливый, сильный, знающий, но литератор. [...]

Что вышло из Г.! Какая тупость, какое бездушие, какая безсм. жизнь!

Вдруг вспомнилось — «бал писателей» в январе 27 года, приревновала к Одоевц[евоy]. Как была трогательна, детски прелестна! Возвращались на рассвете, ушла в бальных башмачках *одна* в свой отельчик...

20. IV. 40.

Проснулся в 9, зачитался до 12½ «Le Rêve» Зола. [...] Ходил с Олечкой смотреть в бассейне лягушку — не оказалось. [...]

Вчера ночью открыл окно в ванной комнате —

широкое — на площадке под ним лунный свет как-бы меловой.

21. IV. 40.

Прекрасный, уже совсем теплый день. Дубы возле chaumière уже сплошь в бледно-зеленых мушках. Все меняется с каждым днем. Уже распускается листва на безобразн. кулаках 2 деревьев на площадке. Цветет сирень, глицинии... (Ялта, Пасха...).

Письмо от Веры,

2½ ч. Ходил по саду — заросла уже высокой травой вторая (от нижней дороги) площадка. Все еще цветет бледно-розовыми, легкими, нежными, оч. женств. цветами какого-то особого сорта вишня, цветут 2 корявых яблонки белыми (в бутонах тоже розоватыми) цветами. Ирисы цветут, нашел ветку шиповника цветущую (легкий алый цвет с желтой пыльцой в середине), какие-то цветы, вроде мака — легчайшие, но яркого оранжевого цвета... Сидел на плетеном разрушающемся кресле, смотрел на легкие и смутные как дым горы за Нищей... Райский край! И уже сколько лет я его вижу, чувствую! Одиноко, неудобно, но переселиться под Париж... ничтожество природы, мерзкий климат!

Как всегда почти, точно один во всем доме. [...]

Светлый день, праздник, в море как будто пустее — и звонят, звонят в городе... Не умею выразить, что за всем этим.

Множество мотыльков вьется вокруг цвета сирени — белых с зеленоватым оттенком, прозрачных. И опять пчелы, шмели, мухи нарождаются...

Кончил перечитывать 12-й т. Тургенева (изд. Маркса) — «Лит. и жит. восп.», «Критич. речи и статьи» и т. д. Соверш. замечат. человек и писатель. Особенно «Казнь Тропмана», «Человек в серых очках», неск. слов о наружности Пушкина, Лерм[онтова], Кольцова.

Этот апрельск. расцвет деревьев, трав, цветов, вообще эти первые весенние дни — более тонко-прекрасного, чистого, праздничного нет в мире.

Во многих смыслах я все-таки могу сказать, как Фауст о себе: «И псу не жить, как я живу». [...]

Вчера день рожд. Гитлера. Нынче радио: Муссол[ини] в поздравит. телеграмме желает ему «победоносно выйти из той героич. борьбы, которую ведет он и германский народ». И несчастный итальянск. король тоже поздравляет «горячо» — вынуждены к соучастию в дружбе. [...]

27. IV. 40

Был в Ницце — ни Цакни, ни Михайлова (а Вера писала, что он выезжает в пятн.). [...] Дождь. Возвращался через Cannes. Встретил там Г. [...] Вести из Норвегии не радуют.

28. IV. 40. Светлое Воскресенье.

Завтракали у Самойлова. Взял туда такси, уехал через час. Дорогой дождь, пыльно дымные тучи с хоботами. Потом все потонуло в дожде и тумане. Обед у Маркюс.

Наш бедный пасх. стол.

Был поэт Аполлон Коринфский. Точно плохим писателем в насмешку выдуманно.

30. IV. 40. Вторник.

Серо, холодно, дождь.

И так всегда: спрячешь зонт, калоши — на другой день дождь. Прячу, верно, потому, что перед переменной погоды внутренне волнуясь и от этого, напр., начинаю уборку. Вчера очистил от замазки окна, содрал с их пазов войлочные ленты — и вот нынче холод и ветер, так сильно дующий в эти пазы, что вечером ходит занавес, который отделяет от моей спальни ее «фонарь» из пяти окон и на ночь задерживается.

Сейчас вспомнил *почему-то* Майнц (соединенный с Висбаденом, где мы жили с Мережковскими в отеле на Negroberg). — Почему? — непостижима эта жизнь воспоминаний, это «почему-то», «ни с того, ни с сего»! Поехали туда с Верой на трамвае, ходили по городу, заходили в церкви³. [...] Потом вдруг вспомнил церковь на rue Daru, гроб дочери Н. В. Чайковского... До сих пор пронзает сердце, как он, со своей белой бородой, в старенькой визитке, плакал, молился на коленях⁴. [...]

Ночь, темная полоса леса вдали и над ним звезда — смиренная, прелестная. Это где-то, когда-то на всю жизнь поразило в детстве... Боже мой, Боже мой! Было и у меня когда-то детство, *первые* дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь *только мысль*, что они были. И вот идут уже последние. [...]

Убежден, что Г[оголь] никогда не жег «М[ертвых] Д[уш]».

[Следуют выписки из Гоголя, стихотворение П. Якубовича, выписки из Тургенева и заключительные слова Бунина:]

Не знаю, кого больше ненавижу, как человека — Гоголя или Достоевского.

2. V. 40. Четверг. Вознесение (католическое).

[...] Вчера должен был уехать в санаторию Зуров.

4 часа. Был в полиции, заказал *sauf conduit* в Париж. Все еще колеблюсь, ехать-ли. Но предполагаю выехать 6-го или 7-го.

Нашел клочек из моих писем: [...] «16-X-26. Вчера Рахманинов прислал за нами свой удивительный автомобиль, мы обедали у него, и он, между прочим, рассказал об известном музыканте Танееве: был в Москве концерт Дебюси, и вот, в антракте, один музыкальный критик, по профессии учитель географии, спраши-

вает его: «Ну, что скажете?» Танеев отвечает, что ему не нравится. И критик ласково треплет его по плечу и говорит: «Ну, что ж, дорогой мой, вы этого просто не понимаете, не можете понять». А Танеев в ответ ему еще ласковее: «Да, да, я не знал до сих пор, что для понимания музыки не нужно быть 30 лет музыкантом, а нужно быть учителем географии».

3. V. 40.

Был в Cannes, к Куку за билетом в Париж. [...]

Из Норвегии всю посл. неделю вести почти ужасные. Тяжело читать газеты. [...]

7. V. 40.

Собираюсь, *завтра еду* в Париж в 6 ч. 24 м. вечера. Как всегда, тревожно, грустно. Жаль покидать дом, комнату, сад. Вчера и нынче совсем лето. Сейчас 5, над Ниццей тучи, гремел гром.

«Жизнь Арс.» («Истоки дней») вся написана в Грассе. Начал 22. VI. 27. Кончил 17/30. VII. 29. «Первая книга» кончена 21. IX. 27. Вторая начата 27. IX-27, кончена в февр. 28 г. Третья начата 14. VI. 28, кончена 17/30. IX. 28. Четвертая — начата ?, кончена, как записано выше, 17/30. VII. 29.

Вчера взял из сейфа 10.000 фр.

«Человек и его тело — двое... Когда тело желает чего-нибудь, подумай, правда-ли Ты желаешь этого. Ибо Ты — Бог... Проникни в себя, чтобы найти в себе Бога... Не принимай своего тела за себя... Не поддавайся беспрестанной тревоге о мелочах, в которой многие проводят большую часть своего времени...»

«Один из тех, которым нет покоя.

От жажды счастья...»

Кажется, похоже на меня, на всю мою жизнь (даже и донныне). [...]

Перечитал свои рассказы для новой книги⁵. Лучше всего «Поздний час», потом, м. б., «Степа», «Баллада».

Как-то мне, — как бывает у меня чаще всего ни с того, ни с сего, — представилось: вечер после грозы и ливня на дороге к ст. Баборькиной. И небо и земля — все уже угрюмо темнеет. Вдали над темной полосой леса еще вспыхивает. Кто-то на крыльце постоянного двора возле шоссе стоит, очищая с голенищ кнутовищем грязь. Возле него собака... Отсюда и вышла «Степа».

«Поздний час» написан после окончательного просмотра того, что я так нехорошо назвал «Ликой».

«Музу» выдумал, вспоминая мои зимы в Москве на Арбате и то время, когда однажды гостил летом на даче Телешова под Москвой.

В феврале 1938 г. в Париже проснулся однажды с мыслью, что надо дать что-нибудь в «Посл. Н.» в покрытие долга, вспомнил вдруг давние зимы в Васильевском и мгновенно в уме мелькнула суть «Баллады» — опять таки ни с того, ни с сего.

[В Париже Бунин с Верой Николаевной, бывшей там уже с середины апреля, пробыли до 22 мая⁶, после чего вернулись в Грасс. В. Н. записывает:]

31 мая.

Неделю в Грассе. И опять мучительная атмосфера. [...] Париж мне кажется каким-то местом радости и любви, давшей мне силы на жизнь. [...]

Эта неделя прошла под знаком концентрационно-го лагеря⁷. Маргу признали больной. Все мы делали все, что возможно, чтобы избавить ее от этой муки. Маклаков, Протопопов, Девиль, Флоренс, поручительство Яна, доказательство ее русского происхождения, ее болезнь позвонка. [...]

[Из записей Ив. А. Бунина:]

1. IV. 40. Grasse.

Вчера был Михайлов [...] Они приехали в Ниццу, едут в По — тревожны, как все, — вот-вот выступит Италия.

Бегство («героическое!») французов и англичан из Dupquerque продолжается.

8. VI.

Начал сборы на случай бегства из Грасса. Куда бежать? Вера и Г. и М. говорят: «На ферму Жировых — там все таки есть убежище, между тем как найти его где-нибудь в другом месте надежд почти нет». Я не верю, что там можно жить, — ни огня, ни воды, ни постелей... Не знаю, как быть.

Страшные, решительные дни — идут на Париж, с каждым днем продвигаются. [...]

9. VI.

Мы все отступаем.

Зацвели лилии, лючиоли летают уже давно — с самых первых дней июня.

Страшно подумать — 17 лет прошло с тех пор, как мы поселились в Грассе, в этом удивительном поместье Villa Montfleuri, где тогда как раз вскоре расцвели лилии! Думал-ли я, что в каком-то Грассе протечет чуть не четверть всей моей жизни! И как я тогда был еще молод! И вот исчезла и эта часть моей жизни — точно ее и не бывало. [...]

Не мало было французов, которые начали ждать войны чуть не 10 лет тому назад (как мировой катастрофы). И вот Франция оказалась совсем не готовой к ней!

Да, а по привычке все еще идет в голову Бог знает что. Вот вдруг подумал сейчас: имена, отчества, фамилии должны звучать в рассказах очень ладно, свободно, — например: Марья Викентьевна, Борис Петрович...

[Из записей Веры Николаевны:]

9 июня.

[...] письмо от Бориса Зайцева: [...] Я поехал на завтрак «Возрождения» — Вера осталась в Кламаре.

Отлично. Сели завтракать в «Киеве». Через 15 м. алерт. Наши генералы и полковники довольно спокойно слушали стрельбу, мы закусывали, ели кулебяку и т. п., а там все лупят и лупят, все сильнее. Только один генерал, по фамилии Суворов, сказал нерешительно: а кажется, я слышал два разрыва бомбы. — Так и дозавтракали. [...]

Возвращаюсь домой — и только тут Вера рассказывает (довольно покойно), что в Vanves, куда зашла к Тэффи, попала в настоящую бомбардировку. Видела и пылающие автомобили на улицах, и развороченные дома и т. п. Отсидживалась у Тэффи. А сегодня узнал из газет, что было не «две бомбы», а тысяча. Но как быстро это произошло! Канонада не более 15 мин. [...]

Читаю Библию. Очень поражен царем Давидом. Хочется написать о нем, — вроде рисунка, «портрета» — не то слово, но другого сейчас не нахожу. А он волнует меня (поэтически). М. б., завтра от комнаты моей останется одна пыль, да и от меня, от нашей малой жизни. Все равно, пока живу, хочется иной раз что-то сказать («Буду петь Господу, покуда жив, буду бряцать Богу моему, поколе есмь»). [...]

10 июня.

Война с Италией. [...] Олечка молится за спасение Франции ежедневно.

12 июня.

Итальянцы бомбардировали Лозанну и Базель. [...]

Ждали Лену Пушкину⁸, а она не приехала. [...]

Ян говорит, что она моложава, нет седых волос. Знает в совершенстве английский язык, конечно, француз-

ский, арабский, персидский. Ян находит, что ее лицевой костяк похож на маску Пушкина. [...]

14 июня.

Вчера были в жандармерии — Марге надо уезжать немедленно.

Алерт продолжался 1¾ ч. Была в доме Морель. [...] Чудный подвал: во время революции здесь томились аристократы, гильотина была в садике рядом.

Я не узнаю Яна. В первый раз он мешкает. Почему? Страх неизвестности? Усталость? А между тем, нам следует уехать. [...]

Париж — открытый город. Вчера днем они были в 43 клм. А сегодня? Правительство уехало из Парижа. Бои идут вблизи столицы. Держатся наши великолепно. Боже, спаси Францию!

[14 июня Париж пал. В следующих записях, сделанных в конце июля, Бунин мысленно возвращается к происшедшим раньше событиям:]

22. VII. 40, понедельник.

Ничего не записывал с отъезда в Париж в мае⁹. Приехал туда в одиннадцатом часу вечера 9-го (выехал 8-го, ночевал в Марселе, из М. утром). Вера была в Париже уже с месяц, встретила меня на Лионск. вокзале. Когда ехали с вокзала на квартиру, меня поразило то, что *по всему* черному небу непрерывно ходили перекрещивающиеся полосы прожекторов — «что-то будет!» подумал я. И точно: утром Вера ушла на базар, когда я еще спал, и вернулась домой с «Paris-Midi»: немцы ворвались ночью в Люкс[ембург], Голландию и Бельгию. Отсюда и пошло, покатилося...

Сидели в Париже, потому что молодой Гавр[онский] работал над моими нижними передними зубами. А алерты становились все чаще и страшней (хотя не производили на меня почти ник. впечатления). Нако-

нец, уехали — на автомобиле с Жировым, в 6 ч. вечера 22-го мая. Автом. был не его, а другого шофера, его приятеля Бразоля, сына полтавского губернс. председателя дворянства: это-ли не изумительно! — того самого, что председательствовал на губ. земск. собраниях в Полтаве, когда я служил там библиотекарем в губ. земск. управе. [...]

23. VII. 40.

[...] И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции). [...]

24. VII. 40.

Утром (не выспавшись) с Г. в Ниццу. [...] Завтрак с Алдановым в Эльзасской таверне. [...] В Ниццу съезжаются кинематографщики — Алданов надеется на работу у них, как консультант.

25. VII. 40.

[...] устал вчера в Ницце. Верно, старею, все слабость. [...]

С Жировым доехали 23 мая до Макона. Оттуда ночью (в 3½) на поезде в Cannes — ехали 12 часов (от Макона до Лиона в третьем классе — влезли в темноте — стоя, среди спящих в коридоре солдат, их мешков и т. п.)

По приезду домой с неделю мучились, хлопотали, отбивая Маргу от конц. лагеря (у нее немецкий паспорт).

10 июня вечером Италия вступила в войну. Не спал до часу. В час открыл окно, высунулся — один соловей в пустоте, в неподвижности, в несуществовании никакой жизни. Нигде ни единого огня.

Дальше — неделя тревожных сборов к выезду из Грасса — думали, что, м. б., на неск. месяцев — я убрал все наше жалкое имущество. Боялся ехать —

кинуться в море беженцев, куда-то в Вандею, в Пиренеи, куда бежит вся Франция, вшестером¹⁰, с 30 местами багажа... Уехали больше всего из-за Марги — ей в жандармерии приказали уехать из Alpes Mar. «в 24 часа!» Помогли и алерты, и мысль, что возможно, попадешь под итальянцев. (Первый алерт был у нас в воскр. 2-го июня, в 9-ом часу утра).

3 июня Марга мне крикнула из своего окна, прослушав радио: «Страшный налет на Париж, сброшено больше 1000 бомб». 5-го июня прочитал в «Ecl.», что убитых в Париже оказалось 254 ч., раненых 652. Утром узнал и по радио, что началось огромн. сражение. [...] 6-го был в Ницце у Неклюдовых для знакомства с Еленой Александр. Розен-Мейер, родной внучкой Пушкина — крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо; его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску. По дороге в Н. — барьеры, барикады. [...]

Выехали мы (я, Вера, М., Г., Ляля и Оля) 16-го июня, в 10 ч. утра, на наемном, из Нима, автомобиле (2000 фр. до Нима). Прекрасный день. Завтрак в каком-то городке тотчас за Бриньодем. В Ним приехали на закате, с час ездили по отелям — нигде ни одного места! Потом вокзал [...] — думали уехать дальше на поезде — невозможно, тьма народу — а как влезть с 30 вещами! Ходили в буфет, ели. Полное отчаяние — ночевать на мостовой возле вокзала! М. и Г. пошли искать такси, чтобы ехать дальше в ночь, — и наткнулись на рус. еврея таксиста. Ночевали у него. 17-го выехали опять в такси в Тулузу и дальше, в Монтобан, надеясь там ночевать, а потом опять на Lafrançaise, возле которого ферма Жирова. Думали: в крайнем случае поселимся там, хотя знали, что там ни воды, ни огня, ни постелей. Плата до Lafr., — 2300 фр. Сперва широкая дорога в платанах, тень и солнце, веселое утро. Милый городок Люпель. Остановки по дороге военными стражами, проверки документов.

Море виноградников, вдали горы. Около часу в каком-то городишке остановка [...], подошел крестьянин лет 50 и со слезами сказал: «Вы можете ехать назад — армистис!» Но назад ехать было нельзя, не имея проходного свидетельства. Завтрак под с. Этьен (?). Опять виноградники, виноградн. степь. За Нарбоном — Иудея, камни, опять виногр., ряды кипарисов, насажен. от ветра. [...] Мерзкая Тулуза, огромная, вульгарная, множество польских офицеров... (По всему пути — сотни мчащихся в автом. беженцев). В Монтобане — ни единого места. В сумерки — Lafrançaise — тоже. И попали к Грязновым...

[Согласно записям Веры Николаевны, «беженцы» вернулись в Грасс 9-го июля, оставив Е. Н. Жирову с Олечкой на ферме. Разлуку с девочкой В. Н. переживала тяжело. Попытки уехать больше не возобновлялись, и всю войну Бунины провели в Грассе, несмотря на то, что многие друзья уговаривали их уехать в Америку и у них даже были взяты американские визы.

Из записей Бунина:]

28. VII. 40. Воскресенье.

Читаю роман Краснова «С нами Бог». Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен. [...]

2 часа. Да, живу в раю. До сих пор не могу привыкнуть к таким дням, к такому виду. Нынче особенно великолепный день. Смотрел в окна своего фонаря. Все долины и горы кругом в солнечно-голубой дымке. В сторону Ниццы над горами чудесные грозовые облака. Правее, в сосновом лесу над ними, красота зноя, сухости, сквозящего в вершинах неба. Справа, вдоль нашей каменной лестницы зацветают небольшими розовыми цветами два олеандра с их мелкими острыми листьями. И одиночество, одиночество, как всегда!

И томительное ожидание разрешения судьбы Англии. По утрам боюсь раскрыть газету.

Евреям с древности предписано: всегда (и особенно в счастливые дни) думать о смерти.

«Belligerants». Можно перевести старинным русским словом: *противоборники*.

Зажгли маяки. В первый раз увидел отсюда (с «Jeannette») Антибский: взметывается и исчезает большая лучистая золотая звезда.

29. VII. 40.

Вчера еще читал «Вечерние огни» Фета — в который раз! (Теперь, верно, уже в последний в жизни.) Почти все из рук вон плохо. Многое даже противно — его старческая любовь. То есть, то, *как* он ее выражает. Хорошая тема: написать всю красоту и боль такой поздней любви, ее чувств и мыслей при всей гадкой внешности старика, подобного Фету, — губастого, с серо-седой бородой, с запухшими глазами, с большими холодными ушами, с брюшком, в отличном сером костюме (лето), в чудесном белье, — но чувств и мыслей *тайных*, глубоко ото всех скрытых.

А у меня все одно, одно в глубине души: тысячу лет вот так же будут сиять эти дни, а меня не будет. Вот-вот не будет.

Был в Cannes, хотел купаться и не купался — еще только начали ставить кабинки. [...]

30. VII. 40.

Все то же — бьют друг друга авионы. И немцы все пугают, пускают слухи, что они делают «гигантские приготовления» к решительной атаке.

Весть из Лозанны — о возможности выступления Америки. Нет, не выступит!

Прочел о том опыте, который сделали несколько лет тому назад два венских студента: решили удавиться, чтобы их вынули из петли за мгновение до смерти

и они могли рассказать, что испытали. Оказалось, что испытали ослепит. свет и грохот грома.

Смерть Алексея Ивановича Пушешникова (мужа моей двоюродной сестры Софьи Николаевны Буниной) весной 1885 г. Так помню эти дни, точно в прошлом году были (написаны в «Жизни Арсеньева»). Замечательней всего то, что мне и в голову не приходило, что и я умру. Вернее — м. б., и приходило, но все-таки ни чуть не касалось меня.

Вдруг вспомнилось: Москва, Малый театр, лестницы — и то очень теплые, то ледяные сквозняки. [...]

1. VIII. 40. Grasse, а. м.

[...] Carlotti прописал постоянно носить очки (для дали, для чтения оставил те, что дал Pollac) и прикладывать утром и вечером очень горячие компрессы из чая: левый глаз слезится от утомления зрения. Постоянно носить очки не могу — буду чувствовать себя неестественно, поглупевшим. [...]

7. VIII. 40.

Были с Верой в Ницце в американск. консульстве. В кафе Casino с Цетлиными и минуту с Алдановыми (они пришли поздно).

9. VIII. 40. Пятница.

[...] Алданов с самого приезда своего все твердит, что будет «гражданск. война». Твердо решил уехать в Америку [...]

Цетлины тоже собираются. [...]

Ни риса, ни макарон, ни huile, ни мыла для стирки.

10. VIII. 40.

Продолжается разграбление Румынии — румыны должны дать что-то еще и Венгрии.

8-го была огромная битва нем. и англ. авионов над берегами Англии.

Японцы, пользуясь случаем, придираются к Англии. Сталин — к Финляндии, Испания — к Англии (отдай Гибралтар).

Все растет юдофобство — в Рум. новые меры против евреев. Начинает юдофобствовать и Франция.

Олеандры густо покрылись алыми цветами.

15. VIII. 40. Католич. Успенье.

Немцы стреляют по Англии из тяж[елых] орудий. Англ. бомбардировали Милан и Турин. Болгарск. и венгерские требования к Румынии. Рум. король будто бы намерен отречься и скрыться в Турции.

Сталин устраивает ком. манифестации в Гельсингфорсе и Або — и грозит финнам, которые эти маниф. разгоняют. Верно, вот-вот возьмет всю Финл. [...]

17. VIII. 40.

Проснулся в 6½ (значит, по настоящему в 5½). Выпил кофе, прочитал в «Вест. Европы» (за 1881 г., взял в библиот. канской церкви) «Липяги» Эртеля¹¹. Ужасно. Люба должна выйти за «*господина* Карамышева», камер-юнкера, богача, пошляка, проповедующего «верховенство» дворянства в России надо всем, его опеку над народом — «на благо народу». Лунной ночью автор подслушивает разговор его и Любы из своего окна. [...]

Все утро все долины и горы в светлом пару. Неясное, слабо пригревающее солнце, чуть слышный горьковатый запах воздуха — уже осенний.

[...] огромный налет немцев (*avec une précision admirable*!) на Лондон, на берега Темзы — «все в дыму, в пламени...» Кажется, и впрямь начинается.

Погода разгулялась, тишина, зной, торопливо, без устали, без перерыва точат-точат цикады у нас в саду.

Сейчас около 7 вечера. Были в городе за покупками. [...] Магазины почти пусты — все раскупалось последний месяц бешено. Уже исчезло и сало (масла нет давным давно). Мыло для стирки выдают по карточкам маленьк. кусочками, весят, как драгоценность. Осенью, когда исчезнут овощи и фрукты, есть будет нечего.

Днем начал перечитывать «Песнь торж[ествующей] любви»¹² — ноябрь 1881 г., «Вестн. Евр.» Сейчас кончил. Удивительно написано. Но опять то же чувство: мертво, слишком «великолепно», «слишком хорошо».

Вечер тихий, прекрасный. И опять все долины и горы в дымке.

Наши летчики во время прошлой «великой» войны: синяя куртка, серебр. погоны с черными орлами, черн. широк. шаровары с красным кантом, узкие щегольск. сапоги. Двое таких (молодых, красивых, страшно любезных) встретили в Киеве на вокзале Каменскую, с которой я ехал весной 16-го г. из Москвы в Одессу (в маленьк. отдельном купе междунаrodn. вагона).

18. VIII. 40. Воскр.

[...] Анг[личане] сообщают, что за 2 последних дня немцы потеряли 255 авионов. Так что «великое нападение» кончилось неважно. И вот, вчера решено покончить с Англ. «L'All. veut obtenir le blocus total des îles britanniques». Так и объявил вчера Берлин — официально: «il faut terminer cette guerre!» — ни более, ни менее. [...]

Ночи лунные, не яркие. Вчера было полнолуние.

19. VIII. 40.

Вчера после полудня немцы опять бросали бомбы с авионов в окрестн. Лондона. Англич. сообщают, что до 7 ч. вечера немцы потеряли 36 авионов. [...]

Итальянцы стараются — их газеты кричат, гро-
зят: «L'armée All[em]ande est prête! L'Angl[eterre] brûle-
ra!»

Шведск. министр внутр. д. произнес речь на счет
притязаний России на ост. часть Финляндии — «Шве-
ция окажет Фин[ляндии] военную помощь». Окажет-
ли? Не верится.

Пухлая облачность, прохладно. Ночью на меня
сильно дуло из раскрывающихся полотнищ занавеса —
уже недели две сплю с открытым (в сторону Марсея)
окном.

Ждем к завтраку Самойловых.

Разговор с Сам[ойловыми] шел точно в советской
России — все на счет того, как мы будем кормиться
осень и зиму.

20. VIII. 40.

Проснулся в 8, читал А. — вероятно, в десятый
раз — удивительно! Можно перечитывать каждый
год.

Как всегда, втайне болит сердце. Молился на со-
бор (как каждое утро) — он виден далеко внизу —
Божьей Матери и Маленькой Терезе (Б. М. над порта-
лом, Т. в соборе, недалеко от входа, справа). Развер-
нул Библию — погадать, что выйдет; вышло: «Вот Я
на тебя, гордыня, говорит Господь, Господь Саваоф;
ибо наступит день твой, время, когда Я посету тебя»
(Иер. 50, 31).

Вчера в «Ecl. du Soir»: англ. офиц. сообщение:
вчера (в воскр.) вечером над Англией пролетело 600
нем. авионов, мы сбили всего за воскресенье более
ста. Неужели правда? Дальше [...]: блокада Англии
есть наказание за ее бесчеловечное ведение войны...
Анг. должна быть уничтожена как можно скорее —
это она одна мешает установлению долгого и проч-
ного мира в Европе...

10 ч. Принесли «Ecl.». Англ. отступили из Сомалии. Речь Булита, америк. посла во Франции, — говорил в Вашингтоне, — что надо оказать помощь Англии, что, после победы над ней, немцы с Японией нападут на Америку. Канада и Соед. Шт. заключили союз для защиты Сев. Америки. Утка, — думаю, что утка, — будто возможно, что Черчилль заменит этот старый неугомонный подлец Ллойд Джордж [...]

21. VIII.

Вчера был в Cannes, хотел купаться, но встретил вдруг Адамовича — только несколько дней как в Ницце (т. е. демобилизован) — и просидел часа 1½ с ним и Кантором¹³ в café «под платанами». Пригласил их к себе на завтрак во вторник 27-го.

Сейчас один в доме — «nos dames» уехали вчера к маркизе на ночевку. [...] Вера нынче тоже в Cannes [...]

Итальянцы трубят победу в Сомалии, она, по словам «Ecl.» будто бы очень важна. Черчилль вчера сказал devant les communes, что Англ. должна готовиться к «a une campagne 1941-42». Соглашение Рузвельта с Канадой вызвало «inquiétude au Japon» и последствием этого соглашения будет то, что теперь америк. destroyers будут направляться в Канаду, а из К. — в Англию. Так что косвенно Ам. вступила в войну против немцев? [...]

В вечерней газете: Рузвельт опровергает слухи о посылке истребителей через Канаду в Англию; известие, что Троцкий умирает — кто-то проломил ему череп железн. бруском в его собств. доме в Мексике. Прежде был-бы потрясен злым восторгом, что наконец-то эта кровавая гадина дождалась окончательного возмездия. Теперь отнесся к этому довольно безразлично.

22. VIII. 40.

Ночью сильный и оч. прохладный ветер. Сейчас

(11 ч.) солнце, но все еще шумит. В долине под Кабризом пожар в лесах — гигант[ский] дым серо-молочно-рыжеватый медленно идет, поднимаясь, над долинами под Эстерелем. [...]

Убийца Троцкого какой-то Jacques Morton Vandembrecht, родился в Тегеране и натурализованный бельгиец; он арестован; череп у Тр. так проломлен, что виден мозг; Jacques слыл другом Тр. и часто навещал его.

12 ч. 45 м. Слушал радио. Троцкий умер.

23. VIII. 40.

Газета: итальянск. газеты негодуют, что газеты швейцарск. непочтительны к фашизму, к Германии, к итало-нем. союзу, — тон угрожающий: эту моду требовать к себе почтения от всех стран и обуздывания свободы их печати ввела Германия.

Томаты, которые стоили в Ницце в прошлом году 40, 60 сант. кило, стоят теперь от 4 до 5 фр. [...]

Некролог Троцкого (Leiba Bronstein) писал кто-то очень осведомленный — кем? немцами?

Письмо из Ниццы [...]: Цакни посадили в острог за неимением *carte d'id.* и еще за какие-то «небылицы» — просит моей помощи, как «родного» его (а какой-же я ему родной, разведённый с его сестрой уже чуть не 20 лет тому назад?) — поручительства за него и еще чего-то, говоря о моем «добром сердце» — очевидно, денег, которых у меня нет.

Солнечно — и уже августовск. и сент. сухость в этом блеске. Все еще доносится мистраль.

Прочитал Лескова «Захудалый род» — очень скучно, ненужно. В той-же книге «Овцебык» — оч. хо-рошо.

В «В. Евр.» еще три очерка из «Зап. Степняка» Эртеля — все очень плохи. Лучше других «Поплётка», но и тот нудный, на вечную тему тех времен о народной нищете, о мироедах и т. д. Впервые я читал этого

«Попл.» больше полвека тому назад и навсегда запомнил отлично начало этого рассказа. [...] Молочный блеск — особенно хорошо. [...]

Лесн. пожары возле Ниццы, под Тулоном. Вчерашний, недалеко от нас, еще не совсем потух.

Да, да, а прежней Франции, которую я знал 20 лет, свободной, богатой, с Палатой, с Президентом Р[еспублики], уже нет! То и дело мелькает это в голове и в сердце — с болью, страхом — и удивлением: да как-же это рушилось все в 2 недели! И немцы — хозяева в Париже!

24. VIII. 40.

Немцы стреляли в четверг (позавчера) из орудий с франц. берегов по Лондону. [...]

Тело Троцкого будет сожжено и «прах» будет брошен в море — по его завещанию. [...]

25. VIII. 40. Воскресенье.

[...] Франц. радио все чаще за посл. время клонит к тому, что необходим блок Герм.-Италия-Франция. Нынче прямо сказано: «Без канц[лера] Гитлера невозможно устройство новой Европы и прочного мира». Что должен чувствовать П.¹⁴! А может, он ничего не чувствует...

Вчерашнее письмо Алданова: «Я получил вызов к америк. консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С. Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем (Т. М. — буквально), что есть...» [...]

Поехал в Cannes. Нашел Цетлину в кафе. [...] Уговаривала, чтобы я серьезно подумал об Америке — «жить тут вы все равно не сможете». Сказала, что Авксентьев уже уехал, Вишняк и Руднев тоже уже получили визы. «Почему так скоро?» — «Американск. социалисты ходили к самому Рузвельту, просили за

социалистов во Франции...» Итак, наш второй исход, вторая эмиграция!

Погода все та же — горячее солнце и холодный ветер в тени. Олеандры с их мелкими, острыми, бледно-зелеными листьями, сплошь осыпан. розовыми цветами, уже скоро потеряют эти цветы — они стали подсыхать, кое-где чернеть, умирать.

Весь день сижу за своими набросками, заметками. [...]

27. VIII. 40. Вторник.

Вчера завтракал в Cannes с Цетлиными и Алдановым. Цетлины и Алданов приехали к нам со мною к вечеру на обед и ночевку. Нынче у нас завтракали Адамович, Кантор, Цетлины и Алдановы.

Все уехали в 5 ч.

Офицеры бежали больше всего. «Лучше Гитлер, чем Блюм».

29. VIII. 40. Четверг.

Немцы бомбард. «sans répit» порты и заводы англ.

Из Виши: Запрещение в свободн. зоне спектаклей, galas, festivals.

М. А. [Алданов. — М. Г.] говорил за завтраком у нас, что читал три тома генерала de Gaul (кот. сейчас в Англии и заочно присужден франц. правительством — нынешним — к смертн. казни) и был соверш. поражен как его литер. талантом, так и знанием Германии и предсказаниями на счет будущей войны Франции с Герм.

Кофе будут выдавать тоже по карточкам — 100 грамм в месяц на человека. Похоже и это на издевательство.

Как-то на днях ахнул, вдруг подумав: в первый раз в жизни я живу в завоеванной стране!

Читал эти дни в «Сев. В.» (1897 г.) «Дневник бр. Гонкуров»¹⁵. Очень хорошо — кроме посл. лет, когда Эдмон стал писать сущий вздор (напр., о русской литературе) и придавать до наивности большое значение тому перевороту во фр. литературе, который будто он с братом совершил.

В одном месте говорит: «Книги никогда не выходят такими, какими задуманы». Правда, правда.

Следовало-бы написать мой нелепейший роман с Кат. Мих. [Лопатиной. — М. Г.]¹⁶. Новодевичий монастырь, НовоИерусалим. Еще — историю моих стихов и рассказов.

Суб. 31. VIII. 40.

[...] Вчера был в Ницце. Завтракал, как всегда, в Эльзасск. таверне, с безнадежной тоской в душе: вот еще год жизни прошел, и уже далекой кажется грустная прошлая зима и нет несчастной, всегда бодро усмехающейся Ирины, и Цакни сидит в остроге (это с ними бывал я в этой таверне). [...]

На днях в «Ecl. de Nice» было большое пустое место — зачеркнута цензурой целая статейка. Оказывается, [...] в Ницце было такое событие: стояла толпа в очереди, дожидаясь выдачи горсточка кофе, а мимо проходил итальянский офицер с деньщиком (очевидно, из оккупир. части Ментоны); из толпы стали кричать злобно и насмешливо: «эй, вы, макароны!», офицер ответил толпе тоже каким-то оскорблением, а кто-то из толпы дал ему пощечину, а его деньщик застрелил этого кого-то...

День облачный. К вечеру так прохладно, что я надел теплую куртку.

Александр III умер в Ливадии в 2 ч. 15 мин. 20 Окт. 1894 г. (стар. стиль). В тот-же день на площадке перед церковью Малого дворца присягнула Николаю вся царская фамилия. Думал-ли он, какой смертью погибнет он сам и вся его семья! И вообще, что может

быть страшной судьбы всех Романовых и особенно старой царицы, воротившейся после всего пережитого опять в Данию, старухой, почти нищей, и умершей там! И чего только не пережил на своем веку я! И вот опять переживаю.

1. IX. 40. Воскресенье.

Все увеличивающая[ся] «воздушная дуэль» Германии и Англ. [...] Налеты на Лондон и на Берлин, алерты и там и тут по 2, по 3 часа. Немцы подводят итоги воздушной войны за год: «мы уничтожили 7000 вражеск. самолетов, сами потеряли всего 1050». Довольно странно! [...]

Все-таки это правда — наступают *самые* решительные дни.

В прошлом году первое сентября было в пятницу. После завтрака все внезапно полетело к чорту — радио известило, что немцы ворвались в Польшу и что завтра начнется всеобщая мобилизация во Фр. Г. и М. сошли с ума, кинулись собираться в Париж и через час мы отвезли их в такси в Cannes на вокзал.

3. IX. 40.

Были с В. у Mme Жако — просили ее написать нашей хозяйке — эта старая дура надеется кому-то сдать «Jeannette», соверш. не представляет себе жизнь во Франции.

Облачно, у нас почти холодно, внизу было душно как перед грозой. Ночи совсем свежие. [...] Годовщина объявления войны!

4. IX. 40.

[...] Письмо от Гребенщикова об Америке¹⁷. [...]

На днях прочитал (перечитал, давным давно не перечитывал) «Мальву» и «Озорника» Горького. Вполне лубок. И хитрый, преднамеренный.

6. IX. 40.

Отличный тихий солнечный день, хорошо выспался, не плохо себя чувствую, только втайне тревожусь, как всегда утром, — жду газету.

Часто думаю: как незаметно прошло такое огромное событие — исчезновение целых трех государств — Литвы, Латвии, Эстонии! Давно ли я видел их со всем [всей? — М. Г.] их национальной гордостью, их президентами, их «процветанием» и т. д.! Поиграли больше 20 лет во все это — и вот точно ничего этого никогда не было¹⁸! От Карамзиной¹⁹ уже давным давно ни слуху, ни духу — и, верно, навсегда... А Чехия, Польша, Бессарабия, Дания, Голландия, Норвегия, Бельгия, прежняя Франция? Уму непостижимо! И изо дня в день, самыми последними словами, поносят в газетах и по радио сами себя французы — эту прежнюю, вчерашнюю Францию.

Пишу и гляжу в солнечный «фонарь» своей комнаты, на его пять окон, за которыми легкий туман всего того, что с такой красотой и просторностью [просторностью? — М. Г.] лежит вокруг под нами, и огромное белесо-солнечное небо. И среди всего этого — мое одинокое, вечно грустное Я.

Принесли газету. [...] Речь Черчиля devant la chambre des communes. За 2 посл. месяца Англия потеряла 558 авионов. За август погибло смертью среди гражданск. населения 1075 человек, 800 домов разрушено. Атаки немцев в сентябре еще усилятся [...]

Радио в 12½: нынче ночью большие демонстрации в Бухаресте против евреев и с требованием отречения короля; король ночью отрекся и намерен переселиться в Швейц. Все теперь во власти «Железн. гвардии», т. е. немецких ставленников. На престол вступил Михаил.

7. IX. 1940.

Вчера в три часа поехал в Cannes, — автобус, как

всегда, был набит народом до ужаса, — купался на пляже Grand Hôtel'я; кабинка стоит теперь уже 8 франков! Возвратясь, поднимался пешком, — такси уже совсем исчезли, — тяжкий труд! [...]

Декреты, декреты, декреты... Вчера особенно замечательный: запрещается пить кофе в кафе с 3 ч. дня. Да, если бы не немцы, уже давным давно все летело бы к чорту, — «грабь награбленное!»

Дневник братьев Гонкур: почему Тургенев «милый варвар»? Какая французская тупость, какое самомнение! [...]

Радио в 12½: Антонеску послал телеграммы «великому фюреру» и «великому дуче». Так прямо и адресовался. Еще одно дельце Гитлер обделал. Какие они все дьявольски неустанные, двужильные — Ленины, Троцкие, Сталины, фюреры, дуче!

Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: «Жизнь Арс[еньева]» может остаться не конченной! Но тотчас с облегчением подумал, что не только «Евг. Онегин», но не мало и других вещей Пушкин не кончен, и заснул.

Уже давным давно не могу видеть без отвращения бород и вообще волосатых людей.

За мной 70 лет. Нет, за мной ничего нет.

8. IX. 40. Воскресенье.

[...] Еще раз просматриваю «Красную лилию» Франса. Нет, это редкий роман, во многих отношениях прекрасный.

9 ч. вечера. Восьмичасовое радио: [...] «гигантская битва» немцев с англ., — тысяча авианов над Лондоном, сброшено миллион пудов бомб, сотни убитых и раненых, а англичане громят Берлин и сев. побережье Франции. Уже два часа идет дождь и через кажд. пять секунд тяжело, со стуком потрясает небо гром. Открыл окно: ежесекундно озаряется все небо дрожащим голубым светом, дождь летит на голову. Осенью мы

будем сидеть здесь как на «фраме» Нансена. И что будем есть? Оливкового масла осталось у нас 5 бутылок — очевидно, на всю осень, а может, и зиму. И чем будем топить?

9. IX. 40. Понедельник.

И в газете то же, что вчера говорили по радио — вчера после полудня был страшный налет на Лондон. [...]

Дым от пожаров в Англии виден с северных берегов Франции.

Вечерн. радио: немцы *продолжают* свое дело. Англ. три часа бомбардировали Гамбург. В какой-то америк. газете говорят: «Это истинный ад на земле!»

Опять думал о том *необыкновен.* одиночестве, в котором я живу уже столько лет. *Достойно написания.*

10. IX. 40. Вторник.

Вчера свежая лунная ночь (уже половина луны). Прошлись с В. по Route Nap. [...] Раздумал ехать прощаться с Алдановым. М. б., уже уехал. Посылаю письмо.

На олеандрах еще осталось много цветов.

11. IX. 40. Среда.

[...] Нынче с утра вся долина как на ладони, черная, маленькая. Но день ясный, солнечный, только очень прохладный ветер в окна (с Италии). Беспокойство, хочется ехать на море — зачем, однако? Да и очень трудны теперь поездки. В. уехала в Cannes. [...]

Вечером: в ночь со вторн. на среду алерт над Лондоном длился более 8 часов; англ. в эту ночь бомбардировали Берлин [...]

Слушали Москву в 9½ вечера (по-московски в 11½).

12. IX. 40.

Вчера в 6 ч. вечера Черчилль говорил перед радио: немцы всячески приготовились к высадке в Англии — нападение может произойти каждую минуту — и мы готовы к нему; каждая пядь земли, каждая деревня, каждая улица будет защищаться нами. [...]

Леонардо да Винчи, переселившись в Милан, предлагал свои услуги Людовико Моро — между прочим, в качестве скульптора и живописца: «во всем этом, светлейший государь, я могу делать все, что только можно сделать, — *по сравнению с кем угодно*». Вот это я понимаю!

Пушкин незадолго до смерти писал: «Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить».

16. IX. 40. Понед.

Итальянцы, в количестве 260.000 человек, вторглись в Египет. Англо-немецкая «дуэль» продолжается с большой силой. Леон Блюм посажен в *château de Chazeron*. За что? Я его всегда терпеть не мог, но сейчас все-таки возмущен чрезвычайно. Ведь он был избран и правил «волею народа».

17. IX. 40.

Все то же, непрекращающееся. Вчера вечером *пятый* алерт над Лондоном *за день*. В ночь на понедельник алерт длился 9½ часов. [...] В Риме пишут, что главное наступление на Англию *будет только* весной.

Франц. правительство обращается к стране с советом есть сыры, зелень и фрукты — в них есть все нужные витамины. Беда только в том, что сыров почти нет. Чудесный день.

[... В этот же день Вера Николаевна записывает:]

[...] Ян много что-то пишет. Слава Богу, не томится. В такие времена особенно проявляется лич-

ность человека. Он много, часто и хорошо говорит о том состоянии, куда зашла вся Европа. Что дает Европе юдофобство, диктатура и все, что теперь творится.

[И. А. Бунин:]

19. IX. 40. Четверг.

Позавчера ездил с М. и Г. в Cannes, бегали по городу, там и сям накупая сыры (дают по кусочку, все бросились их покупать, прочитав в «Ecl.», что в сырах много всяких витаминов).

Вчера, как и предыдущие дни, — уже дней пять теперь, — пишу заметки в серой тетради. [...]

[После этого, видимо, наступил период усиленной творческой работы. В записях коротко говорится о том, когда был написан тот или другой рассказ. Вероятно, все другое было опущено Буниным при переписке дневников или же вкратце включено в запись от 30-го октября.]

20. IX. 40. Начал «Русю». 22. IX. 40. Написал «Мамин сундук» и «По улице мостовой». 27. IX. 40. Дописал «Русю». 29. IX. 40. Набросал «Волки». 2. X. 40. Написал «Антигону». 3. X. 40. Написал «Пашу» и «Смарагд». 5. X. 40. Вчера и сегодня писал «Визитные карточки». 7. X. 40. Переписал и исправил «Волки». 10, 11, 12, 13. X. 40. Писал и кончил (в 3 ч. 15 м.) «Зойку и Валерию». 14, 17, 18, 20, 21, 22. X. 40. Писал и кончил (в 5 ч.) «Таню». 25 и 26. X. 40. Написал «В Париже» (первые страницы — 24. X. 40). 27 и 28. X. 40. Написал «Галю Ганскую» (кончил в 4 часа 40 м. дня 28. X.).

23. X. 40. (10. X. 40 по старому стилю), 11½ ч. вечера.

Шум дождя по крыше, шум и постукивание капель. Иногда все сотрясающие раскаты грома. Лежал, читал «Несмертельного Голована» Лескова, потом выпил полстаканчика водки.

70 лет тому назад *на рассвете* этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже на Дворянск. улице. Сколько лет еще осталось мне? Во всяком случае немного и пройдут они очень быстро, — давно-ли, напр., была осень в Beausoleil, где мы жили на этой горе, в этом высоком доме (Villa Dominante)! А прошло уже 2 года.

Проснулся поздно (в 9 ч.), с утра было серо и прохладно, потом весь день шел дождь. Все-таки мое рождение немного праздновалось — баранье плечо, вино (Марга подарила Понте-Канэ). Галина переписывала «Таню», которую я кончил вчера в 5 ч. вечера.

[Записи Веры Николаевны за это время состоят главным образом из выдержек из полученных писем. Но 23 октября у нее записано: День рождения Яна. Подарила ему последний свой кофе — подарок Самойловых. [...] Неделю назад в неожиданный час приехал Леня. [...] бросился за работу. [...]

30. X. 40.

С утра солнце, но из-за Альп над Вансом дожд[евые] облака. К полудню распогодилось, прохладно. [...] Перетащил сейчас (три часа дня) к себе письменный стол из кабинета внизу. Тотчас после того началась ужасная кровь.

Все посл. время то дожди, то хорошая погода. 14 (1 окт., на Покров) Вера ездила в Cannes к обедне (в страшный дождь) — ее рождение. Жалко ее, больную, слабую, нервную, утешающуюся чем Бог даст, — жалко нестерпимо.

С месяц почти пишу не вставая, даже иногда поздно ночью, перед сном.

18 Окт. ездил с Бахраком²⁰ (он живет у нас) в Ниццу — прощальное свидание в кафе под Казино с Алдановым (опять вернувшимся).

26 Окт. получена была от Зайцева открытка: 17-го Окт. умер Н. К. Кульман (19 похоронен в St. Gen. du Bois) — кончается, кончается наша прежняя, долгая и сравнит. благополучная эмигр. жизнь. Да, 20 лет, треть человек. жизни мы в эмиграции.

28 Окт., вечером, узнали: началась еще одна война — Италия напала на Грецию, придралась к чему-то, о чем *сама* солгала, и напала.

9. XI. 40.

Семь лет тому назад весть о Ноб. премии. Был счастлив — и, как ни странно сказать, молод. Все прошло, невозвратно (и с тяжелыми, тяжелыми днями, месяцами, годами).

10. XI. 40.

Были чудесные, солн. дни. Липа под моим окном стояла вся уже сквозная, светло-канареечная, небо в ней было яркое, бирюзовое. (Другая липа все еще густая, зеленая). Нынче ливень, холод.

11. XI. 40.

Вчера поздно вечером кончил «Генриха» (начал 6, писал 7 и 9). Опять хороший, теплый день. В 2 ч. ходил в город, в банк, меняю посл. тысячи. [...]

«Генриха» перечитал, кое-что черкая и вставляя, нынче утром. Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил. Одно осталось — помоги и спаси, Господи.

За прошлую неделю оч. много потерял крови, слабость и боль в темени.

14. XI. 40.

Позавчера был в Ницце у доктора Карлотти — все слезится левый глаз. Прописал новые капли, сказал, что зрение у меня хорошее и что все-таки я должен постоянно носить очки (для дали, а работать в прежних).

Весь день перечитывал написанные за эту осень рассказы и клал их в две папки — одну надо положить в сейф.

Молотов был два дня в Берлине: решают новое устройство Европы «на развалинах старой», — как пишут итальянцы.

Умер и похоронен, как самый обыкновенный человек, забытый уже всеми Чемберлен.

Итальянцы пока напоролись на греков.

17. XI. 40.

Все добываем пропитание, [...] добыли 1/2 бут. прованского масла, 2 кило картошек, 30 яиц — и счастливы! Серо, дождь.

Среда, 20. XI. 40.

[...] Прошу устроить мне денежн. помощь у богатых шведов. Ничего, конечно, из этого не выйдет.

Пятн. 22. XI. 40.

Письмо от Алданова из По: умер В. В. Руднев. Рак желудка. Очень жалко. Алдановы уезжают в Америку 25-го. Кончаются, кончаются наши эмигрантские годы!

Воскр. 24. XI. 40.

[...] После захода — там, к Марселю: внизу темнеющее оранжево-красное, выше зеленоватое, прозрачное, еще выше — бесцветная синева.

Среда, 27. XI. 40.

[...] Хочется писать, но чувствую себя тревожно, мысленно хватаюсь то за одно, то за другое.

4. XII, 5. XII и 9. XII. 40.

Написал «Три рубля».

13. XII. 40. Пятница.

[...] Италия объявила о своем вступлении в войну 10 июня в 6 часов вечера — уже отлично зная, что немцы разбили Францию, спускаются в долину Роны и угрожают «de prendre à revers» французск. Альпийскую армию. [...]

Нынче сообщение англичан, что они взяли в Африке 20 тысяч итальянцев в плен.

Греки бьют их (итальянцев) все время.

Статья в «Candide» о Блюме. При выборах все эти Блюмы делали чорт знает что.

Перечитываю Чехова. Очень хороша «Жена». Какая была всяческая опытность у него уже в те годы! Всегда этому дивился, и опять дивлюсь. Удивительны и «Скучн. история» и «Дуэль».

С 28 ноября приказали опять полное затемнение. Ночи стоят лунные, прекрасные и очень холодные.

В конце ноября зверства в Румынии.

15. XII. 40. Воскр.

Позавчера поразила ночь, — оч. мало звезд, на юге невысоко лучистый, не очень ясно видный голубыми брил[лиантами] играющий (только он один) Сириус, луна оч. высоко почти над головой как золотое солнце (шаром), высоко на западе (оч. высоко) золотой Юпитер, каменная неподвижность вершин деревьев.

Вчера завтракал в Carlton'е у Гукасова²¹. Богатство вестибюля, рестор. зала, много богатых американцев и англичан. Меню как будто нет войны. Две бу-

тылки бордо — рара Clement. Солнечно, прекрасно. Оптимизм Гукасова.

Нынче погода портилась.

Ничего не могу писать. [...]

Разгром итальянцев в Африке и в Албании продолжается. 26.000 пленных в Африке.

Вчера был у доктора Charlet на счет глаз. И он приказывает носить очки (для дали) *постоянно*.

Живем очень холодно и очень голодно.

Нынче нежид. новость: выкинут Лаваль. Путаное, непонятное обращение к Франции в связи с этим маршала. Что-то случилось. Что?

18. XII. 40. Среда.

Дня два было сыро и очень холодно. Вчера опять солнечно, тихо, свежо. Нынче тоже. И от этого, как часто, еще грустней. Страшное одиночество.

Уехал в Ниццу Бахрак.

Англичане и греки продолжают бить итальянцев — в Албании и в Африке. Позавчера московск. радио сообщало вечером, что англич. взяли в Африке в плен 50 тысяч итальян.

20. XII. 40.

Серо, очень холодно. В доме от холода просто невыносимо. Все утро сидел, не отдергивая занавеса в фонаре, при электричестве.

Едим очень скудно. Весь день хочется есть. И нечего — что кажется очень странно: никогда еще не переживал этого. Разве только в июне, в июле 19 г. в Одессе, при большевиках

22. XII. 40.

Было солнце и облака. Прочел «Исполнение желаний» Каверина («советский»). *В общем* плохо.

Письмо от Алданова из Лисабона (послано 13 Дек.). Цетлины тоже в Лисабоне, визу в Америку еще не получили. Алдановы уезжают 28 Дек.

30. XII. 40.

Почти все время солнечно и морозно. Дня три лежал снег (с полвершка), в тени до сих пор не совсем стаял. В доме страшный холод, несмотря на горячее солнце (особенно у меня в фанаре). Голодно. [...] Ничего не могу писать. [...]

Рождество было нищее, грустное, — несчастная Франция!

Читал последние дни «Василия Теркина» Боборыкина. Скука адова, длинно, надумано. Продолжал перечитывать Чехова. За некоторыми исключениями, все совершенно замечательно по уму и таланту. «Иванов» совершенно никуда.

31. XII. 40.

Гораздо теплее, даже некоторое весеннее тепло.

1941

1. I. 41. Среда.

«Встречали» Новый год: по кусочку колбаски, серо-сиреневой, мерзкой, блюдечко слюнявых грибков с луком, по два кусочка жареного, страшно жестка [жесткого. — М. Г.] мяса, немножко жареного картофеля (привез от N. N.), две бутылки красного вина и бутылка самого дешевого асти. Слушали московское радио — как всегда хвастовство всяческим счастьем и трудолюбием «Советского Союза» и танцулька без конца.

Позавчера речь Рузвельта, необыкновенно решительная [...] Нынче в газетах вчерашнее новогоднее послание Гитлера: «Провидение за нас... накажем

преступников, вызвавших и делящих войну... поразим в 41-м году весь мир нашими победами...»

Небольшой мистраль. Красота гор над Ниццей.

3. I. 41.

С утра дождь и туман. После завтрака проглядывало солнце. К вечеру белые туманы в проходах Эстереля, море серо-свинцового тумана в долинах и горах в сторону Марселя.

Перечитывал «Петра» А. Толстого вчера на ночь. Очень талантлив!

6. I. 41. Понедельник.

Дождь, сыро, серо, холодно, опять сижу при огне — «фонарь» с закрытыми ставнями, задернутой занавеской и ширмами. [...]

Англо-немецкая война все в том-же положении — бьют друг друга, как каждый день всю осень. Осточертело читать и слушать все одно и то же.

Японский м. внутр. дел произнес речь на весь мир — «41 год будет самый трагический для человечества, если продолжится война и не будет возможности для Яп., Ит. и Германии организовать новый мир ко всеобщему благополучию». Последнее особенно замечательно. [...]

21. I. 41.

Были по всей Европе страшные холода, снега. У нас тоже. Холод в доме ужасный, топить вволю нельзя, не чем: запасы наши угля и дров на исходе, дальше будут давать только 100 кило в месяц — насмешка! Все время ищем что купить! Но нечего! Находим кое-где скверный, сморщенный горох (и торговец и мы врем — «для посева»), ржавые рыбки, род *stet.* селедочек и сардинок — и всё. Питаемся скверно¹. [...]

Ждали, что немцы пройдут через Болгарию в Грецию. В Средиз. море их авиация работает уже — помогает итальянцам.

Гитлер виделся с Мус[солини] — «приняты важнейшие решения».

Нынче вечером советск. и швейц. радио: англич. взяли Тобрук. Междуособ. война в Румынии.

25. I. 41. Суббота.

Солнечный и уже теплый день. Вчера послал авгесот. Цетлиным в Америку. Нынче — открытку Тане Муравьевой². Сходил опустить ее после завтрака в ящик возле женской обители (под Helios'ом). Сидел на подъеме к «Chaumiere». Припекало. Тишина и грусть на душе.

При взятии Тобрука захвачено около 20.000 пленных. Англичане идут дальше к западу. [...]

Нападения на Англию притихли. «Затишье перед бурей»?

Хитлер, верно, уже понимает, что влез в опасную историю. Муссолини усрался — чем-бы там дело ни кончилось. Возможно, что и Абиссинию потеряет.

9 Янв. были на именинах у Самойлова. Прекрасный день. «Альпийский» вечер, когда не дали автоб[уса].

Вечер 11 янв.: выделились белые дома внизу, в окрестности, потемнела зелень камен[ного] дуба у ворот, желтая луна на бесцветно-синем небе; ночью: луна оч. высоко, небо пустое, огромн., на юго-в. луна чисто играет чистый голубой брилл[лиант] Сириуса.

26. I. 41. Воскр.

Солнечный и теплый день. Ездил в Cannes на концерт Барсукова (с оркестром). Моцарт, Метнер. Потом пили чай в англ. кофейне. [...]

28. I. 41.

Дождь, сыро, холодно. Вера чем свет уехала за яйцами. Был о. Николай, святил дом. Зуров подпевал при службе.

29. I. 41.

Последние деньги утекают. [...]

В Норвегии голод. В Финляндии — голод, во Франции голод. Вся Европа ввержена в смертоносные битвы, голод, холод, рабство, муки.

30. I. 41.

Холод, дождь, туман. 889 фр. из Швеции — там читали что-то мое для радио.

31. I. 41. Пятница.

Всю ночь проливн. дождь и буря. И днем дождь. Ходили в город, истратили на покупки, — на всяческую дрянь, — больше 100 фр.

Чрезвыч. бодрое английск. радио вечером.

1. 2. 41.

Непрерменно изменить жизнь, — не пить на ночь, гулять днем и перед сном — видел нынче в 2 часа, когда пошли с Бах[рахом] в город, тонкий серп нов. месяца, будут, значит, светлые ночи и м. б. теплее, а то все был мрак и холод.

С утра было сумрачно, к десяти разгулялось — солнцу и тепло. Груды кремовых курчавых облаков (снизу серых), навалившихся на собачью гору над М. Карло.

И в Африке и в Греции продвижение англ. и греков.

Гитлер в своей речи 30 Янв. признал «неуспехи» итальянцев. Но это не важно, — все равно, сказал он, *«en 1941 l'histoire connaitra un ordre nouveau — il n'y*

aura plus de privilèges, plus de tyrannie... le monde aura le dernier mot...»³.

6 ч. вечера. Полчаса тому назад над М. К., над горами, было нечто гигантское, состоящее из белых клубов, по клубам озаренное красным. Что там, в северн. Италии? Сейчас завешивал окна — высоко, высоко мутный серп месяца — и «синие тучи весны на западе будут видны (Андреевский)» — синие тучи на закате. Да, это уже весна. И сердце вдруг сжалось, — молодо, нежно и грустно, — вспомнилось почему-то время моей любви, несчастной, обманутой — и все-таки *в ту пору* правильной: все таки в ту пору было *в ней*, тогдашней, удивит. прелесть, очарование, трогательность, чистота, горячность... Впрочем, все это очень плохо говорю.

3. 2. 41.

Мрачно, холод, дождь, Эстерель пегий от снега.

Был в городе. Каждое возвращение оттуда с тяжелой сумой через плечо (бут. вина, фрукты, овощи) на нашу крутую гору — великая мука.

По франц. радио из Америки: вот-вот немецкое наступл. на Англ., у немцев десятки тысяч авионов, в первый налет пойдет 10 тысяч, во второй 18...

Перенесена ко мне сверху печка угольная, а моя, дровяная на верх. Читаю Шаховского (о. Иоанна) «Толстой и церковь». Смесь неглупого и глупого.

Часто думаю с удивлением и горем, даже ужасом (ибо — не воротись!) о той тупости, невнимательности, что была у меня в первые годы жизни во Франции (да и раньше), к женщинам.

То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, нечто есть тело женщины, *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова.

7. 2. 41.

С Бахр. в Cannes, завтракали там [...] жареный кролик с зел. бобами, компот (с сахаром) из апельсинов, хорошее кофе — давно так не ел! Счет — 150 фр. После завтрака дантист [...] вырвал мне зуб. Выпил флягу коньяку — опять!

Солнечный день. Англичане взяли Бенгази (6-го вечером).

8. 2. 41.

Солнечный и совсем теплый день. В городе купили еще 3 кило гороху (да Г. с М. 2) — боимся, что будет полный голод. [...]

Вечером радио: разгром англичанами итальянск. армии, отступавшей из Бенгази.

6-го видели на Соугс итальянцев. Щеголи до блядства.

Завтракали и обедали мы «роскошно», — съели по кусочку свинины (одно жесткое сало), ели салат.

9. 2. 41. Воскр.

Полдня тепло и солнечно, потом замутилось. [...] Вечером слушали английское радио — речь Черчиля. Предостерегал Болгарию, через которую немцы, м. б., вот-вот прорвутся в Грецию.

11. 2. 41.

Адмирал Дарлан назначен Петэнном «наследником». Почему адмирал, главнокомандующий фр. флотом?

Теплый день. С утра весь небосклон к югу и западу, под солнцем, был закрыт дымно-туман. тучей. Ходили в город — пустыня во всех лавках! Только вялый жесткий сельдерей. Сонливость — много потерял за посл. дни крови.

12. 2. 41. Среда.

Вчера вечером англ. радио: Франко проехал по франц. Ривьере к Муссолини, Петэн выехал из Виши в свое поместье (близ нас) и будет иметь свидание с Франко на его возвр. пути. В чем дело? Нынче в газетах ничего нет об этом, но сказано, что Испания решила примкнуть к «Оси» в «мировой политике». Итальянск. сообщение: «итальянский народ в страшном гневе на подлость англичан, бомбардировавших Геную, и «накажет» их жестоко». [...]

[Из записей Веры Николаевны:]

12 февраля 41.

Запасы тают, а на базаре только овощи и фрукты. Сейчас вошел Ян. Принес банан. Он очень заботлив ко мне. Старается, чем возможно, питать. Вчера они с Алей [Бахрахом. — М. Г.] привезли макароны. [...] целое кило. Слава Богу!

От холода я мало делаю. Порой кажется, что застывают мозги. Домашняя жизнь трудная, мало радостей. [...] Прочла только что «Суходол», а третьего дня «Деревню»⁴. Читать их следует одним махом, как слушать симфонию. [...]

Как от нашего поколения закрывали все духовное. Позитивисты царствовали, владели душами и мыслями. От церкви закрывал и Толстой. Вл. Соловьева читали немногие, о Конст. Леонтьеве почти никто ничего не знал; в загоне были и славянофилы. Владел душами Герцен. А затем, с начала столетия, стали проникать социалисты, материалисты с Плехановым во главе. [...] Религиозно-философское общество было для немногих, и мы туда не попадали. Вейния Мережковских тоже как-то не доходили. «Вечные спутники»⁵ — восхитили, правда. [...]

[Из записей Бунина:]

23. 2. 41. Воскресенье.

[...] Открытки от Веры Зайцевой и Каллаш. Вера: «Jisn gavno» (жизнь гавно). «Va bien.».

Кал.: «Jrem brukvou va bien» («жрем брюкву»)⁶.
[...]

6½ вечера. Никогда за всю жизнь не испытывал этого: нечего есть, нет нигде ничего, кроме фиников или капусты, — хоть шаром покати!

24. 2. 41. Понед.

Был в Cannes. Пошел в порт, в ресторанчик-бистро, прославившийся своей кухней среди богатых людей. Бедно, 4 столика, за конторкой седенькая жена хозяина, седой небритый хозяин, оба жили в России, вспоминают ее с восторгом и грустью, говорили (плохенько) по русски. Жаловались: ни провизии, ни газа. Дали мне 1/2 б. оч. хорош. красного вина, салат из свеклы и рубл. кусочки курицы (кости гл. образом) и скверного «café national». Счет 44 фр. [...]

Ждал час билета и посадки в автобус (на горячем солнце). Дома гороховый суп и по 2 ломтика колбасы, сделанной из чорт его знает чего. [...]

Кончил «Даму с кам[елиями]». Ничуть не трогает, длинно, фальшиво.

25. 2. 41.

Солнце, но холодно. [...]

Комментарии к речи (воскресной) Муссолини и к речи (вчерашней) Гитлера. [...] Оба вождя выразили «уверенность в их конечной победе». Гитлер говорил, что ni le general «hiver», ni le general «Fain» не страшны Германии, и что с помощью Провидения англичане будут разбиты повсюду.

26. 2. 41. Среда.

Проснулся в 8, не доспал, но решил встать, начать раньше ложиться и вставать раньше. Очень тосковал вчера перед сном. Дикая моя жизнь, дикие сожители. М., Г. — что-то невообразимое. Утром туман, дождь. Так холодно, что мерзнут руки. [...]

Вечером. Синяя муть (грядой) на западе, над ней муть красно-оранж. неба, выше небо зеленоватое.

1. 3. 41.

Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад! И мог-ли думать, в каком положении буду писать через год!

Проснулся в 8, выпил ту бурду, которая называется теперь кофеем, и опять заснул часа на полтора.

Серенький, сравнительно теплый день. Больна Вера, — насморк, кашель, легкий жар, а все таки бежала нынче на базар.

В первом часу радио: Болгария присоединилась к Германии, Италии и Японии! Очевидно, немцы пойдут через нее на Грецию.

2. 3. 41. Воскр.

[...] Присоединение Болгарии к «тройственному пакту» подписано вчера в Вене в половине второго. [...] Серьезный денек был вчера!

4. 3. 41. Вторник.

Немцы на границе Греции. Вечером англ. радио: разрыв дипломат. отношений Англии с Болгарией, объявление Англией ей войны.

Ночь, молодая луна, мистраль.

6. 3. 41. Четверг.

Вчера завтракал в Cannes. [...] Очень глупо кое-что болтал, выпил почти бут. красн. вина. Потом в

англ. кафе джин за кофеем, потом в кафе против вокзала vieux porto. Приехав, накупил вина, опять пил. Проснулся ночью, лежал в страхе, что могу умереть.

День был солнечный и свежий. Нынче такой-же.

Опять думал, посидев минут пять в саду и слушая какую [какую-то. — М. Г.] весенн. птичку, что иного представления о Боге, кроме Толстовского (его посл. лет), не выдумаешь. Божественность этой птички, ее песенки, ума, чувств.

За посл. дни уже много цветущ. мимозы.

8. 3. 41.

Вчера весь день холод, дождь, туман, вечером долго гремел гром.

Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни.

Нынче с утра тоже дождь, тучи, туман, сейчас (к вечеру) распогодилось. [...]

Принца Павла вызвал к себе Гитлер. Хозяин Европы вызывает! Что-то выйдет из этого вызова?

Англию, конечно, бомбардируют, — *изо дня в день, восьмой месяц!* Англичане отвечают тем-же. Быстро продвигаются в Абиссинии. [...]

9. 3. 41. Воскр.

Так холодно, что затопил с утра. Облака, тучи, просветы, иногда дождь.

В газете ничего особенного. Бьют итальянцев в Албании и в Африке. Вчера в 10 ч. 50 вечера через Ниццу провезли в Испанию гроб Альфонса. Несколько дней тому назад бывший румынск. король бежал на автомобиле из Испании в Португалию («avec M-me Loupesku»). Короли бегают!

Три раза в жизни был я тяжело болен по 2, по 3 года подряд, душевно, умственно и нервно⁷. В молодые годы оттого так плохо и писал. А нищета, а бесприютность почти всю жизнь! А несчастные жизни отца, матери, сестры! Вообще, чего только я не пережил! Революция, война, опять революция, опять война — и все с неслыханными зверствами, несказанными низостями, чудовищной ложью и т. д.! И вот старость — и опять нищета и страшное одиночество — и что впереди!

10. 3. 41.

С утра ужасный холод, дождь. Сейчас (4 ч. дня) с запада расчистило, солнце. Но ветер все еще с Италии и, если не повернет, не пойдет с Марсея, не жди ничего хорошего.

Очень грустное впечатление осталось и все еще держится от переписки с клочков моих полудетских записей (1885, 86, 87 гг.). Очень жалко себя.

11. 3. 41.

Солнечное утро, безоблачн. небо. Сейчас десять минут двенадцатого, а Г. и М. и Бахрак только что проснулись. И так почти каждый день. Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержу троих, четвертый, Зуров, платит в сутки 10 фр. [...]

Газеты: Франц. правительство решило ни в коем случае не дать Англии захватить франц. флот и охранять торгов. корабли военными. Значит, Англия намеревается захватить флот? «Лихорадочно» укрепляется Гибралтар.

Греческий премьер заявил, что Греция не уступит ни метра своей «священной земли». Значит, немцы готовятся вторгнуться в Грецию?

Югославия подписала с Германией пакт о ненападении и экономический. Рузвельт через югославского посла обратился к Принцу Павлу, чтобы тот держал

ся, ибо он, Р., уверен в победе Англии: это последнее сказано в швейц. газете — во французских об этом ни слова.

После завтра [завтрака? — М. Г.] по саду. Довольно жаркое солнце. Две ящерицы. Птичка сладко поет, уже по весеннему. За домом цветет большое старое миндальное дерево — издали кажется, будто бумажными бело-розоватыми цветами. Зеленые подушки из мелкой зелени в мелких ярких фиолетовых цветах. [...]

12. 3. 41.

Вчера вечером был с Бахр. в городе, в том синема, где не был целых 7 лет слишком, — после того дня, когда сидел в нем с Г[алиной] и вдруг в темноте вошел Зуров и сказал: «телефон из Стокгольма, Ноб. премия дана вам...» Вчера там пели, играли и плясали испанцы. Заснул в час, выпив — опять! — рюмок пять водки. Нынче проснулся в 8½, но довольно хорошо себя чувствуя. Солнечно не яркий день, довольно тепло — уже по весеннему. [...]

Газета: опять о том, что Франция будет защищать франц. Африку (офиц., из Виши). От *кого* защищать? [...] Возобновление греческой активности в Албании.

16. 3. 41. Воскр.

Все дни почти сплошь солнечные, но с прохл. ветром. Нынче теплее всего. Все дни ничего не делал — верно, от потери крови. Читал «Р. Мысль» за 904 и 905 г. [...] Рассказы в «Р. М.» ужасны. Даже не ожидал, что это такое было. Вера уехала к Самойловым. На счет питания совсем скверно. Я очень похудел. Что будет с Югосл., до сих пор неизвестно.

17. 3. 41.

Солнечно, облака, почти совсем тепло. Утром прогулка через лес.

Греки сообщают о провале итальянск. наступления в Албании. Англичане продвигаются к Аддис-Абебе. [...] Гитлер опять говорил — «в день героев» (вчера). Опять обрисовал положение Германии после Версаля, опять сказал, что Германия «все таки» не хотела войны, что ответствен. за нее падает на таких господ как Churchill и на масонов и на евреев, затем «выразил веру» в победу Германии, в новое, прекрасное устройство Европы после победы [...] Говорил вчера вечером и Рузвельт о помощи Англии, Греции и Китаю, — с необычн. твердо [твердостью. — М. Г.] сказал, что Америка даст им «все, все»: «корабли, авионы, продовольствие, пушки, танки и т. д.» и что эта дача уже началась.

19. 3. 41.

Солнечный холодный день.

Вчера перед [пропущено слово. — М. Г.] начал писать «Натали Станкевич», писал и после обеда почти до часу, пил в то же время коньяк, спал мало, нынче еще не выходил на воздух (а сейчас уже почти пять), все писал — словом, веду себя очень глупо, но, дай Бог не сглазить, чувствую себя не плохо: верно оттого, что принимаю уже дней пять «Рапсипол», по три ампулы в день.

Вечер. Обед: голый гороховый суп, по две ложки шпинату, вареного в одной воде и ничем не приправленного, по одной кудре такой-же цветной капусты, по 5 фиников. [...]

В каких страстных родах двух чувств — ненависти к врагам и любви к друзьям — живу я почти непрестанно уже более четверти века, — начиная с 14-го года!

24. 3. 41.

Сейчас, в 10 вечера, проветривал в темноте комнату, стоял возле открытого окна — дружно орут первые лягушки. Весна. Все посл. дни солнечно, но все еще прохладно не на припеке. Все дни сидел почти не вставая, писал «Натали».

[Вера Николаевна записывает 25 марта:]

Ян опять стал писать и опять о любви. [...] Хотелось видеть Олечку, иметь ее рядом с собой. Но и этого уже никогда не будет. Бог наказал меня, что мало хотела иметь детей, были бы и внучата, а то все «незаконные» привязанности.

Много уродливых чувств было в нашем поколении, жадном до жизни, отнявшем многое и у родителей, и у детей, но в молодости не понимавшем, что главное в жизни. [...]

[И. А. Бунин:]

4. IV. 41. Пятница.

В шесть вечера кончил «Натали». Серо, холодный ветер, то и дело по стеклам дождь.

Переворот в Югославии, взошел на престол Петр II, Павел бежал в Афины. Озлобление против немцев (по газетам) — страшное [...]

31 марта послал заказное в Виши насчет денег мне из Белграда и такое-же грасскому сборщику податей о своих доходах за 40-й год — не показал, разумеется, ничего. [...]

7. IV. 41. Понедельник.

Вчера в 12½ дня радио: немцы ночью вторглись в Югославию и объявили войну Греции. Начало страшных событий. Соппротивление сербов будет, думаю, чудовищное. И у них 7 границ и побережье!

В 4 поехал в Cannes, отвез Барсукову, едущему в Америку, пакет с рукописями всей своей новой книги — кроме «Натали», для передачи Алданову. Второй отдел кончается 185-ой стр.⁸ [...]

Забыл: вчера же другая огромная весть: англичане взяли в субботу вечером Аддис-Абебу. [...]

11. IV. 41. Пятница. (Католич. Страстная)

Проснувшись около 8, лежал, покорно думая: ну, что ж, если даст Бог веку, надо жить, смирившись. [...]

В 10 прошелся по Route Napoleon. Полнолуние, вся долина в тонком тумане, во впадинах полосы белоголубого тумана.

Еще раз (кажется, окончательно) перечитал (днем) «Натали», немного почеркал, исправил конец последней главы. [...]

Пишу в первом часу ночи, очень усталый и грустный, в ожидании, что скажет англ. радио (слушает Бахр.).

12. IV. 41.

Солнечное утро, но не яркое, не ясное, облака.

Австрия, Чехия, Польша, Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, теперь на очереди Сербия и Греция — если Германия победит, что с ней будет при той ненависти, которой будут одержимы к ней все эти страны? А если не победит, то дальше и думать страшно за немецкий народ. В Белграде, пишут газеты, сейчас *тысячи* трупов под развалинами — простят это сербы? Да, еще Румыния, Венгрия — 13 стран! [...]

18. IV. 41.

[...] Избегаю читать газеты и слушать радио. [...]

По огородам уже давно висят подушки мелких фиолет. цветочков; зацвела сирень, иудино дерево,

каштанчик весь в нежнейшей зелени, рядом деревцо все в зеленовато-коричн. листве и розовых цветах — нарядно удивительно.

В полдень радио: югославск. армия сдалась «sans conditions».

20. IV. 41. Св. Христово Воскресение.

Христос Воскресе, помоги Господи!

С утра пухлые облака, солнце, сейчас (полдень) серо, тихо, неподвижно. Дубы уже дымчато засерели зеленью.

Тобрук еще держится, греческий флот тоже. [...]

23. IV. 41. Среда.

[...] 34 года тому назад уехали в этот день с Верой в Палестину. Боже, как все изменилось! И жизни осталось на донышке.

Радио, вальс, который играли в Орле на балах и в городском саду. [...]

27. IV. 41. Воскресенье.

В шестом часу вернулись с Верой от Самойловых — завтракали (курица под белым соусом). С утра солнечно, но дуло холодным ветром, вроде мистраля.

Г. сказала: слушали радио — на Акрополе немецкий флаг. Вот тебе и Англия. Сейчас (около шести) тихо, слабое закатное солнце по равнине, все неподвижно. И также неподвижно, грустно-покорно на душе.

Слух, что умер Шмелев⁹.

Нет больше ни Югославии, ни Греции. Все погибло в один месяц.

2. V. 41.

Солнце, довольно слабое, облака.

Начал еще раз перечитывать «Темные аллеи». *Перечитал и кое-где почеркал весь первый отдел.*

В пятом часу чуть не час гроза: фиолетовое с белым полированным блеском мелькание, затем, через неск. секунд, удары с затяжкой, разрывы, тяжкий стук, дребезг стекол и раскаты с одной стороны неба на другую, отходящее шипение.

12 тысяч немцев с танками в пр. в Финляндии — это в швейц. газете — будто бы идут на отдых из Норвегии. Предостережение Сталину? В пять минут возьмем Птб., ежели ты...?

13 Мая 41.

[...] Ночью вчера англ. радио: улетел, сбежал Hess, упал на парашюте в Англии, сломал себе ногу. Непонятная история. [...]

Был дождь и гроза. Серо, влажно. Птицы, соловей.

Мой вес 10 июня 40 г.: 72-71. [...]

Ходили в город, добывали папиросы. Очереди, хвосты. Серый табак стоит уже 6 фр.

14. V. 41. Среда.

[...] Вечерн. русское радио: в Швеции скоро не будет мяса. Да, через полгода *вся* Европа — и Германия в том числе — будет околевать с голоду. «Nouvelle Eugore»!

Америка, очевидно, вот-вот войдет в войну.

Жалкая посылка (нынче утром) из Португалии: колбаса, пакетик картофельной муки, 2 маленьких плитки шоколада, пакетик чаю — *все самого дрянного качества*. Но и то праздник!

16. V. 41.

Был вчера с Бахр. в Cannes, сидели с Кантором в «Clarige'e», потом в кафе «Пикадили». Съели с радостью и удивлением по 2 бутерброда — с яйцом и с сардинкой. Красавица в платье с маргаритками — маргаритки по красной блузке и марг. по синей юбке. [...]

10½ часов вечера. Зуров слушает русское радио. Слушал начало и я. Какой-то «народный певец» живет в каком-то «чудном уголке» и поет: «Слово Сталина в народе золотой течет струей...» Ехать в такую подлую, изолгавшуюся страну!

Прочел еще одну книжку Marcel Prévost «Lettres de femmes». Пошлое ничтожество. И был славен. [...]

[В. Н. 16 мая, между прочим, записывает:]

Раньше я никогда так не уставала, как теперь. Вечная боль во всем теле, в плечах, спине. Трудно что-нибудь делать. [...] На меня нападают, что я мало о себе думаю. Но как думать при наших условиях и при нашей жизни? Лишения, как таковые, меня трогают мало. [...]

[И. А. Бунин:]

17. V. 41. Суббота.

Мутный день с ветром. Письмо от П. Б. Струве из Белграда — от 1 Апреля. [...]

Скучно — и все дивишься: в каком небывало позорном положении и в каком голоде Франция!

22. V. 41. Четв. Католич. Вознесение.

[...] С Ривьеры высылают куда попало 2 тысячи евреев. Перед завтраком заходил к Полонским¹⁰ в Hôtel Victoria на Victor Hugo. Когда-то жил тут Боборыкин¹¹, жил в ту зиму, когда мы с Найденовым были в Ницце. [...] Кончил перечитывать «Madame Bovary», начал перечитывать «Былое и думы». У Герцена многое очень скучно. Перечитываю, скорее всего, в последний раз в жизни — немного мне осталось лет. [...]

Почти 12 ч. ночи (по новому времени). Днем было голодно, хочется спать, но м. б., дождусь англ. полночного радио.

Лягушки, сыро, облака и звезды. Вот уже скоро 2 года — ни одного немецкого поражения!

25. V. 41. Воскресенье.

Будто бы потоплено в Средиз. море много англ. военных судов и в Атлант. океане самое большое. На Крите бои еще идут.

«День матерей». Чуть не весь день этот грасский колок[ольный] звон (как часто в мае). Погода к вечеру немного портится — ветер пошел с Италии. Множество роз у нас в саду — белых, розовых, темно-красных.

В. принесла утром кусок белого хлеба — выдавали бесплатно, по карточкам — хлеб из белой муки, подаренной Францией Америкой. Чудесный хлеб! Мы едим отворотит., кислый, желто-серый.

5. VI. 41.

[...] Слабость, сонливость, подавленность.

Все гадают: что дальше? Кипр?

Маки вдоль стены тисов перед нашей часовней — яркий огненный цвет (на солнце с оранжевым), их легкость. В саду много роз: чайные (палевые), белые с зеленоватым оттенком. Палевые, высыхая, желтеют (цвет желтка).

12. VI. 41.

Ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной фон Розен-Мейер, рожденной Пушкиной — дочь А. А. Пушкина, родная внучка Александра Сергеевича.

15. VI. 41.

Вчера у нас завтракала и пробыла до 7 вечера Е. А., эта внучка Пушкина.

Неделю тому назад англичане начали наступление на Сирию.

16. VI. 41. Понед., вечер.

Прошлый год мы в этот вечер были в Ниме, по пути куда-то к чорту на рога.

Презрение первых христиан к жизни, их отвращение от нее, от ее жестокости, грубости, животности. Потом варвары. И уход в пещеры, в крипты, основание монастырей... Будет-ли так и в 20, в 21 веке? [...]

21. VI. 41. Суббота.

Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию? Финляндия эвакуирует из городов женщин и детей... Фронт против России от Мурманска до Черного моря? Не верю, чтобы Германия пошла на такую страшную авантюру. Хотя чорт его знает. Для Германии или теперь или никогда — Россия бешено готовится.

Послал телеграмму Алданову: «Pas nouvelles ni argent». 12 слов, 77 фр.

В городе купили швейцарские газеты: «отношения между Герм. и Россией вступили в *особенно острую* фазу». Неужели дело идет всерьез?

С некоторых пор каждый день где-то в Грассе ревет корова. Вспоминается Россия, ярмарки. Что может быть скучнее коровьего рева!

Одиннадцатый час вечера: швейцарское радио о падении Дамаска.

Туманный вечер, еще не совсем стемнело (ведь наши часы на 2 часа вперед), множество люциолей: плывут вверх, вниз, вспыхивают желто-зеленовато, гаснут и опять вспыхивают; от них в деревьях, в тени темнее, таинственнее.

22. VI. 41. 2 часа дня.

С новой страницы пишу продолжение этого дня — великое событие — *Германия нынче утром объявила войну России* — и финны и румыны уже «вторглись» ее.

После завтрака (голый суп из протертого гороха и салат) лег продолжать читать письма Флобера (письмо из Рима к матери от 8 апр. 1851 г.), как вдруг крик Зурова: «И. А., Герм. объявила войну России!». Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахр. Побежал в столовую к радио — да! Взволнованы мы ужасно. [...]

Тихий, мутный день, вся долина в беловатом легком тумане.

Да, теперь действительно так: или пан или пропал.

23. VI. 41. Понедельник.

В газетах новость пока одна, заявление наступающих на Россию: это «la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel di bolchevisme».

Радио в 12½ дня: Англия вступила в военный союз с Россией. А что же Турция? Пишут, что она останется только «зрительницей событий». [...]

Мутный, неподвижный день.

24. VI. 41.

Ночью болела голова и горло. Прекрасное тихое утро. И позавчера и вчера Россию в 10½ вечера уже не слышно.

Письма Флобера из Египта (1850 г.) превосходны. Вообще, совершенно замечательный был человек.

Весь день лежу и читаю. 37 и 2.

Начал читать (с конца) рассказы Левитова, прочел (вернее, просмотрел) уже страниц 300 — совершенно нестерпимо, пошло и бездарно до тошноты. Но среди всего этого «Горбун», который очаровал меня лет 55 тому назад. «Горбуна» писал точно другой человек. И теперь я опять испытал некоторое очарование. И замечательно: с изумлением увидел, что много мест и фраз я помню с тех пор чуть не наизусть.

Утром в газетах первое русское военное сообщение: будто бы русские уже бьют немцев. Но и немцы говорят, что бьют русских.

Опять весь день думал и чувствовал: да что же это такое — жизнь Г. и М. у нас, их злоба к нам, их вечное затворничество у себя! И вот уже третий год так живут!

[Из дневника Веры Николаевны:]

25-ого июня 41.

Все эти дни как в лихорадке. [...] Здешние русские люди резко разделяются на две половины. [...]

27-ого июня.

[...] видела во сне очень ярко Верочку [Зайцеву. — М. Г.], веселой, молодой. Очень боюсь за нее. Вероятно, она ничего не ест, стараясь все отдавать Борису. Оба исхудали.

Все время после 22. VI. ощущение сильного волнения. Что будет с Россией? Песенка коммунизма спета. В Москве говорят только о патриотизме. Дух силен. [...]

Едим лучше, но худеем по-прежнему. Беспокоит Ян. Он совершенно исхудал. Чуть было не заболел, но вывернулся. Дух его хорош. Он добр. Очень волнуется. [...]

[Из записей Бунина:]

29. VI. 41.

Послал Олечке открытку:

С постели рано я вскочил:
Письмо от Оли получил!
Я не читал и не молчал,
А целый день скакал, кричал:

«Как наша Оля подросла!
Переросла она осла!
А ведь не маленький осел —
Он ростом выше, чем козел.
Потом, смотрите, как она
Ужасно сделалась умна!
Должно быть, очень хорошо
Сдала экзамен на башо
У кур и кроликов своих,
Когда зимой кормила их!»
Но оказалось, что во сне
Вся эта глупость снилась мне, —
Что я письма не получал
И не скакал и не кричал...
И так обиделся я вдруг,
Что посинел и весь распух.

30. VI. 41.

[...] И вообще становлюсь все грустнее и грустнее: *все, все* давит мысль о старости. [...]

Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма. Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!

Швейцарские газеты уже неинтересно читать.

В двенадцатом часу полиция. Рустан с каким-то другим. Опрос на счет нас трех мужчин¹², кто мы такие, т. е. какие именно мы русские. Всем трем арест при полиции на сутки — меня освободили по болезни, Зурова взяли; Бахрак в Cannes, его, верно, там арестовали. Произвели осмотр моей комнаты.

Рустан вел (себя) удив. благородно.

Во втором часу радио: Франция прервала дипломат. отношения с Россией в виду ее мировой коммунистич. опасности.

8 часов вечера.

Был др. Deville, осматривал меня, Веру и Маргу.

Часа в три приехал из Cannes Бахр., пошел в полицию и должен провести там ночь, как и Зуров. А, м. б., еще и день и ночь?

На душе гадко до тошноты.

Слухи из Парижа, что арестован Маклаков (как и все, думаю).

Радио — немцы сообщают, что взят Львов и что вообще идет *разгром* «красных».

Поздно вечером вернулись М. и Г., ходившие в полицию на свидание с З. и Б., которым отнесли кое-что из еды и для сна. Оказалось, что всех арестован. русских (вероятно, человек 200-300) отвезли за город в казармы; М. и Г. пошли туда и видели во дворе казармы длинную вереницу несчастных, пришибленных (и в большинстве оборванных) людей под охраной жандармов. Видели Самойлова, Федорова, Тюкова, взятых с их ферм, брошенных у некоторых, несемейных, на полный произвол судьбы со всеми курами, свиньями, со всем хозяйством. Жестокое и, главное, бессмысленное дело.

1. VII. 41. Вторник.

С горя вчера все тянул коньяк, ночь провел скверно, утром кровь. Вера бегала в город покупать кое-что для наших узников, потом была в казарме (это километров 5, 6 от города туда и назад). Видела З. и Б. Они ночевали на полу, в повалку со множеством прочих.

Вчера перед вечером и весь вечер грохотала громом. Нынче с утра солнечно, с полудня тучки, редкий дождь изредка. На душе тупая тошнота. Валяюсь и читаю Флобера (его письма 70-го года).

В Эстонии уже горят леса. Думаю, русские будут жечь леса везде.

Вечер, 9½, т. е. по настоящему 7½. Мутно, серо, мягко, все впадины долины в полосах белесого дыма — оч. тихо, дым от вечерних топок не поднялся.

Не запомню такой тупой, тяжелой, гадливой тоски, которая меня давит весь день. Вспомнилась весна 19-го года, Одесса, большевики — оч. похоже на то, что тогда давило.

Наши все еще в казарме. Г. и М. были там вечером, видели Б., З., Самойлова, Федорова — этот о своей собаке: «нынче моего сукина сына еще покормят, а завтра? Издохнет сукин сын!» Город прислал в казармы кровати, будет кормить этих узников. Большое возмущение среди французских обывателей тем, что что делается.

Как нарочно, читаю самые горькие письма Флобера (1870 г., осень, и начало 1871 г.).

Страшные бои русских и немцев. Минск еще держится.

Желтоватая, уже светящаяся половина молодого месяца.

Да, опять «Окаянные дни»!

2. VII. 41.

Проснулся в 6, оч. плохо себя чувствуя. В. встала еще раньше и ушла — в казарму, очевидно. Заснул до 8½, сладостр. сны. В 9 телеграмма М. от кого-то. Г. вошла, прося 5 фр. для телеграфн. мальчишки и сказала, что сами русские только что объявили, что они сдали Ригу и Мурманск. Верно, царству Сталина скоро конец. Киев, вероятно, возьмут через неделю, через две.

Приезд в Париж 28 марта 20 г., каштаны, новизна и прелесть всего (вплоть до колбасных лавок...). Какая была еще молодость! Праздничные дни были для всех нас.

3. VII. 41.

Часов в 8 вечера вернулись из казарм Бахр. и Зу-ров. Там было все таки тяжело — грязь, клопы; спали в одной камере (правда, большой) человек 30. Сидели и ждали опросов. Но никто ничего не спрашивал. А нынче вдруг приехала какая-то комиссия, на паспортах у всех поставила [оставлено белое место. — М. Г.] и распустила всех. Глупо и безобразно на редкость.

5. VII. 41. Суб.

С утра довольно мутно и прохладный ветерок. Сейчас — одиннадцатый час — идет на погоду. И опять, опять, как каждое утро ожидание почты. И за всем в душе тайная боль — ожидание неприятностей. Изумительно! Чуть не тридцать лет (за исключением десяти, сравнит. спокойных в этом смысле) живешь в ожидании — и всегда в поражении своих надежд!

Пришла газета. Немцы: «*сотни тысяч* трупов красных на полях сражений...» Русские: «*тысячи* трупов немцев на полях сражений...»

«Блажен, кто посетил сей мир». На мою долю этого блаженства выпало немножко много! J'en ai assez!

6. VII. 41.

Неподвижный день с пухлым облачным небом.

Вчера письмо от André Gide (он в Gabrise'), беспокоится за меня в связи с арестами русских¹³. Очень меня тронул. Нынче ответил ему.

Ожидания! Жизнь вообще есть почти постоянное ожидание чего-то.

Читаю «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской. Очень много пустяков, интересных только ей.

Противно — ничего не знаешь *толком*, как идет война в России.

Англ. радио: Иден сказал, что через 2 недели произойдет нечто такое, что поразит весь мир.

Новая мудрая мера: высылают, — вернее, рассылают, куда попало и неизвестно зачем, англичан. М-ме Жакó, прожившая в Грассе всю жизнь, должна уехать с детьми (и бросить весь свой дом) в какое-нибудь глухое место из тех шести, что ей предложили на выбор — в горах выше Грасса и еще где-то.

8. VII. 41. Понедельник.

[...] Ездил один в Cannes. Купался. Жара, когда вышел из дому на автобус, страшная. На берегу песок как огонь.

Сидел в «Клэридже» — пустота, скука. Послал Олечке открытку:

Пишу тебе два mots,
Целую за письмо,
За чудную картинку,
Где Ваня кормит свинку.

В сумерки началась гроза, все увеличиваясь, все больше трепеща, дергаясь и вслед за тем на мгновение все открывая и заливая бледно-сиреневым светом; все усиливались и учащались удары грома, иногда соверш. оглушительные. Так и заснул под эти удары (около 12). Уже шумел ливень, точно заливая огонь молний (необъятных полетов, при которых иногда над Cannes в полнеба сверкала, извиваясь, огненно-золотистая змея).

9. VII. 41. Среда.

С утра серо и прохладно. Потом только серо, стало теплей. Сбежал в город, купил бутылку джину (франц.) и 4 полбутылки коньяку. Сейчас около 5 часов. В газетах о том, как бешено, свирепо бьются русские. [...]

11 ч. вечера. Мутная невысокая луна, кусочек розового моря вдали за Cannes. Лягушки, серо, прохладно.

[В. Н. записывает 10-ого июля:]

[...] Леня очень страдает. Рассказывает, как старики предсказывали, что «крови прольется много тут и птицы со стальными клювами будут летать», и все смеялись. В его «Рождении героя» есть об этом. [...]

[Бунин:]

13.VII. 41. Воскресенье.

Прохладно, слабое солнце (утро).

Взят Витебск. Больно. [...] Как взяли Витебск? В каком виде? Ничего не знаем! *Все* сообщения — с обеих сторон — довольно лживы, хвастливы, русские даются нам в извращенном и сокращенном виде.

М. и Г. были на «Казбеке». Генер. Свечин говорил, что многие из Общевоинского Союза предложили себя на службу в окуп. немцами места в России. Народу — полно. Страстн. аплодисм. при словах о гибели большевиков.

14. VII. 41. Понедельник.

Немцы говорят, что уже совсем разгромили врага, что *взятие Киева — «вопрос нескольких часов»*. Идут и на Петербург.

Отличная погода, чувствую себя, слава Богу, не плохо. В городе все закрыто — праздник, «взятие Бастилии». Но ни танцев, ни процессий...

Вчера еще сообщено о подписании военного союза между Россией и Англией. В газетах об этом только нынче. Немецкие сообщения оглушительны.

17. VII. 41. Четверг.

[...] купил «Ecl. du Soir»: «*Смоленск пал*». Правда-ли?

21. VII. 41. Понедельник.

[...] Кто-то писал месяца 1½ тому назад, что умер

В. В. Барятинский. Вспоминаю, как он приехал в Париж лет 20 тому назад. Слухи, что арестованы Деникин и Евлогий.

24. VII. 41. Четверг.

Мутный день. Ночью много спал.

Третий раз бомбардировали Москву. Это совсем ново для нее!

Газеты, радио — все брехня. Одно ясно — пока «не так склалось, як ждалось».

29. VII. 41. Вторник.

Вчера купался. Зеленая, чистая, довольно крупная волна. И опять, опять изумление: ничего нигде во всем городе — куска хлеба не купишь. Выпил на голодный желудок крохотную бутылочку лимонного сока.

Вчера и сегодня все время читал первый том рассказов Алешки Толстого. Талантлив и в них, но часто городит чепуху как пьяный. [...]

2. VIII. 41.

Серо, ветер, после полудня дождь от времени до времени. [...]

Вере, с которой вчера дошел до Грасса, после Cannes было плохо. Худеет и стареет ужасно.

Опять, опять перечитал за последние 2 дня 1-й том «Войны и мира». Кажется, особенно удивительна первая часть этого тома.

3. VIII. 41. Воскр.

Был с М. и Г. у Самойловых. Очень сытный завтрак. Ел с дикарской мыслью побольше наестся.

Читал 1 книгу «Тихого Дона» Шолохова. Талантлив, но нет словечка в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка с множеством местных слов.

С утра хмурилось. Потом солнце, но с тучами. Было душно, чувствовал себя тупым и слабым.

В газетах все то же и вся та же брехня. [...]

6. VIII. 41.

Сейчас 3 часа, очень горячее солнце. Юг неба в белесой дымке, над горами на востоке кремовые, розоватые облака, красивые и неясные, тоже в мути. Там всегда моя сладкая мука. [...]

7. VIII. 41. Четверг.

С утра нечто похожее на утро начала русской осени — небольшая свежесть в воздухе, горьковатый запах дыма, легкий туман в долине.

Днем совсем распогодилось, но прохладн. ветер.

Немецкая большая сводка: чудовищные потери русских людьми и воен. материалом. «Полная победа» немцев.

10. VIII. 41.

Был с Б. в J. les Pins. Взял 1000 фр. у Левина.

На солнце зной, в тени почти холодн. ветер. Опять дивился красоте залива, цветистости всего.

По немецк. сообщениям положение русских без меры ужасно.

Уже 2 воскресенья нет почты по утрам: воскресная доставка запрещена правительством.

3. был у Тюкова. Вернулся в восторге, в страшной бодрости. Ничего не поймешь!

Русские уже второй раз бомбардировали Берлин.

Что-то оч. важное решается в Виши.

[Из записей Веры Николаевны:]

11 августа.

[...] Ян все последнее время очень мил и нежен со мной, заботлив. Уступил свой сахар, сливочное масло.

Перестал — не взглянуть — упрекать меня за траты, а ведь почти все неприятности были из-за этого. С Леной они, слава Богу, в мирных отношениях. Третьего дня за прогулкой он хвалил мне его. [...]

[Бунин:]

12. 8. 41.

Погода все последнее время все таки неважная. Солнце, облака, ветер с востока. Печет — и прохладный ветер. «Politique Bulgare. Mot d'ordre: lutter contre le bolchevisme!»

Страна за страной отличается в лживости, в холостстве. Двадцать четыре года не «боролись» — наконец-то продрали глаза. А когда ко мне прибежал на Belvédère сумасшедший Раскольников с беременной женой (бывший большевицкий посланник в Болгарии), она с восторгом рассказывала, как колыбель их первенца тонула в цветах от царя Бориса. [...]

Вести с русских фронтов продолжаю вырезывать и собирать.

Кончил «La porte étroite» Gide'a. Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, скучнейшее, совершенно невразумительное. [...]

«Москва под ударом» Белого:

— За сквером просером пылел тротуар... — Там алашали... — Пхамкал, и пхымкал... — Протух в мерзи... — Рукач и глупач... И так написана вся книга.

Да, не оглядывайся назад — превратишься в соленный столп! Не засматривайся в прошлое!

Шестой (т. е. четвертый) час, ровно шумит дождь, сплошь серое небо уже слилось вдаль с затуманенной долиной. И будто близки сумерки.

Семь часов, за окнами уже сплошное, ровное серое, тихо и ровно шумит дождь. Уже надо было зазвучать электричество.

22. 8. 41. Пятница.

В прошлую пятницу (15, католическое Успенье) был в Cannes. Уже не помню, купался-ли. Возвратясь, шел домой, сидел, смотрел на горы над Ниццей — был прекраснейший вечер, горы были неясны, в своей вечной неподвижности и будто-бы молчаливости, задумчивости, будто-бы таящей в себе сон, воспоминания всего прошлого человеческой средиземной истории.

Прочел в этот вечер русское сообщение: «мы оставили Николаев». [...]

Рузвельт сказал, что, если будет нужно, война будет и в 44 году.

Сейчас (около полудня) газета: итальянск. газеты пишут, что война будет длиться 10 лет! Идиотизм или запугивание? Да, Херсон взят (по нем. сообщению), Гомель тоже (рус. сообщение).

Война в России длится уже 62-ой день (нынче).

Олеандры в нынеш. году цветут у нас (да и всюду) беднее — цвет мельче, реже. И уже множество цветов почернело, пожухло и свалилось.

Как нарочно, перечитываю 3-й т. «В[ойны] и м[ира]», — Бородино, оставление Москвы.

Ветер с востока, за горами облака, дует, довольно прохл. в приоткр. окна. Но в общем солнечно.

24. 8. 41. Воскр.

Вчера Cannes, купался. Никого не видал.

Юбочки, легкие, коротенькие, цветистые, по старинному простые, женств., которые носят нынешнее лето. Стучат дерев. сандалиями.

Немцы пишут, что убили русских уже *более 5 миллионов*.

С неделю тому назад немцы объясняли невероятно-ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то, что во Франции, в Бельгии и т. д., где имелось дело с людьми, имеющими «l'intelligence»,

— что в России война идет с дикарями, не дорожающими жизнью, бесчувственными к смерти. Румыны вчера объяснили иначе — тем, что «красные» идут на смерть «под револьверами жидов-комиссаров». Нынче румыны говорят, что не смотря на все их победы, война будет *«непредвиденно»* долгая и жестокая».

Днем нынче было соверш. палящее солнце — настоящий провансальский день.

28. 8. 41. Четверг.

Был André Gide. Оч. приятное впечатл. Тонок, умен — и вдруг: Tolstoy — asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека — «это он мне открыл глаза на настоящ. положение в России»); восхищ. Со-логубом.

Вечером известие, что Персия сдалась.

Вчера: ранен Лаваль (на записи волонтеров франц., идущих воевать с немцами на Россию). [...]

Gide видел Горького, но в гробу.

В Париже выдается литр вина на человека на целую неделю.

30. 8. 41. Суб.

С утра солнце, потом небо замутилось, совсем прохладно. Ночью ломило темя и трепетало сердце — опять пил на ночь (самод. водку)!

Взял Ревель. [...]

Кончил вчера вторую книгу «Тихого Дона». Все таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму.

[В. Н. пишет 30 августа:]

Только что был сильный припадок. Вчерашние неприятности отразились. Не спала ночь. Сегодня была на базаре. Овощей почти нет. [...] Возвращалась в

Кабрийском каре. В нем ехал André Gide. Я его хорошо рассмотрела. Лицо приятное, интересное, ставшее менее похожим на пасторское. Черты лица более определенные. Резкие морщины посреди щек и от носа к углам губ. Лыс, а потому хорошо виден череп. Читал газету. [...] Когда он был у нас (в мое отсутствие) он сказал, что не может играть на рояле. Восторгался пейзажем России. [...]

[Бунин:]

5. IX. 41. Пятн.

Купался за эти дни 3 раза. В среду был в Ницце, завтракал с Пушкиной. Выпил опять лишнее. Спьяну пригласил ее к нам в среду.

У Полонских получил письмо от Алданова.

Дни в общем хорошие, уже немного осенние, но жаркие.

Контрнаступление русских. У немцев дела неважные.

Кровь, но не сильная.

Вчера ездил с М. и Г. (в Cannes), после купанья угощал их в «Пикадилли».

Китайские рассказы Pearl Buck. Прочел первый. Очень приятно, благородно. Ничего не делаю. Беспокойство, грусть.

В газетах холопство, брехня, жульничество. Япония в полном мизере — всяческом. Довоевались, с.в.м.!

Нынче 76-ой день войны в России.

7. IX. 41. Воскр.

Серо и прохладно. Безвыходная скука, одиночество. Нечего читать — стал опять перечитывать Тургенева: «Часы», «Сон», «Стук, стук», «Странная история». Все искусственно, «Часы» совершенно ненужная болтовня. [...]

Бесстыжая брехня газет и радио — все то же! Утешают свой народ. «В Пет. мрут с голоду, болезни...» — это из Гельсингфорса. Откуда там что-нибудь знают? [...]

14. IX. 41. Воскр.

В ночь с 10 на 11, в час с половиной проснулся от стука в дверь — оч. испугался, думал, что с В. что-н. Оказалось — было два страшных удара, англ. бросили бомбы между Воссса и Mandelieu на что-то, где будто-бы что-то делали для немцев. Я не слышал, а когда кинулся к окну, увидел нежную лунную ночь и висячий невысоко в воздухе над Воссса малиновый овал — нечто жуткое, вроде явленной иконы — это освещали, чтобы видеть результаты бомбардировки. Говорят, разрушены и сожжены какие-то ангары. [...]

Опять перечитываю «Вешн[ие] воды». Так многое нехорошо, что даже тяжело.

Нынче прекрасное, солнечное, но прохл. утро.

На фронтах все то же — бесполезное дьявольское кровопролитие. Напирают на Птб. Взяли Чернигов.

16. IX. 41. Вторн.

Ждем к завтраку Левина, Адамовича и André Gide.

19. IX. 41.

Во вторник все названные были. Я читал «Русю», и «Пашу». [...]

Во время обеда радио: *взята Полтава*. В 9 часов: — *взят Киев*.

Приходили ко мне М. и Г. — Галина ревет, пила у меня gosé.

Взято то, взято другое... Но — à quoi bon? Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!

22. IX. 41. Понедельник.

Русское радио: «мы эвакуировали Киев». Должно быть, правда, что только вчера, а не 19-го, как сообщали немцы.

Г. и М. продолжают еще раз переписывать мои осенние и зимние рассказы, а я вновь и вновь перечитывать их и кое-где править, кое-что вставлять, кое-что — самую малость — зачеркивать.

Потери немцев вероятно чудовищны. Что-то дальше? Уже у Азовского моря — страшный риск...

Послал (завтра утром отнесет на почту Бахрак) Олечке письмо: три маленьких открытки шведских и стихи:

Дорогая Олечка,
Подари мне кроличка
И пришли в наш дом
Заказным письмом.
Я его затем
С косточками съем,
Ушки пополам
Марге с Галей дам,
А для прочих всех —
Лапки, хвост и мех.

23. IX. 41, 24. IX. 41.

[...] Майский, русский посланник в Англии, заявил англ. правительству, что немцы потеряли людьми около трех с половиной миллионов, но что и у русских потери очень велики, что разрушены многие индустр. центры, что Россия нуждается в англ. помощи... Это англ. радио. Французское радио сообщило одно: «Майский признал, что положение русских катастрофично, что потеря Киева особенно ужасна...»

Прекрасная погода.

25. IX. 41.

Прекрасное утро. Проснулся в 7. Бахр. и З. поехали за картошками к Муравьевым.

М. и Г. переписывали эти дни «Натали». Я еще чуть-чуть почеркал.

Питаемся с большим трудом и очень скудно: в городе решительно ничего нет. Страшно думать о зиме.

28. IX. 41. Воскр.

Прекрасный день, начинался ветер, теперь стих (три часа). Как всегда, грустно-веселый, беспечный трезвон в городе. [...]

Третий день не выхожу — запухло горло, был небольшой жар, должно быть, простудился, едуци из Cannes в четверг вечером, сидя в заду автобуса возле топки.

Кончил «Обрыв». Нестерпимо длинно, устарело. Кое-что не плохо.

Очень грустно, одиноко.

[Вера Николаевна записывает 28 сентября:]

Жизнью с Яном довольна. Начала бы снова жизнь, прожила бы так же. Лучшего спутника в жизни не хотела бы. Не на все отзывается во мне. Но, кроме Павлика [брат В. Н., покончивший с собой. — М. Г.], никто не отзывался во всей полноте. Павлик — моя трагедия: не уберегла его. Вину перед ним чувствую в вечности. [...] Митя [брат В. Н. — М. Г.] иначе, его любовь ко мне большая, но мы очень различны. [...]

[И. А. Бунин:]

30. IX. 41. Вторник.

Хорошая погода. Именины Веры, завтрак с Самойловыми, они привезли жареную утку.

Кровь. Сказка про Бову продолжается — «одним махом семьсот мух побивахом». «Полетел высоко — где-то сядет?»

8. X. 41. Среда.

[...] Вчера вечером вернулся из Ниццы Бахр. А. Gide сейчас там. Какой-то швейц. издатель, по его реком., хочет издать на франц. языке мою новую книгу. Вот было-бы счастье!

В Сербии и Чехии заговоры, восстания и расстрелы. [...]

9. X. 41. Четверг.

Проснулся в 6½ (т. е. 5½ — теперь часы переведены только на час вперед) выпил кофе, опять заснул до 9. Утро прекрасное, тихое, вся долина все еще (сейчас 10½) в светлом белесом пару. Полчаса тому назад пришел Зуров — радио в 9 часов: взят Орел (сообщили сами русские). «Дело оч. серьезно». Нет, немцы, кажется, победят. А, может, это и не плохо будет?

Позавчера М. переписала «Балладу». *Никто не верит, что я почти всегда все выдумываю — все, все. Обидно!* «Баллада» выдумана вся, от слова до слова — и сразу в один час: как-то проснулся в Париже с мыслью, что непременно надо что-нибудь [послать. — М. Г.] в «Посл. Н.», должен там; выпил кофе, сел за стол — и вдруг ни с того, ни с сего стал писать, сам не зная, что будет дальше. А рассказ чудесный.

Нынче Ницца встречает Дарлана.

Как живет внучка Пушкина и *чем* зарабатывает себе пропитание!

11. X. 41. Суббота.

Самые страшные для России дни, идут страшные бои — немцы бросили, кажется, все, все свои силы.

«Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление — и тогда...» Но ведь то же самое говорили, думали и чувствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. «Ожесточенные бои... положение серьезно, но не катастрофично...» — все это говорили и тогда.

14. X. 41. Вт.

Рождение В. Завтракали у Тюкова.

17. X. 41. Пятница.

Вчера вечером радио: взяты Калуга, Тверь (г. Калинин по «советски») [следует ругательство. — М. Г.] и Одесса. Русские, кажется, разбиты вдребезги. Д. б., вот-вот будет взята Москва, потом Петербург... А война, д. б., будет длиться всю зиму, — м. б. и больше. Подохнем с голоду. [...]

[В дневнике Веры Николаевны передана атмосфера вечера 16 октября:]

Вошел Ян ко мне: «Слушали радио». Молчание. «И вот взята Одесса, Калуга и Тверь». Помолчал, вышел.

Через четверть часа я [...] пошла к нему. Там в полумраке сидел у него Леня, стоял Аля, он сам лежал. «Из Одессы еще вчера вывозили войска». Взяли ее румыны и итальянцы. Она не сожжена. [...]

[Бунин:]

18. X. 41.

Вчера кончил перечитывать «Обломова». Длинно, но хорошо (почти все), несравненно с «Обрывом». [...]

19. X. 41. Воскр.

Пошел пятый месяц войны.

Недели 2 т. н. перечитал три романа Мориака.
Разочарование.

Нынче кончил «L'école des femmes» Gide'a. Скучно, пресно, незначительно. Зачем это написано? Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь — и только.

[Без даты]

Когда ехал в среду 22-го из Ниццы в Cannes в поезде, голубое вечернее море покрывалось сверху опалом.

29. X. 41. Среда.

[...] В среду 22-го был в Ницце, много и очень бодро ходил, в 5½ вошел на набережной в грасский автобус, чуть не всю дорогу стоял, — так было много народу, как всегда, — бодро поднялся в гору домой. Утром на другой день, — в день моего рождения, 23-го, — потерял так много крови, что с большим трудом сошел в столовую к завтраку, съел несколько ложек супу (как всегда, вода и всякая зелень, пресная, осточертевшая) и пересел в кресло к радио, чувствуя себя все хуже, с головой все больше леденеющей. Затем должен был вскочить и выбежать на крыльцо — рвота. Сунулся назад, в дом, в маленький кабинет возле салона — и упал возле дивана, потеряв сознание. Этой минуты не заметил, не помню — об этом узнал только на другой день, от Г., которая, подхватив меня с крыльца, тоже упала, вместе со мной, не удержав меня. Помню себя уже на диване, куда меня втащил Зуров, в метании от удушения и чего-то смертельно-отвратительного, режущего горло как-бы новыми приступами рвоты. Лицо мое, говорят, было страшно, как у настоящего умирающего. Я и сам думал, что умру, но страха не испытывал, только твердил, что ужасно, что умру, оставив все свои рукописи в беспорядке.

[Вера Николаевна об этом случае говорит: Он стал задыхаться. Говорил, что больно в груди, как-то хрипел, [...] говорил, что «умирает», что «мало сделал», что «не успел все приготовить».]

Прибежавший из Helios'a (из maison de santé возле нас) доктор (оч. милый венгерский еврей) был, как я видел, очень растерян. Хотел сделать впрыскивание камфоры — я с удивившей его энергией послал это впрыскивание к чорту, потребовав камфарных капель. Кроводавления у меня оказалось всего 7 — доктор сказал, что меня спасло только мое сильное от природы сердце, пульс одно время был чуть-ли не совсем не слышен.

[Вера Николаевна записывает: Доктор милый, денег не взял. С Яном говорил подбадривающе. А нам сказал, что дело серьезно. Может отняться рука. [...] А сегодня день его рождения.]

Дня три я лежал после того в постели — слабость, озноб и жар: почему-то — то падала, то поднималась — температура, доходя иногда до 37,5. М. б. была и легкая отравка — за завтраком в Ницце, где дали вместо печенки какой-то мерзкий сгусток — легкого, что-ли, — черно-багровый, мягкий, текущий сукровицей — я с голоду съел половину его. Вчера и нынче уже не в постели, чувствую себя не плохо, только нынче вдруг опять сильная кровь. Читал (перечитывал) эти дни Бруссона «A. France en pantoufles» — много интересного, но много и скучной болтовни.

В Нанте и в Бордо немцы расстреляли за эти дни 100 человек заложников (по 50 на каждый из этих городов) — за то, что и в Нанте и в Бордо в один и тот же день было убито по немцу (из высших чинов).

Как раз во время моего припадка приходила Тать-

яна Мих. Львова-Толстая (дочь Мих. Льв. Толстого, сына Льва Ник.).

В среду 22-го была прекрасная совсем почти летняя погода. В четверг было светло, но уже холодно. И начались холода — как никогда рано [у Бунина — «рада». — М. Г.]. Были чуть не зимние дни, пока я лежал. Нынче ледяная светлая ночь, почти $\frac{3}{4}$ луны.

1. XI. 41. Суб.

Завтракала у нас Т. Мих. Она гостит у своей знакомой в Sabris, живет в Марокко. Читал ей «Бал[ладу]» и «Поздний час».

[Вера Николаевна записывает 2-го ноября:]

Вчера у нас была внучка Толстого. [...] Приятная, какая-то своя. Пили в салоне чай. Заговорились и она опоздала на автобус. Оставляли ночевать — не согласилась. Я пошла ее провожать. [...]

[Бунин:]

6. XI. 41. Четверг.

5.35 вечера. Вернулись из «Сонино» (пешком). Сиджу на постели, гляжу на море и Эстерель. Долина синевато туманится. Море слабо белеет. Над ним сизо, над сизым чуть румянится. Прелестно синее Эстерель. За ним, правее, чуть смугло снизу, бруснично, выше чуть желтовато, еще выше зеленовато (и чем выше, тем зеленее, но все оч. слабо). К Марселю горизонт в сизой мути, выше мутно-кремовато, еще выше — легкая зелень. *И все — пастель.*

6 часов. Туманность долины исчезла, выделилась на темно зеленом белизна домиков по долине. Спектр красок на западе определеннее, гуще. Над Тулоном — довольно высоко — звезда (без очков для дали) круглая, крупная, дырчатая — круг брильянтов

жидких; в очках — небольшая, оч. блестящая точка, золотая, с блестящими лучами. [...]

Воскресенье. 9. XI. 41.

Ночь, дождь, холод. Не такая была ночь когда-то — 8 лет тому назад 9 Ноября! (Премия).

11. XI. 41.

Мрачные тучи, дождь, иногда ливень, туман. Ночь, проснулся, страх смерти.

Липа под моим окном уже почти вся осыпалась, чуть не в один день.

Вчера в газетах речь Гитлера. Говорил, что установит «новую Европу на тысячи лет».

В России уже снег и дожди.

Письмо к Марге от Степуна о сумасшествии их матери.

21. XI. 41. Пятница.

В среду поехал с Бахр. в Ниццу (глав. обр. к Дмитренко — холодеет и немного мертвеет правая рука). Дм. уехал к Куталадзе и к нам. Ночевал. Утром он ко мне зашел, сказал, что рука пустяки, что у нас он осмотрел Веру, Г. и Зурова — все сравн. слава Богу — и что у нас описали мебель за долги нашей хозяйке. [...] Обедали еще и с Жидом — все в «Императоре». В четверг завтрак в Grande Bleu — опять А. Жид и прочие. Завтрак был по настоящему времени удивительный.

23. XI. 41. Воскресенье.

Ночью дождь. И утром, и почти весь день дождь, ветер, туман. Уже разделись обе липы.

Весь день за письм. столом — переписывал итинерарий своей жизни и заметки к продолжению «Арсеньева». Что-то похоже на возвращение к работе.

Сейчас 11½ ночи, буря.

25. XI. 41. Вторник.

Вчера, позавчера солнечно. Липы возле дома уже обе разделись. На верхней площадке редкие листья на липе, желто-зеленоватые на синем небе, как на синем стекле.

Нынче был в Cannes, [...] в «Пикадилли» — сэндвич с сагой, тост, чай и два блюдечка вишневы. варенья (как всегда, без карточек), — 31 фр. Потом в Казино, открытая сцена, публика за столиками — точно ничего не случилось. [...]

Большие бои в Африке и в России.

«Фюрер разорвал завещание Петра Великого, хотевшего гегемонии в Европе» (немецк. газеты).

157-й день войны с Россией.

26. XI. 41.

С утра прекрасный, тихий, солн. день. К вечеру затуманилось, серо, скучно. М. получила известие о смерти своей матери. Уехала с Г. в Cannes «на 3 дня» — ходить в церковь, служить панихиды. Мне нынче ужасно [их. — М. Г.] жаль, грусть за их несчастную жизнь.

Все вспоминается почему-то и вся моя несчастная история с Г.

5. XII. 41.

[...] Перечитывал «Crainqueville, Putois, Riquet» и пр. А. Франса, — все эти три вещи оч. хороши, остальное скучно.

Все время стояла прекр. погода, по утрам оч. горячее солнце.

Русские бьют немцев на юге. В Африке — «то сей, то оный бок гнется». Морозы в России.

Три дня тому назад свидание «двух солдат» — Пэтена и Геринга. «Последствия будут весьма важны». Какие именно? И о чем говорили «два солдата»? О французской Африке?

7. XII. 41. Воскр.

[...] Читаю собр. соч. Бодлэра «Мал. поэмы в прозе». Ничтожны, изысканны до Бальмонтщины, мелодраматичны. [...]

Кашель ужасный. Ничего не могу делать. Нет, не тот я был год тому назад!

9 ч. вечера. Радио: японцы напали на Америку. На дворе мга. Зуров говорит, что шел снежок.

8. XII. 41.

Солнечно и холодно. Кашель.

Война японцев с Ам[ерикой] идет уже полным ходом. Японцы, как и полагается негодьям, напали до объявления войны, без предупреждений.

К вечеру радио: есть уже тысячи 3 убитых и раненых.

В России 35 гр. мороза (по Ц.) Рус. атакуют и здорово бьют.

10. XII. 41. Среда.

Во время нашего «обеда», в 7½ вечера швейцарское радио: умер Мережковский.

13. XII. 41.

Солнечно. К вечеру замутилось. Прошелся — опустил открытку Гиппиус. Чувствую себя оч. плохо. Ледяная рука.

Вчера Гитлер и Мус[солини] объявили войну Америке.

Вечер, 11 часов. Прошли с Верой до монастыря. [...] Вернулись, — Зуров: «швейцар. радио сообщило, что немцы за последн. покушения на них расстреляли в Париже 100 евреев и наложили на парижских (?) евреев 2 миллиарда контрибуции». Апокалипсис! Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-то. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот

Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя и наша мать!

14. XII. 41. Воскр. (Наше 1 Дек.)

Прекрасный день, солнечный и теплый — как в России в начале сентября. К вечеру замутилось.

Не спокоен и ничего не могу делать. Много думаю о Мережковском.

Мой экспромт Шаляпину (в ресторане «Петроград», против церкви на rue Daqui в Париже, после панихиды по Вас. Нем[ировичу]-Данченко).

Хорошо ты водку пьешь,
Хорошо поешь и врешь,
Только вот что, mon ami,
Сделай милость, не хами.

Нынче правая рука не холодела.

15. XII. 41. Понед.

Прекрасный день опять. Но прохладно. Опять рука (утром).

Каждый вечер жутко и странно в 9 часов: бьют часы Вестм. абб. в Лондоне — в столовой!

По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает.
И меж белых гардин темносиняя мгла
Тихо первой звезды ожидает...

Это стихи молодого Мережковского, очень мне понравившиеся когда-то — мне, мальчику! Боже мой, Боже мой, и его нет, и я старик! Был в городе по аптекам.

Русские бьют.

19. XII. 41. 6½ ч. вечера.

Письма от Манухиной и Веры Зайцевой: умер В. Н. Аргутинский (накануне был на похоронах Мережк.). [...]

23. XII. 41. Вторник.

Все дни прекрасная погода, к вечеру в комнате оч. холодно. Серп молодого месяца и Венера (уже давно) над Марселем с заката.

В Африке не плохо, японцы бьют англичан, русские — немцев. Немцы все отступают, теряя оч. много людьми и воен. материалом.

19-го Хитлер сместил главноком. на рус. фронте маршала von Brauchitsch и взял на себя все верховное командование, обратившись к армии и Германии: *откладываю наступление на Россию до весны.* [...]

Завтра Сочельник. Устраиваем несчастный «парадный» обед — выдадут завтра мясо. Делаем водку.

24. XII. 41. Сочельник католический.

Вечером «праздновали»: сделали водку, нечто вроде селянки (купил капусты серой — и плохой), вымоченные рыбки, по кусочку мяса.

28. XII. 41. Воскресенье.

Все дни хорошая погода, но холодно. Ветер все с Марселя. Неприятно трепещут веерные пальмочки.

Русские взяли Калугу и Белев.

Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего. «Чего еще ждать мне, Господи?» Дни мои на исходе. Если бы знать, что еще хоть 10 лет впереди! Но: какие-же будут эти годы? Всяческое бессилие, возможная смерть всех близких, одиночество ужасающее...

На случай внезапной смерти неохотно, вяло привожу в некоторый порядок свои записи, напечатанное в разное время... И все с мыслью: а зачем все это? Буду забыт почти тотчас после смерти.

Нынче (утро) солнце за облаками.

30. XII. 41.

И вчера и нынче солнце и облака и оч. холодно. Вчера особенно изумительная, волшеббно прекрасная ночь — почти половина луны так высоко, как видел только в тропиках. На закате красота — и дивная Венера.

Хотим «встречать» Нов. год — жалкие приготовления, ходим в город, где нет ровно ничего. Почему-то везде много коробок с содой. А что еще?

Пальцы в трещинах от холода, не искупаться, не вымыть ног, тошнотворные супы из белой репы...

Нынче записал на бумажке: «сжечь». Сжечь меня, когда умру. Как это ни страшно, ни гадко, все лучше, чем гнить в могиле.

Заплатил за электричество почти 500 фр. Тот, кому платил, делал себе по животу нечто вроде хаки: «Rien à manger! Rien de rien!»

Хотят, чтобы я любил Россию, столица которой — Ленинград, Нижний — Горький, Тверь — Калинин — по имени ничтожеств, типа метранпажа захоластной типографии! Балаган.

31. XII. 41. Среда.

Еще год прошел. Сколько мне еще осталось!

Проснувшись в 9, чувствовал (уже не первый раз) тяжесть, некоторую боль в темени. М. б., маленькое отравление от печки, которую вчера опять затопил на ночь? Холод правой руки.

Прекрасный солнечный день.

Русские взяли Керчь и Феодосию.

1942

1. I. 42. Четверг.

Вера вчера уехала в 6 вечера к вдове Куталадзе¹. «Встречали» Новый год без нее². Было мясо, само-

дельная водка, закуски — соленые рыбки, кусочки марю, тертая белая репа, по щепотке скверного изюма, по апельсину (местному, оч. кислому), Бахрак поставил 2 б. Castel vert (по 20 фр., прежде стоившие по 5 фр.).

Нынче опять прекрасный день. Я вял, слаб (как всегда посл. месяцы).

Гитлер вчера вечером говорил своему народу и армии: «[...] Мы одержали самые великие победы во всемирной истории... Советы будут в 42 г. раздавлены... Кровь, которая будет пролита в этом году, будет последней пролитой кровью en Europe pour des generations...»

Вечера и ночи особенно удивительны по красоте. Венера над закатом оч. высоко. Луна по ночам над самой головой (нынче полнолуние). [...]

2. I. 42. Пятница.

Довольно серо, холодно. Ездил ко вдове К[уталадзе], завтракал там (морковь и горошек), воротился к вечеру с В., которая ночевала 2 ночи там.

4. I. 42. Воскр.

Серо, холодно. В комнате нестерпимо, нельзя писать от холода.

Сейчас поздний вечер, протопил у себя. Терпимо.

Немцы отступают (в России и в Африке), их бьют. У Куталадзе взял несколько книг. Читал Чехова.

Денежно продолжаю все больше разоряться. [...]

5. I. 42. Понедельник.

[...] Нынче оч. голодный день: месиво из тыквы с маленькой дозой картофеля и тертая сырая репа (белая) — некоторое сходство с тертой редькой, кушанье оч. противное. [...]

Подумать только: 20 лет, $\frac{1}{3}$ всей человеческой жизни прожили мы в Париже!

Барятинский, Аргутинский, Кульман, Куприн, Мережковский [пропущено место. — М. Г.] Аминад. Все были молоды, счастливы.

[Запись В. Н. от 16-го января:]

На-днях как-то вечером, когда я уже легла спать, вошел Ян и сел ко мне на постель: «Думали ли мы, что будем так доживать в холоде и голоде. А начинали хорошо. Много у нас было хорошего. Но самое страшное, если кто-нибудь из нас умрет. Не могу спокойно думать о Зинаиде Николаевне [Гиппиус. — М. Г.]

Если ты вдруг умрешь, я не знаю, что буду делать. Приму что-нибудь и конец» [...]

[Бунин:]

18. I. Воскр.

Вечером во вторник встречали новый год русский. Днем как следует шел снег. К вечеру приехали Либерманы³ и Гандшины. Либерман два раза сделал чудо — уходил за 2 комнаты, просил нас, сидевших в салоне, задумать, что он должен сделать: первый раз угадал, что нужно меня тронуть за ухо, второй — сесть на диван. [...]

Нынче прекрасный день, холод в доме легче. После заката немного прошелся — родился месяц — тонким серебр. волоском (на закатном небе) рядом с Венерой. Горы слились в темные зеленовато-синие массы. Когда вернулся через $\frac{1}{2}$ часа, месяц-волосок стал золотой.

Вчера в Cannes свесился — 67-68. И это в одежде, в низках, в тяжелых башмаках. А прежде в самой легкой одежде — 72-73. Вот, что значит «безбойное питание».

20. I. 42. Вторник.

Вчера довольно теплый день, с мягким солнцем, нынче хмуро, серо, скучно, все небо в пухлых облаках, и так холодно в комнате, что лежа читал в меховых перчатках. [...]

Пробовал читать Горького, «Вареньку Олесову», которую читал лет 40 тому назад с отвращением. Теперь осилил только страниц 30 — нестерпимо — так пошло и бездарно, не смотря на все притворство автора быть «художником». «Косые лучи солнца пробираясь сквозь листву кустов сирени и акаций, пышно разросшихся у перил террасы, дрожали в воздухе тонкими золотыми лентами... Воздух был полон запаха липы, сирени и влажной земли...». (И липы и сирень цветут вместе). [...]

7. 2. 42. Суббота.

Особенно тяжелый день. Весь день при электричестве: ставни, занавес, ширмы. Спазмы у Веры.

[У В. Н. об этом записано: Ян меня трогает своей заботой обо мне. Всем делится. Очень взволнован моим припадком. И у него, и у Лени глаза были очень испуганные, хотя оба старались быть спокойными и меня ободрять.]

Холод, сырость, с утра то мелкий дождь, то снег.

«Записные книжки» Чехова. В общем, оч. неприятно. Преобладающее: «N. все считали почтенным человеком, а он был сволочь» — все в этом роде.

Весь день топлю.

26. 2. 42. Четверг.

Дней 10 т. н. В. была у Кудера. Исследование крови. Результаты не дурные. В прошлый четверг уехала в Ниццу — новые исследования и радиография

желудка. В понедельник поехал к ней: опущен желудок и легкая язва в нем. Назначен режим и впрыскивание чего-то (др-ом Розановым). Вернулись с ней во вторник.

Слухи: русские нанесли большое поражение немцам, погибла будто-бы их 16-ая армия. [...]

27. 2. 42.

Слухи были верны.

Дождь, сыро, холодно. Топлю.

Читаю Гейне. Удивительный фельетонист, памфлетист.

[28. 2. У Веры Николаевны, между прочим, записано:]

Марина Цветаева повесилась. Очень это тяжело.

[Бунин:]

1. 3. 42. Воскр.

Совсем теплый день. Зацвели фиолетовым цветом подушечки и какие-то ярко-сине-лиловатые цветочки в [на? — М. Г.] темно-зеленых стебельках. Опять пересматривал книгу «Темн. аллеи». Ходил в город — с большим трудом — бросил письмо Долгополову, от которого получил вчера 4236 фр.

2. 3. 42.

[...] Кончил «Темн. ал.» и отложил до поры до времени. Есть еще кое-где фразы неприятные.

3. 3. 42.

Сильный насморк, слабость, вялость — как всегда теперь. Тоска и какое-то раскаяние по утрам.

4. 3. 42

Серо, прохладно, нездоровье.

Большой английский налет на предместьях Парижа, на заводы, где немцы делают танки.

Второй день без завтрака — в городе решительно ничего нет! Обедали щами из верхних капустных листьев — вода и листья!

И озверелые люди продолжают свое дьяволово дело — убийства и разрушение всего, всего! И все это началось по воле одного человека — разрушение жизни всего земного шара — вернее, того, кто воплотил в себе волю своего народа, которому не должно быть прощения до 77 колена.

Нищета, дикое одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь — вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось? И чего? Верно, полной гибели. Был Жорж — мило брякнул (на счет Веры), что у Куталадзе рак начался тоже с язвы желудка. И ужас при мысли о ней. Она уже и теперь скелет, старуха страшная.

Полнолуние. Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное — судьба всего мира зависит от этого.

[Вера Николаевна записывает, между прочим, 5 марта:]

Вчера узнали о бомбардировке Парижа. Очень беспокоимся о Зайцевых. Выдержало ли сердце Верочки весь этот шум, грохот? Где они были? Страшно и за Каллаш. Она тоже живет на окраине.

[Бунин:]

13. 3. 42. Пятница.

Длится англ. катастрофа на Д. Востоке. Большие битвы, наступление русских. [...]

Как горько трогательна, тиха, одинока, слаба
Вера!

[В. Н. записывает 21 марта:]

3-ий день в Ницце. Чувствую себя хорошо. Розанов нашел, что все идет прекрасно, раз болей нет. Назначил лечение против малокровия. Завтракала [...] в том же ресторане, где Андрей Жид. Он был с молодым человеком, и так они разговаривали, что казалось, что весь мир сосредоточен в этом разговоре. Такое внимание к собеседнику меня восхищает. У А. Ж. масса шарма в улыбке. [...] долго он не замечал меня, потом мы встретились глазами и поклонились. Перед уходом он подошел ко мне. Обменялись любезностями. У него необыкновенная мягкость в голосе, в улыбке, в выражении лица.

[Бунин:]

30. 3. 42.

Послал письмо Олечке: Ты спрашиваешь, как мы пировали у наших друзей. Вот как:

У моих друзей пируя,
Ел змеиную икру я,
Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:
Суп из наба, фарш из блох
И на жареное — мох. [...]

Все это недалеко от правды. «Новая Европа»!

31. 3. 41.

Хороший, почти летний день.

Марга и Г. завтра переезжают в Cannes — «на два

месяца», говорят. Думаю, что навсегда. Дико, противоестественно наше сожительство. [...]

Вчера был в Cannes с Верой у зубного врача. Было солнечно, но с прохл. ветром. «Пикадилли», чай, два тоста, два крохотных блюдечка варенья (28 фр.). Тургеневский или Толстовский господин.

Все битвы и битвы в России. Немцы все грозят весенним (вернее, летним) наступлением. А вдруг и правда расшибут вдребезги? Все кажется, что нарвутся. Теперь все дело в Турции.

Нынче в газетах: «Le Japon veut la destruction complète de l'Angl. et des États-Unis». Ни более, ни менее. Бедные! Сколько работы впереди! А ведь надо еще уничтожить Россию и Китай.

1. IV. 42. Среда.

С утра пухлое небо, к полудню солнце, но слегка затуманенное.

В 11-45 ушла с мелкими вещами Г. Возле лавабо остановилась, положила их, согнувшись, на земле. Тут я отошел от окна. Конец. Почти 16 лет тому назад узнал ее. До чего была не похожа на теперешнюю! Против воли на душе спокойно и тяжело грустно. Как молод был и я тогда.

2946 от шведского консула из Марселя.

Час дня. Я все еще в халате, без штанов. Все не могу привести себя в порядок. Хотел ехать в Ниццу с утра — раздумал, проснулся в 6, потом опять спал от 9 до 10.

Сейчас в доме пусто — Бахр. в Ницце, В. и З. завтракают в городе — дома нечего. Я съел крутое яйцо и кусочек мортаделлы — все «благоприобретенное».

Очень страдал весь день от воспоминаний своей протекшей жизни.

4. IV. 42.

Проспал 10 часов. Хороший день. Грусть. [...] Великая Суббота — наша и католическая.

Вечер. Обедали «роскошно»: суп из трав и рыба. Вере посчастливилось утром найти,

Пасхальный стол: 4 красных яичка, букетик гиацинтов — и все!

Тупая, тихая грусть, одиночество, безнадежность.

12 ч. 15 м. (10 ч. 15 м). Разговелись — В., З. и я: по крохотному кусочку колбасы (дал З.) и 1/10 яйца.

Над Антибами всходит мутная луна. Значит, бывает в Пасх. ночь!

5.IV. 42.

Христос Воскресе. Сохрани, Господи.

С утра так себе, после полудня мелкий дождь. В доме очень прохладно.

Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков — все очень плоско, балаганно — и сто лет все с восторгом повторяют: Добчинский и Бобчинский!

Как-то ночью, уже в постели, с книгой, в мертвой тишине дома вдруг точно очнулся, с ужасом: какое одиночество! И это последние дни и ночи жизни!

10. IV. 42.

Был в Ницце. Бюффа, Пушкина. Неприятно было, что сказала, что в ней «немецкая упорная кровь». Ее жадность к моему портсигару, воровское и нищенское существование. Завтрак — 250 фр.! У Полонских. Дама в картузе. Вел себя хмельно, глупо.

12. IV. 42. Воскресенье.

Кончил перечитывать рассказы Бабеля «Конармия», «Одесские рассказы» и «Рассказы». Лучшее — «Одесск. р.». Очень способный — и удивительный

мерзавец. Все цветисто и часто гнусно до нужника. Патологическое пристрастие к кощунству, подлому, нарочито мерзкому. Как это случилось — забылось сердцем, что такое были эти «товарищи» и «бойцы» и прочее! Какой грязный хам, телесно и душевно! Ненависть у меня опять ко всему этому до тошноты. И какое сходство у всех этих писателей-хамов того времени — напр., у Бабеля — и Шолохова. Та же цветистость, те же грязные хамы и скоты, вонючие телом, мерзкие умом и душой.

«Все убито тишиной, и только луна, обхватив синими руками свою круглую, блещущую, беспечную голову, бродяжит под окном...»

«Гедали (еврей) обвивает меня несколькими ремнями своих дымчатых глаз...» [...]

О Божьей Матери (икона в Ипатьевском монастыре, занятом «текстильщиками»): «Худая баба сидела расставив колени, с зелеными и длинными, как змеи, грудями...»

18. IV. 42. Суб.

Лавальские дни. Нынче вечером объявлено по радио официально: Петэн — нач. государства, Лаваль — правительства. Надо ждать, думаю, как и все, чего-то очень серьезного.

День рождения З. Тюков и Жорж. «Роскошн.» завтрак — по куску телятины, маслины, самодельная водка. [...]

Весен. холод, сумрачная синева гор в облаках — и все тоска, боль воспоминаний о несчастных веснах 34, 35 годов, как отравила она (Г.) мне жизнь — и до сих пор еще отравляет! 15 лет! Все еще ничего не делаю — слабость, безволие — очень подорвалось здоровье!

Перечитал «Пунш[евую] водку» и «Могилу вой-на»⁴ с большим интересом. Ловко пишет.

Все опять цветет и зеленеет. Эти дни одевается сероватой еще мелкой зеленью дуб, цветет у нас сирень, в розовых цветах и коричневой листве деревцо возле каштана, ярко и свежо зазеленевшего, на нижней площадке. С месяц тому назад розовым и белым цвели абрикосы и миндаль.

Нынче впервые видел серп молодой луны. Чувствовал себя довольно бодро физически.

19. IV. 42. Воскр.

[...] В 8 ч. вечера говорил Петэн. Сказал несколько слов всего, призывая французов «к мудрости и терпению», и заявил весьма загадочно: «настоящее время столь же решительно, как в июне 1940 г.» Что это значит? Был какой-то жестокий ультиматум немецкий? Несчастный старик.

11 ч. вечера. Жабы, мелкий дождь и от времени до времени катится гром и вспыхивают голубые молнии. Первая гроза.

23. IV. 42. Четверг.

23/10 (вторник) 1907 г., 35 лет тому назад, уехали с Верой в Палестину. Вечером, с Брянского вокзала. Нынче утром она принесла мне букет цветов, удивит. красивых.

29. IV. 42. Среда.

[...]Нынче изредка дождь, облачно, потолок из мрачных облаков над горами в направлении к Vence. Оч. тяжкая погода. *И я тяжко, оч. тяжко болен душевно — до отчаяния.* [...]

Дикое одиночество, бесцельность существования. Да всего и не скажешь.

[2-го мая В. Н., между прочим, записывает:]

Леня дал «Дневник писателя» [Достоевского. — М. Г.]. Я прочла его одним махом. Леня прав, говоря, что у него необыкновенное чувство России, народа. Дала Яну. Ему тоже нравится: «Очень умно все».

[Бунин:]

6. V. 42. Среда.

[...] Очень грустно и скучно — погибаю в одиночестве. Ни души даже знакомой. И все воспоминания, воспоминания.

Вчера был в Cannes — зачем? Да, в синема Vox, смотрел *La grande farandole* — Fred Astaire и Ginger Rogers. Изумительно танцуют — опять был восхищен чрезвычайно.

Англичане захватывают (верно, уже захватили) Мадагаскар. Французское негодование.

Читаю «*La mémorial de Sainte Héléne (Comte de la Cases)*». Чувствую и себя на S. Héléne. Страшно подумать, что он должен был чувствовать. А все таки жил, диктовал, упивался прежней славой, надеялся. [...]

12. V. 42.

Все скверная погода, тучи, сумрачно, холодно, иногда дождь. Уже дней 5 кровь. Верно, поэтому, — перед кровью, — чувствовал такую тоску. Нынче спокойнее. Читаю (по франц.) — «Уединенное» Розанова. В общем ничтожно, иногда просто глупо в смысле необыкн. высокой оценки себя. [...]

«На всякий случай» занимался пересмотром того, что должно и не должно войти в будущее «полное» (более или менее) собрание моих писаний, писал распоряжения. Мучительно! Сколько ерунды и как небрежно напечатал я когда-то! Все из-за нужды.

13. V. 42. Среда.

Весь день дождь, плывущий туман, свинцово-меловые зловещие тучи, холод. (А ночью перед этим часа два ужасная гроза.)

Будто бы взята Керчь.

23. V. 42. Воскресенье.

Керчь давно взяли. Но Москва говорит, что возле К. все еще идут бои. Страшные бои из-за Харькова — уже недели две.

Последние дни уже лето. [...] И страх и тоска за Веру — опять неск. раз были боли. И она испугана, падает духом. Господи, спаси, совсем пропадаю.

Все хочу послать письмо Т. М. [Львовой. — М. Г.] Толстой — и все не решаюсь. [Вероятно, с просьбой о помощи. — М. Г.]

Опять у нас в саду множество цветущих роз — и розовых, и белых, и пунцовых как пунцовый бархат — и вспоминаю с грустью, что в прошлом году я в это время еще писал (и вписал в «Натали» о такой розе).

Опять думал нынче: прекраснее цветов и птиц в мире ничего нет. Еще — бабочек.

26. V. 42. Вторник.

Все кровь — уже дней десять. Чувствую себя ужасно, слабость страшная. Тоска, страх за Веру. Какая трогательная! Завтра едет в Ниццу к доктору, собирает свой чемоданчик... Мучительная нежность к ней до слез. [...]

3. VI. 42.

Лето. Была дурная, беспокойная погода, теперь как будто установилась.

Май был необыкновенный — соверш. чудовищные битвы из-за Керчи и вокруг Харькова. Сейчас затишье — немцы, кажется, потерпели нечто небывалое. А из

радио (сейчас почти одиннадцать вечера) как всегда они заливаются. Удивительно — сколько блядского в этом пении, в языке! Думаю все время: что же это впереди! Если немцы не победят, полная погибель их. Если победят — как может существовать страна, ненавидимая почти всем миром? Но и в том, и в другом случае — что будет со страной, у которой погубило все самое сильное чуть ли не с 15 лет до 50! А уже погубили миллионы и еще погибнут.

Франц. радио — нечто поразительное. Тонем во лжи и холопстве.

Мне, верно, уже не поправиться — переломилось здоровье. Едва таскаю ноги. Неужели и в прошлом году было то же? Нет, этого не помню. М. б. забыл?

Читал вчера и нынче стихи — Г. Иванова, Гиппиус. Иванов все таки поэт настоящий (в зачатке). Г. ужасна. Мошенница.

7. VI. 42. Воскр.

[...] Вчера письмо от дочери Анны Ник. Готье — приехала в Антибы, но «маму уже похоронили». Нынче все думал о тех прекрасных лесах вокруг Рокфора, по которым старушка спешила к автобусам. Не видеть ей их больше!

1. VII. 42. Среда.

Двенадцатый час вечера. В одиннадцать радио: *Севастополь взят*. Дорого, верно, достался!

Все время полное безволие, слабость, — ничего не могу, кроме чтения лежа. Перечитал первый том «Бр. Карамазовых». Три четверти — совершенный лубок, балаган. А меж тем очень ловкий, удивительно способный писака. [...]

Разгром англичан в Африке. Немцы уже в 100 кил. от Александрии.

Чем же все это кончится? Вот впереди месяц, два самых роковых для Европы — думаю, за эти 2 месяца выяснится.

14. VII. 42. Вторник.

В прошлую среду вырвал еще зуб.

Прекрасный день. Попытка начать что-н. делать.

Прочел (перечитал, конечно) второй том «Бр. Карамазовых». Удивительно умен, ловок — и то и дело до крайней глупости неправдоподобная чепуха. В общем скука, не трогает ни-чуть. [...]

18. VII. 42.

Скучный день, тоска.

Немцы в России все идут вперед. В Африке начались бои «решительные».

И все слабость, безволие, безделие! [...]

11 часов вечера, радио: «положение Тимошенко катастрофическое». Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не верится, что все пропало.

19. VII. 42. Воскр.

Видел новую луну. Холодно, тучи, перед вечером прошел дождь.

Шестого июля объявили, что взят Воронеж. Оказалось — брехня: не взят и по сегодня.

10. VIII. 42. Понед.

Купался всего 2 раза пока — за все лето. [...]

В России ужасно, — кажется, правда гибель нынче: взят Пятигорск. Битва морская американцев с японцами — японцы трубят большую победу. Беспорядки в Индии — арестован Ганди и весь инд. конгресс, позавчера потребовавший ухода англичан из Индии. [...]

13. VIII.

Кончил перечитывать «Дневник» Башкирцевой. Вторая половина книги очень примирила меня с ней. И какая действ. несчастная судьба! [...]

[В записи от 14/23 августа В. Н. говорит:]

Из Америки пришло приглашение: визы, даровой (или почти даровой) проезд и деньги на проезд и т. д., и т. д. А мне это кажется «приглашением на казнь». Молю Бога, чтобы нам туда не суждено было уехать.

[Бунин:]

1. IX. 42. Вторник.

Сухое лето, сгоревшие цветы олеандра. Еврейские дни дошли и до нас. В Париже, говорят, взяли 40.000. Хватают по ночам, 10 минут на сборы. И мужчинам и женщинам бреют головы — и затем человек исчезает без следа. Детей отнимают, рвут их документы, номеруют — будет без роду-племени, где-то воспитают по своему. Молодых евреек — в бардаки, для солдат. У нас взяли, говорят, уже человек 700-800. [...]

2. IX. 42.

Еврейам (взятым) не дают пить.

Все грусть — о прошлой моей жизни здесь. Лоренские острова.

Перечитал Лоти «Fântome d'Orient». Скучно, длинно.

7. IX. 42.

[...] Перечитываю «Любовь в жизни Толстого» Жданова. Гадко — до чего обнажили себя и муж и жена на счет своей крайней интимности!

Взят Новороссийск. И все таки думаю — вот-вот будет большое и плохое для немцев.

Расстреляли 5 прав[ославных] священников в Праге — будто бы участвовали в убийстве какого-то немца и «укрывали у себя рус. парашютистов».

16. IX. 42. Среда.

Все прекрасные дни. И все мука — тянет ехать в Cannes, Ниццу, видеть море, женщин, кого-то встретить, — одиночество страшное! — и все мысль: все это напрасно, будет только мука с автобусами — и мука воспоминаний моих прежних лет тут.

Ночи спокойные, теплые, с бледными звездами, с непрерывн. журчаньем сверчков и ночных цикад.

Нынче ездил в Cannes, купался — всего четвертый раз за все лето! И уже кончено лето — м. б., последнее мое. Дов. большая волна, вода приятная.

Немцы к Цар[ицыну] все «продвигаются» и все атаки русских неизменно «отбиты». День и ночь идут уже с полмесяца чудовищ. бои — и, конечно, чудовищ. потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики. Полное сумасшествие! Только сумасш. кретин может думать, что он будет царствовать над Амер., Браз., Норвегией, Францией, Бельгией, Голл., Данией, Польшей, Чехией, Австрией, Сербией, Албанией, Россией, Китаем — 16 странами, из которых все, не считая евреев, ненавидят Германию и будут ее ненавидеть небывалой ненавистью чуть не столетие. Но какая сказочная сила — пока.

12. IX. 42.

Переписывал свои заметки, наброски рассказов.
[...]

18. IX.

Был в Ницце. Привез «Нов. Журнал».

Истратил последнее. Какой позор — в Америке за все время собрали мне долларов 500!

20. IX.

Очень жаркий день. Безволие, вялость, уборка.

Перечитываю стихи Полонского — и как часто теперь, мысль: перечитываю в последний раз.

В «Нов. Журнале» (вторая книга) — «Натали». И опять, опять: никто не хочет верить, что в ней *все от слова до слова выдуманно*, как и во всех почти моих рассказах, и прежних и теперешних. Да и сам на себя дивлюсь — как все это выдумалось — ну, хоть в «Натали». И кажется, что уж больше не смогу так выдумывать и писать.

Девять вечера. Золотой полумесяц, на него нашел белый оренбургский платок.

22. IX. 42.

С утра туман, дождь и такая свежая сырость, что оделся по осеннему. После полудня солнце, тепло. В. уехала завтракать к М. Ив.

Мой отец, моя мать, братья, Маша пока в некотором роде существуют — в моей памяти. Когда умру, им полный конец.

Все живее становится для меня мое прошлое. Вот вспомнил Птб. времени моего пребывания там в декабре 1896 г., Ольхину и т. д. — Боже, как все вижу, чувствую!

Все убираюсь, все надеюсь сесть за работу. Напрасная, должно быть, надежда!

В газетах — «La situation désespérée de l'U.R.S.S.», «Désillusions et inquiétudes» в Англии... И говорят, что с Царицыным собственно дело кончено и пора подумать о том, что дальше предпримут немцы после него и Кавказа. [...]

Радио — кошмар. Не лжет только, который час.

23. IX. 42. Среда.

В час поехал в Ниццу. Теснота удивительная, сидел на железной приступке за креслом шофера, жгло

левый бок от танка, лицо и книгу Лоти (Pays basque), которую читал, все время покрывала то одна, то другая цветистая юбочка каких-то двух крупных девок. Вернулся с каром в 7. 30 вечера. [...] В каре дурачки сел у незакрывающего[ся] окна, мучился от холодного сильного ветра. Вечера уже осенние, нельзя не брать с собой пальто в поездки. (Ездил опять к зубному врачу.)

День был прекрасный, чувствовал себя все время бодро и легко. Свесился: 66-65 кило. А прежде всегда бывало 72-73.

И с Цар[ицыным] и с Кавказом немцы все таки жестоко наравались. Последние дни им просто нечего сказать: «берем дом за домом...» Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве. И то хлеб.

Из того, что делается на свете, знаем одну сотую. «Journal de Genève» получаем в особом издании — для Франции. Но и то нередко издание это не доходит к нам. За всю свою историю Франция никогда не была в такой гибели.

24. IX. 42. Четверг.

Солнечно, крас. облака. Над горами над Вансом их потолки — прекрасные. Потом пошли хуже — серые.

Дочитывал 1-й т. стихов Полонского, вспоминал, как читал в Beausoleil. Теперь в последний раз в жизни? Вероятно. Вспоминал те чувства, что были в ранней молодости, в Озерках, при чтении некоторых стихов. 9/10 — скука, риторика и часто просто непонятная. Зато 1/10 превосходно.

Полнолуние. Удив. лунная ночь. Клубы и груды великолепн. белых облаков к западу, на юге и на востоке; на севере неприятн. белая туча из-за горы. Середина неба, огромная, глубокая, чиста, ясный месяц. Прошелся в одиннадцат. часу по обычной дороге — к плато Наполеон. Моя черная тень впереди. Страшные

мысли — вдруг останусь один. Куда деваться? Как жить? Самоубийство?

Потом стал думать об этой кухарке на постоялом дворе. Все вообразил с страшной живостью. Возбуждение — и до того, что уже почувствовал все, что бывает перед концом. Мурашки, стеснение во всей грудной клетке. [...]

1. X. 42. Четверг.

[...] Вчера именины Веры. Роскошный обед — с колбасой «Собачья радость». [...]

14 (1). X. 42.

[...] Рождение В. Ездил в Восса в церковь, причащалась. Обед праздничный — по 3 порченных вареных картошки. Но — чай с наст. вареньем — подарок Али («довоенное»).

Покров Пр. Богородицы. Защити, Мать Божия.

Дела немецкие неважны. 76-ой день берут Царицын.

23. X. 42. Пятница.

[...] Страшный день: мне 72!

Нынче радио о Царицыне: «все атаки большевиков отбиты». Скоро 3 месяца как берут его!

27. X. 42. Вторн.

Третий день дождь, иногда ливень и грозы. В доме уже порядочно холодно.

Большие бои в Африке. Царицын все еще держится.

Чувствую себя плохо, особенно с утра. Верно, конец моим писаниям. Избавь, Господи.

9. XI. 42. Понедельн.

Девятая годовщина Ноб. премии!

Вчера большое событие: высадка американцев в Сев. Афр[ике].

12. XI. 42. Четв.

Вчера в 12½ роковая весть: немцы занимают наше побережье.

Ницца занята вчера днем, Cannes поздно вечером — итальянцами.

В Grasse вошло нынче вечером 2000 итальянцев.

25. XI. 42.

Утром думал, что умираю — отлив крови от головы.

27. XI. 42. Пятн.

Вечером — швейц. радио — Тулон. Кончил «На пост[оялом] дворе».

28. XI. 42.

Страшные вести о Т[улоне] — почти весь флот потопился. Взрывы арсенала. Тряслись дома. Пожары. Моряков погибло оч. много.

Все время прекр. солн. дни. Но уже страдаю от холода.

3. XII. 42. Четверг.

Вчера в полдень Cannes. Потом Певзнеры и ресторан Паскаль. 3/4 красного тяжелого вина — опьянел. Зашел к Гукасову — не застал. Поехал на изв[озчике] с набережной в рус. церковь [...] ходил по церковному двору, обошел церковь — где вход в гробовое подzemелье, куда меня в некий день внесут? Холодная, хорошая погода, предвечерн. время. Грустно, тупо, безнадежно. От искания этого входа — гадкое впечатление — глупо — зачем? Не дождавись библи., ушел, доехал в автоб. до Cannes. На набережной, возле табачн. лавки, встретил Легоранд. Бар. [...] Две рюмки конья-

ку. Потом бар в Карлтоне. Гукасов и те-же. Два бок. белого вина.

Нынче кровь.

25. XII. 42. Катол. Рожд. Пятница.

Вчера ужин с Бродскими в ресторане «Потиньер». Он приехал из Монте Карло. Ужин больше 2½ тысяч. Мы — на чужой счет! Вот тебе и слава!

Нынче холод, дождь. *Убили Дарлана*⁵.

Перечитываю «Гардениных»⁶ — как когда-то на Montfleury чуть не 20 л. тому н.! Многое не хорошо.

Все грустен. В жизни мне, в сущн., не осталось *ничего!* [...]

27. XII. 42. Воскр.

Месяц тому назад, 27 Ноября, умер Осоргин.

Холодно, серо. Топлю.

Писал заметки о России.

Тем, что я не уехал с Ц[етлиным] и Алд[ановым] в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем го-лоде!

31. XII. 42. Четв.

Грустил ужасно.

«Встречали» Нов. г. втроем (Б. уехал куда-то): во время боя часов выпили по стакану белого вина и «поужинали»: по 5 соленых ржавых рыбок, по несколько кружков картошки и по три кружочка, оч. тоненьких, колбасы, воняющей дохлой собакой.

Холодно, но довольно хорошая погода.

Ноябрь, декабрь были почти сплошь солнечны.

Еще год прожит из маленькой человеческой жизни!

1. I. 43. Пятница.

Господи, спаси и помоги.

3. I. 43. Воскр.

Письмо от Н. И. Кульман: умерли Бальмонт и проф. Оман. Исчез из мира и из моей жизни Б[альмонт]! А живо вижу знакомство с ним, в Москве, в номерах «Мадрид» на Тверской! Был рыжий, стрижен ежиком, налит сизой кровью, шея, щеки в крупных нарывах...

Солнечно, довольно тепло, но налеты мистраля.

[3-го января В. Н. записывает по поводу смерти Бальмонта:]

Бедная Елена с Миррой в полной нищете, и помочь им трудно, т. к. они совершенно не умеют обращаться с деньгами. Верочка [Зайцева. — М. Г.] из всех сил старается, но тщетно. [...]

После прихода немцев умерли: Мережковский, Осоргин, Бальмонт, Марина Цветаева (писатели). Кульман, Оман, Лозинский (профессора), Аргутинский, Зернов, Малявин, А. Н. Гиппиус, А. Н. Готье, О. Л. Еремеева. Хигерович-мать, Познер-жена, Руднев, Ф. О. Ельяшевич, С. А. Зернова, Володя Варшавский¹.

[Бунин:]

1. 2. Понед.

Ночь была сырая, с мгой. Проснулся в 4, не спал до 6. Заснул и проснулся в 9. Чувствую себя однако сносно.

Паулис [Фельдм. Паулюс. — М. Г.], произвед. вчера Хитлером в маршалы, сдался в Царицыне, с ним

еще 17 генералов. Царицын почти полностью свободен. Погибло в нем будто-бы тысяч 300. Но в Берлине речи — 10-летие власти Хитлера.

2. 2. Вторник.

Сдались последние. Царицын свободен вполне.

8. 2. Понедельник.

Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся-ли?

17. 2. Среда.

Во сне ломило темя. Утром кровь.

Опять, слава Богу, солнце. Чувствую себя мутно и слабо.

24. 2.

Нездоровится, повышена температура.

Солнечно.

Я был умен и еще умен, талантлив, непостижим чем-то божественным, что есть моя жизнь, своей индивидуальностью, мыслями, чувствами — как же может быть, чтобы это исчезло? Не может быть!

28. 3. Воскр.

Вечер. Часы переведены еще на час вперед — сейчас уже 12½, т. е. по настоящему 10½.

Радио: умер Рахманинов.

[29-го марта В. Н. записывает:]

[...] все застигает смерть Рахманинова². В «Эклер де Нис» есть уже сообщение «Великий композитор». Не дожил он до конца войны, до свидания с Таней [дочь Рахманинова, Т. С. Конюс. — М. Г.], до возможности вернуться на родину.

[Бунин:]

2. 4. Пятница.

Послал «le Village» в Португалию.

Продолжаю читать фр. перевод дневников С. А. Толстой (2 тома). Одержимая!

Читаю записки Порошина, воспитателя Павла I. Обожествление мальчишки, часто оч. гадкого и наглого.

Часто думаю о возвращении домой. Доживу-ли? И что там встречу?

3. 4. 42. Суббота.

Летний день. Деревцо на нижней площадке — розовые цветы, коричн. листья. Зацвело грушевое дерево, яблоня — самое прелестное. [...] Цветут левкой. Букет у меня на столе. Несказанно очароват. благоухание.

Мучительная медленность войны — наступление в Африке, выдохшееся наступление русских да и немцев в России...

10. 4. Суб.

Кончил «18-й год» А. Толстого. Перечитал? Подлая и почти сплошь лубочная книжка. Написал бы лучше, как он сам провел 18-й год! В каких «вертепах белогвардейских»! Как говорил, что сапоги будет целовать у царя, если восстановится монархия, и глаза прокалывать ржавым пером большевикам... Я-то хорошо помню, как проводил он этот год, — с лета этого года жили вместе в Одессе. А клуб Зейдемана, где он был старшиной, — игорный притон и притон вообще всяких подлостей!

11. 4. Воскр.

[...] 31 марта умер (оч. тихо) Милюков. Кончена долгая, — т. е. в сущности, оч. короткая — жизнь. Даже не верится. Давно-ли — и т. д.

14. 4. Среда.

[...] Ночью разбудил крик Зурова и быстрый, бешеный стук — думал, что это он в стену — оказалось, стрельба по англ. авиону. Был алерт.

Все дни солнечные, но с холодн. ветерком. Нынче день совсем хороший. М. б., от погоды мне лучше?

1. V. Суб.

Перечитываю жизнь Гете (по франц.).

2. V.

Уже не помню, что вчера было (кроме того, что бешено убирался — могут выселить).

Весь день дождь, туман густым дымом.

С прошлой среды у нас с 11 вечера «souvrefeu» — из дому ни шагу.

4. 5.

Прекр. день и прекр. облака над горами за Ниццей, — вечные, а наши жизни... Скоро, скоро и меня не будет, а они все будут. И вся моя жизнь здесь — как молод был, когда сюда приехал! [...]

[Вера Николаевна в тот же день, между прочим, записала:]

К маю нам подарки: 1) нельзя выходить после 11 ч. вечера, 2) нельзя ночевать не дома, 3) нельзя без разрешения ездить, — но это, кажется, в ближайшем будущем. — Против ворот выстроен блокгауз для пулемета.

[Продолжаю выписки из дневника Бунина:]

7. V. Пятница.

Полночь с 1/4. Дождь, лягушки. Час тому назад англичане вошли в Тунис, американцы — в Безерту.

Не было утром газет — не вышли во время [для? — М. Г.] автоб. из Ниццы. Там аресты (среди французов), берут заложников.

Второй день дождь и холодно.

Завтра надеюсь поехать в Ниццу. Поеду-ли?

Наступление русских на Кубань. Вчера взята Крымская.

9. V. Воскр.

Вчера был в Ницце. Солнечно, бело, спит, почти жарко. «Гастроном».

Вечером, вернувшись, узнал о письме Г. к Вере (уже из Марсели): «Покидаем Францию». Бросилась в пропасть с головой. [...]

26. V. Среда.

Письма от В. Зайцевой и Михайлова: умер Нилус (в ночь с суб. на воскр.). Бесчувственность³. [...]

29. V.

Слабость, сонливость. Вот тебе и стрихнин!

Письмо от П. Б. Струве: умерла его жена, Нина Александровна.

14. VI.

Надо начать хоть что-н. делать. Надо бодриться — Господи, помоги.

Слабое солнце, туманно.

Полдень. Дождь. [...]

15. VI.

Скука и все ожидание, чтобы война, наконец, двинулась.

Перечитал «Le baiser au l'épreux», Mauriac'a. Поэтично, благородно, тонко, но в общем слабо, неубедительно. [...]

Оч. прохл. вечер, гадкая окраска гор и облаков.

18. VI. Пятница.

Прекр. день, но все то же — слабость, лень.

Перечитывал стихи А. К. Толстого — многое *удивительно* хорошо, — и свои «Избр. стихи». Не постигаю, как они могли быть не оценены!

В безделье провожу свои *истинно последние дни*. Но ничего не могу!

6. VII.

Большие бои в России. Немцы говорят о страшных потерях у русских, русские — о таких-же у немцев. Те и другие о своих ни слова.

8. VII. Четв.

И вчера и нынче громадн. пожар в Эстерели. Оч. горячее солнце и хол. налеты мистраля.

10. VII. Суб.

Началась высадка в Сицилии. Удастся-ли? Оч. сомневаюсь. Дело большое!

[17 июля у В. Н. записано:]

Около полудня пришел из мэрии служащий и сказал, что предупреждает нас, что мы, может быть, должны будем эвакуироваться. Это может случиться или через неделю, две, или позже. Тогда дадут на сборы 3 часа.

[Бунин:]

25. VII. Воскр.

Утром квартирмейстер итальянцев — осматривал дом, чтобы, м. б., занять у нас неск. комнат.

Завтрак с Верой у Клягиных⁴.

В 11 ½ вечера: итальянск. король принял отставку Муссолини! Пока еще ничего не понимаю. Но событие гигантское! Конец «цезаря», которому уже чуть не ставили золотые статуи!

27. VII.

День серенький.

Как дико! 23 года был царь и бог — и вдруг «подал в отставку»! Исчез, не сказав на прощание ни слова Италии!

Ясно — Италия выйдет из войны и у нас будут немцы.

2. 8. 43. Понед.

Уже неск. дней *очень* жарко. Небо мутно от зноя. Ходил в 6 ч. к Клягину — все горячо и сладко пахнет — цветы, хвоя.

Сейчас 8 (солнце еще не село), и долина, и горы, и невидное море смутно, в жарк. дымке.

Все еще неизвестно, где Муссолини.

Бои в Сицилии продолжаются — англ., очевидно, не хотят спешить, ждут сдачи.

Да, какой позор свалился вдруг на Мус[солини]!

5. 8. Четв.

Был в Ницце. Тотчас узнал, что взяли Орел. В третьем часу — Катанью. [...]

В Ницце множество немцев, много мальчишек; одеты все тяжело и неопрятно, сапоги пудовые.

6. 8.

Два-три посл. дня сносно, ветерок. А до того нестерп. жара и духота, неподвижность. Не запомню таких жаров — оч. давно не было. И все пожары, пожары — то там, то тут. Нынче огненное солнце в дыму. Огромн. пожары в сторону Тулона и возле Cagnes. Говорят о поджогах.

Чувствую себя посл. время сносно. Погода?

Вечер. Пожары от Antibes до Cagnes.

«Великий Дуче» исчез как иголка. [...]

23. 8. Воскр.

В понедельник 16-го ходили с Верой страшно-жарким утром к Brès'у⁵. Чудесный, старый дом, огромное поместье. Одинокий, за 60 или больше, сухой, худой, умный. Нашел мое здоровье не плохим.

[В. Н. об этом посещении врача записывает: Слабость от недоедания, отсутствие умственного труда. [...] Гонорара не взял. — «Не практикую». — Ян сразу ожил, легко дошел до дому, с аппетитом позавтракал первый раз за все время.]

Все дни жара редкая — тяжкая, душная, ходил почти голый, спал посл. три ночи внизу, в маленьк. кабинете.

Записать о дневниках Гиппиус — верно, все пишет — и воображаю, что только не напишет про всех, про всех, про меня в частности! [...]

30. 8. Понед.

Вчера завтрак с Верой у Клягина. Он читал 2 рассказа. Второго я совсем не слышал — выпил за завтраком мару и стакана 3 вина, за кофе 2 рюмки коньяку и 1/2 рюмки ликеру — и сидя, спал. Придя домой, спал от 6 до 10. В 11 лег и проспал еще часов 10. Переутомление. Нельзя мне так пить.

2. IX. Четверг.

Пришел Бахр. и сказал, что в Grasse приходят немцы.

3. IX.

Все хорошие дни, а все слабость.

Нынче на рассвете высадка англичан в Италии, утром ужасная бомбард. Парижа. [...]

7. IX. Вторн.

Нынче письмо из Ниццы: Елена Александр. Пушкина (фон Розен Мейер) умерла 14 Авг. после второй операции. Еще одна бедная человек. жизнь исчезла из Ниццы — и чья же! родной внучки Александра Сергеевича! И м. б. только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду! А Ницца с ее солнцем и морем все будет жить и жить! Весь день грусть. [...] *Оргия* нажив в Париже.

[8-го сентября В. Н. записала:]

Вчера получено печальное известие о смерти Лены Пушкиной. Бедная, умерла, не вынесла второй операции. Помню ее девочкой-подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой. Распущенные волосы, голые икры. [...] Кто мог подумать, что такая судьба ждет Лену? Нищета, одиночество, смерть в клинике. [...] Лена в ссоре с братом, не знаю, помирилась ли с дочерью?

Она была умна, но, вероятно, с трудным характером. Убеждения — нищские: вера в немцев, ненависть к евреям и большевикам. Гордилась своим родом. Была фрейлиной. Рассказывала об обедах в московском дворце, когда приезжала царская семья. К Яну чувствовала большую благодарность, как пишет ее друг француженка.

[Бунин:]

8. IX. Среда.

Огромная весть: в 6½ ч. вечера узнали, что Италия вышла из войны, капитулировала — и никто в мире, кроме Руз[вельта], Черч[илля] и Сталина, не знал, что сговорились об этом еще 3 сент. (августа?). Что же с нами-то теперь будет?

12½ ночи. Молодая луна за домом, ни одного огня в сумрачно видной долине, выстрелы. Итальянцы бегут.

9. IX.

Ночью разоружали и арестовывали итальянцев. Из Parc Palace Hôtel бежали высшие чины, но пойманы на дороге в Ниццу.

Сouvre feu у нас с нын. вечера с 8 вечера до 7 утра.

[24 сентября у В. Н. записано:]

Верочка [Зайцева. — М. Г.] пишет [...] Открыли памятник Мережковскому. Белый мраморный крест, в него вделана копия с Рублевской иконы.

Говорили Милиотти⁶, Зайцев и Зин. Ник. Она сказала, поблагодарив французов за памятник, что за пятидесятилетнюю жизнь с Д. С. они ни на день не разлучались. И она надеется, что они скоро опять будут вместе. [...]

Ян стал мне давать переписывать маленькие миниатюры. [...]

[Бунин:]

17. IX.

Опять поэтич. грусть — о той, первой, осени в Париже. Как уже давно, давно это было!

Бомб. Париж, Нант, Montmolisson — сотни убитых.

Сейчас, к вечеру, все замутилось, серо, похоже на близкий дождь.

Ночью (прошлой) была где-то, близко от нас, бомб[ардировка].

25. IX. Суб.

Дождь, прохл., — кажется, повернуло на осень.

Все последн. дни чувствовал себя не плохо, пишу по целым дням. (Принимаю уже дней 10 фитин.)

Рус. берут город за городом. Нынче — *Рославль и Смоленск*. [...]

13. X. Четв.

[...] Час ночи, мелкий дождь, луна за облаками. Весь день чувств. себя удивит. скверно, лежал пластом, засыпал. Вечером кровь.

В 3 ч. дня Италия в лице короля и Бодольо объявила войну Германии.

17. X.

Пил чай у Кл[ягина]. Какой очар. живой человек!

Бои в Мелитополе — берут дом за домом.

Все последние дни холод — необычный в эту пору.

Сейчас 11 веч. (т. е. 10 по настоящему) — мрак, холод, дождь.

21. X. Четверг.

Письмо Олечке:

Милая Олечка, как поживаешь?

В школе бываешь иль просто гуляешь,

Дома-же в куклы и с Котькой играешь,

А вечерами, под ручку с мамá,

Ходишь то в гости, а то в синема?

Я вас обеих целую и жду

Вскоре иметь от тебя billet-doux.

Р. С. Очень жалею, что Котьки тут нет:
Аля сварил-бы его на обед.

23/10 окт. Суббота.

Господи, сохрани и помилуй. День моего рождения.

Спал мало, часов 7 (а мне всегда нужно 8½ или 9), но чувствую себя сносно.

Дописал рассказик «Начало».

Вечер: взяли Мелитополь.

29. X. Пятница.

Вчера в полночь дописал последн. страницу «Реч-н[ого] ресторана»⁷. Все эти дни писал не вставая и без усталости, оч. напряженно, хотя не досыпал, терял кровь и были дожди. Нынче падение. День был тихий, милый, на душе тихо и грустно, воспоминания.

Взяты за эти дни Екатеринослав, Лоцманская Каменка (когда-то я там был перед проходом по порогам). Теперь это, верно, город, гнусно называемый «Днепродзержинск».

1. XI. 43. Понед.

«День всех святых», завтра самый страшный праздник — «день всех мертвых». Сумрачно, холодно. Сейчас час ночи, соверш. непроглядная тьма, ни *единого* огня и мелкий дождь. Вечером писал начало «Иволги» — не знаю, что напишу дальше, пишу наугад. Нынче переписаны «Дубки», напис. 29-го и 30-го.

Вечером — взят Перекоп.

5. XI. Пятн.

Был у Клягина, он читал начало своего «Дяди Пети».

6. XI.

12½ ночи. Туман, сыро, темно, полумесяц уже зашел.

Скверная погода к вечеру, сонливость, разбитость, но, одолевая себя, продолжал «Иволгу».

Взят Киев. В Грассе много русских в солдатской немецкой форме. Ходят из бара в бар.

[В. Н. записала:]

В Грассе появились русские в немецких формах. Их 600 человек. Помещены в казармах, где были арестованы наши. Поют русские песни. Ходят в кафе, где громко говорят по-русски. В одном истратили 350 фр. Кто они? Откуда?

[Бунин:]

11. XI. Четверг.

В одиннадцатом часу, в чудесную лунную ночь, началась бомбардировка Восса и продолжалась минут 40. Смотрели с заднего балкона и из окон. Редкое, дивное зрелище. Наш дом весь дрожал.

10. XII. Пятница.

10 лет тому назад стал в этот вечер почти миллионером. Банкет, Кронпринц, Ингрид. Нынче у нас за обедом голые щи и по 3 вареных картошки. Зато завтракали у Клягина — жигó, рис, все плавает в жиру.

Взята Знаменка.

18. XII. Суббота.

Прекрасная погода.

Все думаю о краткости и ужасах жизни.

Слушал радио — прованс. музыка и пение — девушки — и опять: как скоро пройдет их молодость,

начнется увядание, болезни, потом старость, смерть...
До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не
написал этого как следует!

1944

1. I. 44. Новый год.

Господи, спаси и сохрани.

День опять солн. и оч. холодный.

Ничего не делал. Бесплодно тревожно.

Сейчас 11½ ночи, первая треть луны, ледяная
ночь. Ходил бросить письмо Долгополову — как всег-
да резкий свет электрич. фонарика в лицо возле клини-
ки — ходят два немецких солдата с 6 часов возле нее.
[...]

2. I. 44.

Солнце только что село. Оч. высоко белый, чуть
зеленоватый почти полумесяц (над Клягиным). Пять
часов. Сижу у окна на запад — впереди все в фиолет,
дымке.

Пять часов 5 м. Уже все фиолет. исчезло — стало
темнеть под зеленоватой дымкой. День был чудесный.
Было 2 алерта — после второго где-то бухало, дым
где-то за Cagnes.

1 ч. 35 м. вечера — опять алерт!

3. I.

Заснул вчера, несмотря на алерт, раньше 12. Спал
не плохо и долго, от 9 до 10 в полусне. И опять около
9 алерт.

В 12 — опять.

Прекр. день, тишина, солнце. На солнце совсем го-
рячо. Чувствую себя совсем не плохо.

Опять удив. закат.

Нынче утром опять страшно били Берлин.

Вчера взяты Новгород, Волыnsk и Олевск.
Вот-вот будут страшные дни!

4. I. Вторник.

Опять прекрасный день. В 2 — алерт.

Ездил на вокзал Р. Л. М. — посылка от Шведск.
Кр. Креста.

Взяли Белую церковь, перешли в неск. местах
польскую границу.

6. I. Четв.

«Праздновали» русский сочельник. [...] Грибной
суп с кусочками сальца, котлеты, картофельное поре!

В 12-ом часу ночи (ледяной, лунной) вышли с В.
погулять в сад — с дороги два резких огня фонариков,
крики — дозора возле «Helios». Поспешили в дом.

7. I. Наше Рождество.

[...] Было 2 алерта.

Нынче и вчера читал рассказы Зоценко 37 г. Пло-
хо, однообразно. Только одно выносишь — мысль,
до чего мелка и пошла там жизнь. И недаром всегда
пишет он столь убогим, полудикарским языком — это
язык его несметных героев, той России, которой она
стала.

8. I. Суб.

[...] Вся Европа разрушена чудовищно. Прошлая
«вел. война» была совершен. пустяки. И Г[ермания],
помимо того, как страшно сдерут с нее шкуру, потеря-
ла уже 3/4 своего самого сильного населения. А что
ждет Болгарию, Венгрию, Румынию и несчастную
Италию, зарезанную этим быком!

17. I. Понед.

Солнце (порой горячее), облака.

Сейчас 12 ночи (т. е. 11) — луна еще не взошла.

Война все тянется. И конца этому не видно! Когда-же, Господи, что-н[ибудь] решительное?

19. I. Среда.

Серо, холодно. Ничего не делал, тоска.

Взяты Красн. Село, Петергоф, Ропша, большая добыча. Убито тысяч 20.

20. I.

Опять прекр. день. Был у Кл[ягина].

Взят Новгород.

Ночи звездные, чистые, холодные. Что ни вспомнишь (а обрывки восп. поминутно), все больно, грустно. Иногда сплю по 9 и больше часов. И почти кажд. утро, как только откроешь глаза, какая-то грусть — бесцельность, *конченность всего* (для меня).

Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Р[оссию]! А зачем? Старость уцелевших (и женщин, с которыми когда-то), кладбище всего, чем жил когда-то...

25. I.

[...] Вдруг вспомнил Гагаринск. переулочек, свою молодость, выдуманную влюбленность в Лоп[атину], — которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне. Это-ли не дико!

27. I.

Без $\frac{1}{4}$ 6. Сажу у окна на запад. На горизонте небо зеленое — только что село солнце, — ближе вся часть неба (передо мной) в сплошном облаке, испод которого [мохнат? — неразборчивое слово. — М. Г.] как руно и окрашен оранжево-медным.

Теперь цвет его все краснее, лесная долина к Драгиньяну в фиолетовом пару.

Кругом, — к Ницце, к Cannes, — все не в меру, грубовато цветисто, — верно, завтра будет непогода.

Нынче, после завтрака, большая бодрость — бифштекс с кэри, настоящий кофе и лимон?

Получил 2 шведск. посылки. [...]

28. 1. Пятн.

[...] Нынче утром С. Маковский читал свои стихи «Из Апокалипсиса».

Солнечно, совсем тепло.

Немец осматривал дом.

Был у Кл[ягина]. Он читал.

Взяли Любань. Били Берлин.

30. 1.

Гулял в одной куртке. Зацветают фиолет. подушечки.

Чудовищно били Бруншвик и Франкфурт.

31. 1. 44.

Вчера письмо от Зайцева — Г. и М. в Дрездене, Г. «ведет хозяйство» (у Степунов, конечно), «М. готовится к весеннему концерту».

Да, хорошо я выдумал слова мужика в «Вес. вечере»: «Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина». [...]

4. 2.

[...] Прочел две книжки К. Федина — «Братья» и «Похищ[ение] Европы». Оч. много знает, оч. неглуп — и наряду с этим сумбур, выдумки.

8. 2. Вторн.

Взят Никополь и огромн. кол. воен. материала, взято пл. тысячи 2, убито тысяч 15.

Погода все та же. Ночи удивительные. Луна над самой головой. Небо пустое — только Юпитер (к востоку) и Орион (к западу, над нашими террасами).

15. 2.

Немцами взяты у нас 2 комн. наверху.

Нынче 1-й день *полной* нем. оккупации А[lpes] М[aritimes].

[Из записей Веры Николаевны:]

17 февраля 44.

[...] Мы теперь в оккупационной зоне. Эвакуационная линия вглубь от моря кончается Мужен — С. Поль. Нас пока не трогают.

Ян неустанно думает о смерти, с которой не в состоянии примириться. Ему бесконечно тяжело, мучительно жить. [...] Тяжело прожить с человеком почти 40 лет, и на самое важное и главное смотреть разное, а главное — чувствовать по-разному, воспринимать мир иначе. [...]

Ленино положение, конечно, очень драматично, особенно при наличии серьезной болезни. Тяжело литературное одиночество, оторванность от друзей и близких. Тяжела для него и атмосфера дома.

Я счастливее их, потому что мне *лично* теперь ничего не надо. [...]

19 февраля.

Открытка от Верочки [Зайцевой. — М. Г.] — умерла Елена Конст. Бальмонт от крупозного воспаления легких. Умерла в жуткой нищете. [...] У Верочки [...] ослабело сердце, Каллаш недоедает. [...]

26 февраля.

Сегодня утром пошла в полицию. Там узнала, что вызывают иностранцев для эвакуации. [...]

4 марта.

[...] известие о смерти Петра Бернгардовича Струве. Не могу успокоиться. [...]

Нас пока не вызывают в полицию.

10 марта.

[...] Ян все хлопочет, чтобы нас оставили здесь.

11 марта.

[...] Вчера пришло известие от префекта. Он решил только Яну оставаться до нового распоряжения. [...] Завтра мы посылаем ему прошение. [...]

14 марта.

[...] Целый день упаковывала вещи. Завтра отправляем вторую партию. Отсылаем и в Яшкин перелок¹ и к Конюсам².

[Ив. А. Бунин:]

18. 3. 44. Суббота.

[...] Разметал площадку перед домом, жег сухую листву, было совсем тепло. Вечером опять прохладно.

2. 4. 44. Воскр.

В 12 ч. ночи часы переведены еще на час вперед.

5. 4. 44.

Туман, к вечеру легкий дождь. Закричали как следует лягушки — с опозданием против обыкновенного чуть не на два месяца.

С 8 на 9. V. 44.

Час ночи. Встал из-за стола — осталось дописать неск. строк «Чистого Понед[ельника]. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейш. движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина

в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где шелкание первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!

14. 5. 44.

2½ часа ночи (значит, уже не 14, а 15 мая).

За вечер написал «Пароход Саратов». Открыл окно, тьма, тишина, кое-где мутн. звезды, сырая свежесть.

23. 5. 44.

Вечером написал «Камарг». Оч. холодная ночь, хоть бы зимой.

4. VI. 44. Вечер.

Взят Рим! Вчера вечером вошли в него.

6. VI. 44. Вторник.

В 5 ½ утра началась высадка в Нормандии. Наконец-то!

Полнолуние. [...]

21. 6. Среда.

Взят Выборг.

3 года т. н., в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться, «упал как молния в ночи» на Россию. Ах, не следовало!

22. 6.

В 3 ночи алерт. Стояло что-то красное, большое в стороне Ниццы, сверкали вспышки — узнали нынче, что били Вентимилью.

Уже почти час ночи, а хочется писать.

26. 6.

Началось рус. наступление. Вчера молодой месяц, увидал с правой стороны. Взят Шербург.

27. 6.

Взяты Витебск и Жлобин. Погода все скверная. Взята *Одесса*. Радуюсь. Как все перевернулось!

28. 6.

У Клягина [меня. — М. Г.] осматривал д-р Brès. Нашел не в плохом состоянии, лучше прошлогоднего; и аорта и сердце хороши, кроводавление 8 и 14. [...]

1. 7. 44. Суб.

Погода хорошая, хотя холодн. бриз, но все слабость. Нынче весь день буйное веселье немцев в «Гелиосе»³. Немцы в Грассе! И почему-то во всем этом *Я!* [...]

3. 7.

Погода плоха, все слабость. Читал Стендаля. Бесконечная болтовня. Но человек умный, хорошо знающий жизнь, людей. — Взят *Минск*.

16. 7. Воскр.

[...] татарин Федя, другой татарин и самарский солдат. Вообще русские пленные у нас часто все лето. Взято Гродно.

20. 7. 44. Четв.

Покушение на Хитлера.

Пухлые облака, все неприятн. погода. Вялость.

Дико! Уже 5 лет живу в какой-то английск. вилле!

Привык как к своему дому.

Русские идут, идут.

21. 7.

Облака, прохладно. К вечеру стал чувствовать себя бодрее.

Опять перечитал «Отца Сергия» и «Декабр[истов]». Сколько замечательного в «Сергие»! В «Дек.» кое-что ненужное, напр., обращения к читателю. [...]

22. 7. 44.

Сон про свою смерть. Сумерки, церковь, я выбирал себе могильное место.

Прекр. день, но мистраль. Самочувств. весь день лучше.

Перечитал «Смерть Ив. Ильича». Конец невразумителен. Все лживые, кроме самого Ив. Ильича — он слова, литература; все верно насчет него, но живого образа нет.

23. 7.

Взят Псков. Освобождена уже *вся* Россия! Совершенно истинно гигантское дело! [...]

Звездные ночи. Млечный Путь фосфорически-дымный, будто студенистый. В его конце, почти над Эстерелем, мутные крупные звезды. И миллионы, миллионы звезд!

Под Брадами убито 30 т. немцев.

27. 7. 44. Четв.

Взяты Белосток, Станиславов, Львов, Двинск, Шавли и Режица. [...]

1. 8. 44. Вторник.

[...] 3/4 луны. Ходили бросать письмо о. Киприану⁴ — послал ему «Балладу».

Возле «Helios» на часах немец и русский пленный, «студент» Колесников. Поговорили. На прощанье немец крепко пожал мне руку.

3. 8.

5 алертов за день. Полнолуние.

Черчилль вчера сказал, что война кончится не позднее октября. Посмотрим.

10. 8. 44. Четверг.

[...] Вчера перечитывал (давно не читал) «Вост. повести» Лермонтова: «Измаил Бей», «Ангел смерти» и т. д. Соверш. детский, убогий вздор, но с замечательными проблесками. [...]

12. 8. 44. Суб.

Два алерта. Первый в 11 ч. утра. Испытал впервые настоящий страх — ударили близко, в Mallose'e, потом на холмы против Жоржа — и тотчас начались пожары.

Прекр., уже оч. жаркий день.

15. 8. 44. Вторник. Успение.

Спал с перерывами, тревожно — все гудели авионы. С седьмого часа утра началось ужасающее буханье за Эстерелем, длившееся до полдня и после. В первом часу радио: началась высадка союзников возле Фрежюса. Неописуемое волнение!

18. 8. 44. Пятн.

Взяли La Napoul (возле Cannes). Все время можно различить в море 6 больш. судов. То и дело глухой грохот орудий.

25. 8. 44. Пятница.

Все та же погода — жарко, сухо, жаркий ветер с востока, море все время в светлом белесом тумане.

День 23-го был удивительный: радио в 2 часа торжественно орало, что 50 тысяч партизан вместе с населением Парижа *взяли Париж*.

Вечером немцы [стали. — М. Г.] взрывать что-то свое (снаряды?) в Грассе, потом на холмах против Жоржа начались взрывы в мелком лесу — треск, пальба, взлеты бенгальск. огней — и продолжались часа полтора. Сумерки были сумрачные, мы долго, долго смотрели на это страшное и великолепно зрелище с замиранием сердца [2 неразборчиво написанных слова. — М. Г.]. Ясно, что немцы бегут из Грасса!

На рассвете 24-го вошли в Грасс американцы. Необыкновенное утро! Свобода после стольких лет каторги!

Днем ходил в город — ликование неопишное. Множество американцев.

Взяты Cannes.

Нынче опять ходил в город. Толпа, везде пьют (уже все, что угодно), пляски, музыка — видел в «Эстерели» нечто отчаянное — наши девченки с америк. солдатами (все больше летчики).

В Париже опять были битвы, — наконец, совсем освобожден. Туда прибыл Де Голль.

Румыния сдалась и объявила войну Германии. Антонеску арестован. Болгария просит мира.

«Федя» бежал от немцев за двое суток до прихода американца, все время лежал в кустах, недалеко от пекарни, где он работал (по дороге в St. Jacques).

[Из записей Веры Николаевны:]

24 августа.

[...] Была в городе. Полное оживление. Все нарядные, у всех национальные ленточки, банты, пояса. Все рады. В мэрии арестованные. Перед воротами толпа, то и дело проходят высокие, худые канадцы в соломенных шляпах, некоторые в шлемах. [...] В мэрии, где раньше была полиция, стригут, оболванивают женщин, работавших с немцами. В толпе говорят, что их будут выводить и показывать толпе. [...] Я

прошла в Собор помолиться Маленькой Терезе, поблагодарить за спасение нас от возможных несчастий.

На нижнем базаре разгромлена парикмахерская — все вдребезги. Первый раз видела погром. А у моей шляпницы — оказывается, она была за немцев, — в магазине окна выбиты, ничего не оставлено. Хозяева бежали с немцами, они итальянцы.

27-го августа.

[...] Леня видел, как толпа вела женщин в одних штанах и нагрудниках, били по голове винтовкой [...] будто бы за то, что путались с немцами. Слава Богу, американские власти запретили публичное издевательство. [...]

По радио слышали ликование в Париже, крики, марсельезу. А когда получим вести? И какие? Бился весь Париж. [...]

[Бунин:]

26. 8. 44. Суб.

Все та же погода. Вчера весь вечер и нынче ночью грохот где-то возле Cannes.

3 часа. Все небо над Ниццей в густом желтоватом дыму — д. б. горят Cagnes, St. Laurent.

27. 8. Воскр.

Жарко. Гул авионов над нами.

[В. Н. записывает 29-го августа:]

[...] В Париже образован корпус для расследования о сотрудничестве с немцами. Вот будет разделение на овец и козлищ. [...] Ян сказал: — «Все же, если бы немцы заняли Москву и Петербург, и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия, — я отказался бы. Я не мог бы видеть Москву под владычест-

вом немцев, видеть, как они там командуют. Я могу многое ненавидеть и в России, и в русском народе, но и многое любить, чтить ее святость. Но чтобы иностранцы там командовали — нет, этого не потерпел бы!» [...]

[Бунин:]

30. 8. Среда.

Был у Кл[ягина]. Там сказали, что взята Ницца. То же сказал Бахрак, вернувшийся из города. «Говорят, Ницца сошла с ума от радости, тонет в шампанском».

31. 8. Четв.

Все дни так жарко, что хожу полуголый. Оч. душно по ночам.

Перечитываю Гоголя — том, где «Рим», «Портрет»... Нестерпимое «плетение словес», бесконечные периоды. «Портрет» нечто соверш. мертвое, головное. Начало «Носа» патологически гадко — нос в горячем хлебе! «Рим» — задыхаешься от литературности и напыщенности...

А может быть я еще побываю в Риме до смерти? Господи, если бы!

3. 9. 44. Воскр.

Союзники уже в Бельгии. Финны сдаются.

Прекрасный день, райские виды. И опять — та осень!

4. 9.

[...] Нынче в 8 утра прекращены воен. действия между финнами и русскими. Взят Брюссель. Вошли в Голландию.

5. 9. Вечер.

Россия объявила войну Болгарии. День был прохл.

[Из записей В. Н.:]

9 сентября.

[...] наших солдат⁵ — 15 человек — увезли на грузовике в Кастеляну. В 4 ч. они проезжали мимо нас. Забежали. Леня вынес им 3 бутылки вина. Когда я подбежала, они уже были опять на грузовике — оживленные, взволнованные. Я их перекрестила. Уехали они в штаб партизанов-коммунистов. [...]

11 сентября.

[...] В Ницце арестовали и расстреляли еще двух русских. [...] Арестован еще наш продавец картофеля — у него нашли много миллионов.

23 сентября.

[...] Премия Нобеля по медицине будет в этом году присуждена профессору Ал. Флеминг, за открытие пенициллина. Что это такое?

[Бунин:]

7. 10. 44. Суб.

Сентябрь был плохой. Вчера и нынче буря, ливни, холод, да такой, что нынче вечером повесил на окна занавески.

Уже давно, давно все мои былые радости стали для меня мукой воспоминаний!

Пошлый Леон Додэ — еще раз пересмотрел его романы.

[Из записей В. Н.:]

30 сент./13 окт.

[...] Кажется, зимовать придется здесь, а это очень тяжело. [...]

[Бунин:]

Полночь с 22 на 23 окт. 44.

Роковой день мой — уже 75-й год пойдет мне завтра. Спаси, Господи.

Завтра в 8 утра уезжает Бахрак, проживший у нас 4 года. 4 года прошло!

Холодная ночь, блеск синего Ориона. И скоро я никогда уже не буду этого видеть. Приговоренный к казни.

[Из записей В. Н.:]

29. X.

[...] открытка от Капитана [Н. Рощина. — М. Г.]: «Горько пришлось только несчастной Е. Н. Жировой. Схватили, остригли, посадили в тюрьму и — самое тяжелое — что ее нельзя сейчас выпустить, — ее 'досье' потеряно».

— Тут уж у меня совсем опустились руки. Когда одна — много плачу. Написала за это время уйму писем. Не знаю, кто откликнется. [...] Виню себя, что не дала ей знать, чтобы она ни в коем случае к немцам не поступала. Правда, ее положение, когда она взяла это место счетовода, было трагическое. В кармане ни гроша, муж пропал, содержательница пансиона ей написала, что если к 15 июня не будет внесено за Олечку 1500 фр., она берет ей билет до Парижа и отправляет к матери. [...]

[Бунин:]

1. XII. 44. Пятница.

[...] Спаси, Господи. Боюсь болезни, все хочу начать здоровее жить.

По ночам кричат филины. Точно раненый, которого перевязывают или которому запускают что-нибудь в рану:

— Уу! (тоска и боль).

И залиvisto гулко:

— У-у-у!

Русские все стали вдруг красней красного. У одних страх, у других холопство, у третьих — стадность. «Горе рака красит!».

[В. Н. записывает 11 декабря:]

Ляля освобождена. [...] Ляля пишет: «Олечка почти с меня ростом. Что я почувствовала, увидев ее — даже не могу сказать. Мучительно, что нельзя сейчас вместе устроиться жить».

1945

[Из дневника Бунина:]

1. I. 1945. Понед.

Сохрани, Господи. — Новый год.

Уже с месяц болевая точка в конце печени при некоторых движениях. Был долгий кашель, насморк, грипп.

Топлю по вечерам, Вера сидит у меня, переписывает на машинке некоторые мои вещи, чтобы были дубликаты. И еще, еще правлю некотор. слова.

Очень самого трогает «Холодная осень». Да, «великая октябрьская», Белая армия, эмиграция... Как

уже далеко все! И сколько было надежд! Эмиграция, новая жизнь — и, как ни странно, еще *молодость* была! В сущности, удивительно счастливые были дни. И вот уже далекие и никому не нужные. «Патриоты», «Amis de la patrie sovietique»... (Необыкновенно глупо: «Советское отечество»! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется). [...]

[В дневнике В. Н. 16 января записано:]

Ян написал сегодня Олечке:

Милая Олечка, я нездоров,
Так что теперь не пишу я стихов.
Кроме того ослабел я сейчас —
Очень уж голодно стало у нас.
Мух, муравьев я уж больше не ем,
Все эти звери исчезли совсем.
Сыт я бываю теперь лишь во сне,
Если приснится, входит ко мне
Жареный гусь и кричит на весь дом:
«Режь меня, ешь, запивая вином».

[Бунин:]

12. 2. 45. 12½ ночи.

Бедная, трогательная посылочка от Н. И. Кульман — соверш. необыкновенная женщина! Вечером прошелся, бросил ей открытку — благодарность. Холодно, мириады бледных белых точек, звезд; выделяются яркой, крупной белизной звезды Ориона.

Все перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 т. н. я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Renier в широком старомодном фраке, с гальскими усами. Когда мы после обеда стоя курили с ним, он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником —

и: «que voulez-vous? Дантес защищал свою жизнь!»
Мог бы и не говорить мне этого.

23. 2. 45

Кажется, началось большое наступление союзников на Кёльн.

Взята Познань.

Какая-то годовщина «Красной армии», празднества и в России и во Франции... Все сошли с ума (русские, тут) именно от побед этой армии, от «ее любви к родине, к жертвенности». Это всетаки еще не причина. Если так рассуждать, то ведь надо сходиться с ума и от немцев — у них и победы были сказочные чуть не четыре года, и «любви к родине и жертвенности» и было, и есть не меньше. А гунны? А Мамай?

Чудовищное разрушение Германии авионами продолжается. Зачем немцы хотят, чтобы от нее не осталось камня на камне, непостижимо!

Турция объявила войну ей и Японии.

24. 2. 45. Суббота.

В 10 вечера пришла Вера и сказала, что Зуров слушал Москву: *умер Толстой*. Боже мой, давно-ли все это было — наши первые парижские годы и он, сильный, как бык, почти молодой!

25. 2. 45.

Вчера в 6 ч. вечера его уже сожгли. Исчез из мира совершенно! Прожил всего 62 года. Мог бы еще 20 прожить.

26. 2. 45.

Урну с его прахом закопали в Новодевичьем.

24. 3. 45. Суббота.

Полночь. Пишу под радио из Москвы — под «советский» гимн. Только что говорили Лондон и Амери-

ка о *нынешнем* дне, как об *историческом* — «о последней битве с Германией», о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помоги, Бог! Даже жутко!

Берлин били прошлую ночь, 32-ую ночь подряд.

Вчера были именины Г. Как-то отпраздновала, Боже мой!

[На этом кончается дневник Ив. А. Бунина. В архиве сохранились отдельные записи дневникового характера, сделанные на отдельных клочках бумаги в разное время. Приведу их своевременно, а сейчас продолжаю делать выписки из дневников — тоже нерегулярных — Веры Николаевны:]

7-ого апреля.

[...] В Париже уже опять началось разделение. Одни против других. Опять одним нужно «уходить в подполье», а другие берут на себя роль полицейских и сыщиков. Буду в Париже общаться только с теми, кто не занимается политикой и не вмешивается в чужую жизнь. А ото всех других подальше. Нервы, здоровье тратить на всякие дразги — довольно!

[2 записи Бунина:]

14. IV. 45

Вчера: взятие Вены.

Смерть Рузвельта.

16. IV. 45. Понедельник.

Вышел вечером, в 10-м часу — совсем золотой рог молодого месяца над пиниями возле часовни. Ходил на дорогу, немного дальше спуска в город.

[Вера Николаевна:]

28 апреля.

[...] Вечер в Ницце дал Яну всего 2000 фр. Но зато говорили, что это исторический вечер. Ян говорит, что читал он хорошо. Слушали внимательно. [...]

30 апреля.

[...] Ян сказал: «Последний денек мы здесь». Второй раз в апреле переламинается наша жизнь.

14/15 августа. *Париж.*

Больше 3½ месяцев не открывала эту тетрадь — не могла. Сегодня Успение у католиков. А днем окончена война с Японией. [...]

Почти у всех друзей траур, у некоторых трагический. Радость только у Зайцевых — родился внук Михаил. [...] З. Н. [Гиппиус. — М. Г.] не видела. Говорят, ее разбил паралич. Володя [Злобин. — М. Г.] ухаживает, как самый любящий сын. [...]

3 сентября.

[...] У нас Олечка. Она не отходит от матери. Вялая, скучная. Ко мне совершенно равнодушна. [...] С Яном тоже. Тут я ошиблась. Думала, что Олечка с ним будет «дружить», и ему это будет приятно, т. ч. он примирится с тем, что потерял кабинет. А теперь он чувствует одно неудобство и никакой радости. [...]

9. IX. Воскресенье.

Вернувшись от Наташи Барановой мы увидели записку на двери «Зинаида Николаевна [Гиппиус. — М. Г.] скончалась. Панихида в 9 часов».

Я не стала ужинать и помчалась. Шла в большом волнении по тихим улочкам. Не видела ее больше 5 лет. [...]

Вся квартира прибрана — чистота и порядок. В кабинете, от отсутствия постели Дм. Серг., стало уютнее. [...] В салоне вкось к окну, на низком сомье в свежих белоснежных простынях в черном платье и черной прозрачной косынке лежит худенькая, со спокойным лицом, Зинаида Николаевна. Я поклонилась ей до земли, поцеловала руку.

Володя сказал, что перед кончиной она раскрыла глаза и с благодарностью посмотрела на него и Татьяну Алекс. [Манухину. — М. Г.]. Скончалась она без страданий в 3 ч. 45 м. — «Мне кажется, она прошла чистилище», — сказал Злобин.

Пришел священник, отец Липеровский. Через минуту опять звонок и я увидела белое пальто — дождевик Яна.

Я немного испугалась. Он всегда боялся покойников, никогда не ходил ни на панихиды, ни на отпевания.

Он вошел, очень бледный, приблизился к сомью, на котором она лежала, постоял минуту, вышел в столовую, сел в кресло, закрыл лицо левой рукой и заплакал.

Когда началась панихида, он вошел в салон. Священник служил тихо, псаломщиком была Т. А., а кроме нас и Володи, никого не было. Ян усердно молился, вставал на колени. По окончании подошел к покойнице, поклонился ей земно и приложился к руке. Он был бледен и очень подтянут.

Вторая панихида будет завтра в 6 ч. [...] Ян говорил: 50 лет тому назад я в первый раз выступал в Петербурге и в первый раз видел ее. Она была вся в белом, с рукавами до полу и когда поднимала руки — было похоже на крылья. Это было когда она читала: «Я люблю себя, как Бога!» и зал разделился — свистки и гром аплодисментов. — И вот, красивая, молодая, а сейчас худенькая старушка — жалко мне ее ста-

ло очень, — продолжал Ян: — Хорошо, что лежит на соме, а не на столе. [...]

А мне вспоминается она в Амбуазе¹, когда раз, развеселившись, она танцевала польку Анна. Последний же раз я видела ее в мае 1940 года, она очень радостно меня встретила и просила приходить, но у них была черная кошка.

Большинство ошибается, думая, что она не добра. Она гораздо была добрее, чем казалось. Иной раз делала злое, так сказать по идее, от ума. Она совсем не была равнодушной. К себе я несколько раз видела ее доброту и сердечность.

6 октября.

Сегодня, наконец, были у Мельгуновых². [...] Атмосфера приятная. Никакой «нетерпимости» мельгуновской мы не испытывали, хотя не на все смотрим одинаково. [...] Рассказывал Сергей Петрович, что во время войны 1914-1917 гг. он целый месяц жил на фронте с Ал. Толстым, Осоргиным, Вырубовым. И Толстой показался ему совсем глупым. «Я даже думал, как такой глупый человек может быть писателем».

25./XI.

[...] Чтение Зайцева было очень приятным, он дал яркий образ Лескова и читал хорошо. Зал был полон. Публика хорошо слушала. Сбор, вероятно, будет больше предыдущего. [...]

Скончался Михаил Осипович [Цетлин. — М. Г.], рак крови. Редкий был человек, деликатный, умный, тонкий и образованный. [...]

1946

3 мая.

Год, как мы приехали в Париж. Кажется, такого бесплодного года я еще никогда не переживала. — Ляля меня возненавидела. С Олечкой тоже никакой радости.

20 мая.

Вчера, после обедни, панихида по Императору. Из молящихся ушла одна дама. Остро пережила за панихидой трагедию Государя и его семьи. [...]

27 мая.

[...] Предлагают Яну полет в Москву, туда и обратно, на две недели, с обратной визой.

18. 6. 3 ч. ночи.

Спать не могу от блох и всяких мыслей. Весь день люди: Дидрихс¹ — приезжал на полковой праздник. Такой же милый и немного блаженный человек из ушедшего мира. [...]

Зайцев зашел, чтобы напомнить Яну о вечере 7 июля — 25 лет Обществу помощи писателям и журналистам. [...] Тэффи. [...] Заходил Леня. [...]

24 июня.

[...] 21 июня специальный выпуск Ц. К. Союза советских Патриотов. [...] Напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14. 6. 46 г. о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советской гражданство, проживающих на территории Франции. [...]

Везде волновались. Во многих семьях произошел раздел. Одни хотели ехать, другие — оставаться. Волнует вопрос о воинской повинности.

30 июня.

[...] Пришел Леня с заседания. Хорошо рассказал, представил, как говорил Богомолов². Его скороговорку, повторение фраз. Сидели они с Кодрянской³ во втором ряду. Перед ним Емельянов с женой. Тэффи была с Пантелеймоновым. [...] Приходилось 20 раз вставать. От всего собрания послано приветствие Советам.

Очень тяжело. Безотрадно. Бессмысленно. Здесь тоже согнут, кого можно, в бараний рог!

28 июля.

[...] Зернов сказал, что Яну нужно, хоть на месяц, выехать за Париж. Нужен сосновый лес и известная высота. Это может стоить минимум 40 000 фр. А взять неоткуда. [...]

11 августа.

Вечером приезжал Симонов⁴, приглашать на завтра на его вечер. [...] Понравился своей искренностью, почти детскостью. [...] На юге он написал 30 стр. новой повести. Тема: профессор, побывавший за границей, возвращается на родину, на Урал, не застаёт жены дома [...] ждёт и думает, вспоминает. И видит, как здесь все плохо, хуже, чем там. — Симонов думает, что цензура пропустит. Он уже в Верховном Совете, выбран от Смоленщины.

Симоновское благополучие меня пугает. Самое большое, станет хорошим беллетристом. Он неверующий. [...] Когда он рассказывал, что он имеет, какие возможности в смысле секретарей, стенографисток, то я думала о наших писателях и старших, и младших. У Зайцева нет машинки, у Зурова — минимума для нормальной жизни, у Яна — возможности поехать, полечить бронхит. И все же для творчества это, может быть, нужно.

Симонов ничем не интересуется. Весь полон собой. Человек он хороший, поэтому это не возмущает, а лишь огорчает.

Я очень довольна, что провела с ним час. Это самые сильные защитники режима. Они им довольны, как таковым, нужно не изменить его, а улучшить. Ему нет времени думать о тех, кого гонят. Ему слишком хорошо. [...]

15 августа.

Третьего дня был у нас московский ужин: водка, селедка, кильки, икра, семга, масло, белый и черный хлеб — все прислано на авионе по просьбе Симонова. Были у нас и Тэффи с Банин⁵, которая внесла большое оживление. Леня не остался. [...]

Она [жена Симонова. — М. Г.] говорила, что здесь все хуже, чем в России. Отрицала, что были аресты перед войной. [...] Рассказывала о Вале Катаеве⁶. Он иногда запивает на 3 дня. То не пьет, не пьет, а затем, кончив повесть, статью, иногда главу, загуливает.

Я думаю, что он несколько иначе все воспринимает, чем они, вот и тянет забыться. Все-таки он почти четверть века дышал нашей культурой. Он женат второй раз. У них двое детей. [...]

23 сентября.

[...] за этот отрезок времени у меня были ученики — подготовка к «башо» по русскому языку.

[На отдельном листке бумаги запись Бунина:]

14/1 октября 46 г. Покров. Рождение Веры.

Все думаю, какой чудовищный день послезавтра в Нюрнберге. Чудовищно преступны, достойны виселицы — и все таки душа не принимает того, что послезавтра будет сделано людьми. И совершенно невоз-

можно представить себе, как могут все те, которые послезавтра будут удушены как собаки, ждать этого часа, пить, есть, ходить в нужник, спать эти две их последние ночи на земле...

[Вера Николаевна записывает:]

2 декабря.

[...] Капитан [Н. Рошин. — М. Г.] дал интервью, где сказал, что Ян едет в СССР, как и Волконские и другие представители аристократии. Почему он все врёт? Трудно понять! [...]

Я очень рада, что Рошина больше здесь нет. Рада, что он не виделся с Яном перед отъездом, а то наплел бы ни весть что. Теперь ведь девиз ко всем его статьям: «ври Емелька, твоя неделька».

Леня третью ночь сряду дежурит. Он нанялся сторожем в гараж, где служит Володя Варшавский⁷. Для защиты у них 2 дубинки и собака, которая не лает. [...]

Алданов едет в Германию. [...] Его тянет в Америку. Конюсы в Америке. М. С. [Цетлина. — М. Г.] улетела... Она часто бывала у нас, много подарила мне платьев и других вещей. Беспокоилась о Яне. Хотела собрать ему на поездку на юг. — Она очень заряжена. В ней сидит политик.

Новые знакомые — Гуль⁸. Очень приятные люди... Бываю на лекциях П. К. Иванова. [...]

Вышли «Темные аллеи».

30. XII.

[...] Вчера был завтрак в честь Яна по поводу «Темных аллеи». Было хорошо, просто, вкусно и даже весело. Под конец танцевали. [...] Стол был накрыт покроем. Под окнами Ян не сел. Рядом по правую его руку — Зайцев, по левую — Тэффи, около нее Маковский, около Бориса — Берберова, рядом с ней Михайлов, дальше Вера [Зайцева. — М. Г.]. Я села напротив

за пустой стол. Бержанский [...] сел около меня, по другую руку — Миша Струве. [...] Вдруг, вижу, идет с дочерью Бенуа⁶.

1947

26 мая.

Первая запись за этот год!

На следующий день после завтрака 29 декабря Ян перестал скрывать, что у него повышенная температура. [...] Новый год мы встречали в постели. Повышенная температура, изнуряющий кашель, вызывающий сердцебиение и кровь, а главное — слабость. [...]

9 августа.

Ян прочел о смерти Деникина. Расстроился. Целая эпоха жизни. Вспоминал, как был на приеме с Овсяннико-Куликовским. Деникин с черной бородкой, подтянутый, в отличных сапожках и черном мундире¹.

Последние его слова: «К Рождеству услышим московские колокола». Скончался в американском госпитале. [...]

Сейчас живем одни: Леня, Ляля и Олечка в Вандее на океане. Леня в своей палатке, Жировы — в скаутском лагере.

15. VIII. 47.

День рождения Наполеона и Д. С. Мережковского. Сколько раз проводили этот день вместе. Особенно вспоминается год, когда они жили в Канне за большим отелем. Горели вокруг леса и было очень душно, даже жутко.

Может быть, Дм. С. и любил так Наполеона, что они родились в один день. [...]

Сейчас вошел Ян со словами: Что значит татарская кровь, как грубо и пошло все у Банин. И какая

ненависть ко всему русскому. И где она видела таких русских? И какое невежество!

6 сентября.

Вчера был Зернов. Дал Яну лечение. [...] Печень увеличена. Сердце само по себе нормально, но от эмфиземного состояния дыхательных путей утомляется. Прописал пульверизатор.

1948

Juan les Pins.

2 января.

Грустно было встречать этот високосный год. Ян был в большом возбуждении. Его вывело из равновесия, правда, очень неустойчивого, письмо Марьи Самойловны [Цетлиной. — М. Г.]. Письмо бессмысленное, неслучайное, трудно понимаемое. Она порывает с нами отношения, т. к. мы ушли из Союза¹ и чтобы «уменьшить силу удара», она «уходит от нас». Далее она пишет о каком-то «крестном пути» Яна — словом, белиберда ужасная. А вчера мы узнали, что М. С. циркулярно рассылает свое чудесное послание по всему Нью-Йорку. [...]

10 января.

[...] Письмо от Тэффи. От нее не скрыли письма М. С., которое ее очень взволновало. «Понимает ли она, что Вы потеряли, отказавшись ехать?² Что швырнули в рожу советчикам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа Вашим именем, и статуя. Станция метро, отделанная малахитом и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! Писатель академик, Нобелевская премия — бум на весь мир... И все швырнули в рожу. Не знаю другого,

способного на такой жест, не вижу (разве я сама, да мне что-то не предлагают, т. е. не столько пышности и богатства). [...] Меня страшно возмутила М. С. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами».

15 января.

[...] Ян вчера вышел в первый раз после нашего приезда. Полчаса посидел на скамейке. О чем он думал?

16 января.

Вчера вечером полчаса посидела с Ивановым³. [...] Он говорит: «Я больше всего живу Россией, — больше, чем стихами. [...] Я монархист. Считаю начало ее гибели с Первой Думы...»

27 января.

Тэффи опять хуже. Трагедия, что нет ухода. [...]

31 января.

Письмо от Карповича⁴. «Не могу сказать, как я огорчен этой историей. Я не судья Марье Самойловне. Письмо свое она, очевидно, написала сгоряча, под непосредственным впечатлением непроверенного (и как оказалось — неточного) известия». Пишет осторожно. [...]

1 февраля 48.

Ночь провели плохо. У Яна кровь. Кашель. Раздражен ужасно. Всякий пустяк его волнует. [...]

10 февраля.

[...] Вчера письмо от Цетлиной. Должно и неубедительно оправдывается и извиняется о способе посылки письма⁵. И очень кратко говорит: «по существу же насчет Вашего поступка я продолжаю думать, как и раньше...»

Вчера Иванов прочел мне письмо Зайцева, в котором он отказывает ему в членстве Союза до тех пор, пока он не оправдается от возводимых на него обвинений в дни оккупации. [...]

Ночь Ян провел плохо. Кашлял. Письмо М. С. его задело и сообщение, что «результат ее письма это письма Зайцева и Веры Алексеевны».

13. 11.

Сегодня мы оба сидели у Ивановых. [...] мирно беседовали о Пушкине и о Лермонтове. Восхищались «Путешествием в Арзерум» и «Таманью». Иванов выше ставит Пушкина, как прозаика.

24. III.

[...] Была Екатерина Таубер. Подарила мне «Под сенью оливы». Ян хвалит ее стихи.

27. III.

Сегодня газета принесла 3 смерти: А. И. Андреева 11 марта, Мочульский 21 марта, Бердяев 23 марта.

4 апреля.

Приехала 2 апреля М. И. Балтрушайтис⁶. Она издает стихи мужа. [...] Спокойна, тихо говорит, с чувством собственного достоинства. В прошлом — богатство, почет, приемы в посольстве, драгоценности. [...] Полное отсутствие у нее интересов эмиграционных. Живет своим.

Вспоминаю Балтрушайтиса в пивной Белло. Еще молодой, красный, над кружкой пива. Одинок сидит, мрачный. Мы с Яном, съев сосиски, выпив пива, подсаживались к нему, и они начинали бесконечные разговоры на литературные темы. Ян всегда любил его, выделял из всей этой модернистической компании.

[В конце апреля Бунины вернулись в Париж:]

10 августа.

Наконец нашла эту тетрадь. [...] Ян только что выкарабкался из серьезной болезни. Еще слаб, много лежит в постели. [...] У него после припадка астмы образовался фокус в легких. Т° поднималась до 38°. Были тревожные дни. [...] Все старались помочь, как могли.

15 августа.

[...] 2000 долларов нам не позволяют отказаться от вечера. Решили устроить его 23 октября в день рождения Яна. Он решил «рассказать кое-что о своей жизни». [...]

1 октября 48.

Получила от Софочки Волконской⁷ одно письмо Ив. Ал. к Рахманинову, а другое его ко мне. Письма этого я не получила, а потому я перепишу его. «...хочу поблагодарить Вас от всей души за те полстраницы, которые посвящены моей дочери⁸. Вы хорошая, сердечная, если догадались написать о ней. [...] у нас жизнь не красная, а лично я и жена моя, мы только и заняты слухами и сообщениями о войне, а мысленно о Танюше. Вот почему так трогательны и были Ваши строки о ней».

1949

Juan les pins. «Русский дом».

7. 1. 49. (25. XII. 48.)

Вот мы опять в фурнемской ссылке. [...] В этом году кормят лучше. О прошлогодней кормежке все вспоминают с ужасом. [...]

20. 1.

Чувствовала себя отвратительно. Ян страдает глазами — экзема век. [...]

Вчера он сказал: «Мне кажется, что у Блока есть что-то и от Вертинского».

Читаем «Войну и мир», и Ян неустанно восхищается Толстым.

26 января.

[...] Много говорили [с М. А. Алдановым. — М. Г.] о «Войне и мире». М. А. считает самым лучшим 3-ий том. Начáло считает слабее. Ян не согласился. Считает начало великолепным по свободе и разнообразию людей. Это был не спор, а разговор людей, любящих одно и то же.

«Ну, кто бы не удержался, и не выставил Анатоля мерзавцем, не изругал бы его, а у Толстого чувствуется какая-то симпатия», сказал Ян. [...]

11. 2. 49

[...] Вчера были Алдановы. Очень оба милы. Сидели, разговаривали. Без Толстого не обошлось. Но Ян все был не тот, как обычно.

12. 2.

[...] Ночь прошла тяжело. Ян задыхался. 2 раза была кровь. Пульс больше 100. Слаб так, что сам не может поправить себе подушки.

15. 2.

[...] Ночь прошла на редкость тяжело, до 4-х мы не спали, затем Ян каждый час просыпался и только с 9—12 спал. Микстуру не принимает — «изжога».

17. 2.

Ночь прошла ужасно. [...]

18. 2.

Ночь прошла дурно. [...]

22. 2.

Температура в 11 ч. утра 36,6°. Сидел в кресле. [...]

24. 2.

[...] Ян сейчас вспомнил, как папаша Познер приезжал к нему с предложением вступить в «Союз Советских Патриотов». Ян послал его туда же, куда и Гефтера.

Познер на старости лет стал писать по новой орфографии.

18 марта.

Вчера Ян начал писать «Ночлег». [...]

20 марта.

Вчера Ян задыхался.

23. III.

Ян кончил «Ночлег».

29. III.

[...] Ян сидел сегодня около часа в саду. Разговаривал с художницей, все расспрашивал об Испании.

30. III. День Алексея Божьего человека.

Когда-то, 29 лет тому назад, Алексей Толстой читал начало своего романа «Хождение по мукам» в салоне М. С. Цетлиной. Мы 2 дня как приехали в Париж. [...] Квартира Цетлиных поразила меня — в ней было 3 ванны!¹

В первый день мы уже завтракали с Цетлиными, Толстыми, Тэффи, Гончаровой и Ларионовым у Прюнье. Все еще были молоды. Из этой компании умерли Толстой и Цетлин. Это начало эмиграции.

Как сначала было трудно взять и носить чужое платье. А потом, понемногу, смирилась. [...]

— Вот рассказ замечательный, сказал неожиданно Ян — это «Лирник Родион»².

— Да, там настоящая поэзия.

— Это та поэзия, которая исчезла из мира, и все наши поэты ни в зуб толком. [...]

6 апреля.

[...] Ян получил письмо от Г., он сообщает об Ильюше Муромцеве³ [...] называет его «знаменитым ученым». Он профессор в Блумфильдском университете по высшей математике, читает для post graduates. Он изобретатель cavity magnethron — прибора для производства ультра-коротких волн. [...] Пишет, что Илюша восхищается Яном. Передает сердечный поклон В. Н. «от ее родственника и Вашего свойственника».

Я очень рада. Я давно мечтала спросить Г., не знает ли он что-либо об Илье Муромцеве. [...]

12 апреля.

Ян опять болен. [...] Вчера были Зайцевы. [...] они так счастливы, что едут в Испанию, что даже приятно. [...]

28 апреля.

Ян поправился, легкие здоровы, но сердце слабо. [...] Ян сейчас пишет «Третий Толстой».

В Ницце Кодрянские. Они, действительно, очень внимательные и хорошие люди. [...]

4 мая.

Ян по ночам задыхается, кашляет и очень мучается.

Получила от Ильи Эммануиловича [Муромце-

ва. — М. Г.] письмо, очень милое, родственное. Оно меня сильно взволновало. [...]

Ян отказался принимать участие в Пушкинском комитете. Вчера написал об этом Адамовичу. В нем будет участвовать Лифарь. [...]

13 мая.

Завтра [...] отъезд.

13 июня (Париж).

[...] Наши «четверги» приобретают популярность. Пока перебивало человек 21. [...] Всех «четвергов» было 4. [...]

Ян диктует почти ежедневно. Все пишет «Третий Толстой», но пока о нем меньше всего.

2 сентября.

За это время оказалось, что я больна — декальсификация позвонка. Лечусь с 18 июля.

3 сентября.

У Яна летом была сильнейшая кровь. Нужна маленькая операция. [...] Чувствует слабость. Задыхается. На людях оживляется. Бывает блестящ. На воздух не выходит. Часто почти весь день в постели. [...] Леня помогает, покупает. [...]

[Бунин в ночь с 2 на 3 октября записывает:]

Все одни и те же думы, воспоминания. И все то же отчаяние: как невозвратно, непоправимо! Много было тяжелого, было и оскорбительное — как допустил себя до этого! И сколько прекрасного, счастливого — и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал — тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди — калека и смерть почти на пороге.

[Вера Николаевна:]

12 ноября 49.

[...] Был у нас Керенский. Сидел полчаса. Пил белое вино, ел финики, виноград. Он стал седой, тихий, менее нервен. Разговор носил частный характер. Ян рассказывал о своем посещении Богомолова. Он смеялся. [...]

Теперь у нас «четверги» два раза в месяц. [...]

Вечер Лени был удачный. 18-го вечер Адамовича. Я продала ему билетов пока на 6.250.

1950

1 января.

Этот год не «встречали». Была у всеобщей и на молебне.

3 января.

[...] Ян сказал Лене: «Вы единственный писатель после меня».

5 января.

Наш «четверг». Было человек 27. Ян очень задыхался. С гостями был мало.

6 января.

[...] Леня задал Яну вопрос: Почему в ранних ваших стихах и потом в «Храме Солнца» у вас душа религиозная, а затем вы как-то от этого закрылись? — Ян ничего не ответил.

А ведь душа его, действительно, религиозна. В нем 2 души — матери и отца. Последняя заглушает первую.

9 января.

Ян не спал всю ночь. [...] и днем не заснул. Леня покормил его. [...]

10 января.

Была у Павловского, вручила 2 приглашения на вечер памяти З. Н. Гиппиус. Получила 1000. Чувствую, что больше билетов продавать не могу. Надеюсь, что это последний раз.

11 января.

Ян очень страдает, то у него озноб, то зуд во всем теле. Десять лекарств в день и каждое от всех болезней.

13 января.

[...] Продала [на вечер памяти З. Н. Гиппиус. — М. Г.] на 5600 фр., на синема «Быстрой Помощи» — 5200. На Олечку собрала 20000, на Лялю — 18000, на Тэффи 20000, на Леню 43000, на «Быструю Помощь» 13800. Это за год.

31 января.

[...] недостаток кровяных шариков у Яна. Мне кажется, ему лучше. Крови пока нет.

7 февраля.

[...] Ян почти весь день в постели. Задыхается. [...]

1 апреля.

Были у доктора Лабри. Сердце нормально. Склероз артерий легких. Искривлен позвоночник. Лабри очень приятный. Ничего не взял. Яну запрещено все соленое, вплоть до ветчины. Ян ехал, как на казнь.

28 апреля.

Завтра едем. [...]

29 апреля.

[...] Провожали: Леня, Аля, Адамович, Ляля, Олечка и Володя Варшавский.

30 апреля.

Спали в вагоне хорошо. Но утром Ян чувствовал себя дурно. Казалось ему: «Не доеду». В Антибах были в 11 ч. 5 м. На минуту был задержан поезд из-за наших чемоданов. Их было 7, да 3 я взяла сама.

Здесь тишина, народу «на доньшке». Кормят хорошо.

1 мая Juan les Pins, Русский дом.

Ян бушевал из-за соли. Насыпал себе соли в суп почти целую ложку. Я сказала, что тогда ему не нужно варить без соли. Пришел в ярость. Не стал есть. [...]

2 мая.

Был Марк Александрович [Алданов. — М. Г.]. У него высокое давление. Он на еще более строгом режиме. [...]

Ян провел день тяжело, хотя и вставал. Ел ветчину, кашу, рыбу с картошкой.

4 мая.

Была Е. П. Ставраки. [...] Дает мне 1000 фр. на кого я хочу. [...]

7 мая.

Проснулся окончательно в 9 ч. Захотел кофе, ветчины. Я встала и закрутилась до ½12. [...] Вечером задыхается. Все время требует моего присутствия.

8 мая.

Обед для бедняков. Было 25 человек.

9 мая.

Ездил в Ниццу на свидание с Л. Т. Доброй. [...] Получила на Ставрова 500 и на «Быструю Помощь» (лотерея) — 500. Слава Богу, Яну лучше. [...]

11 мая.

Ночь почти без сна. Зуд. Печень. Утром доктор. Запрещение мяса, кроме ветчины. Зуд продолжается, это от печени. Новые лекарства.

22 мая.

[...] воспаление в левом легком. Т° 38,8. Это после пенициллина.

26 мая.

[...] Был Марк Алекс. Они уезжают в Лондон во вторник. Сидели приятно. Опять говорили о литературе, о Толстом, опять восхищались «Войной и миром». М. А. говорил, что у писателей редко бывает глазная память, исключение — Куприн. [...]

28 мая.

[...] Ян чувствует себя отчаянно — тошнит, никакого аппетита.

31 мая.

[...] «Не думал, что придется так тяжело умирать».

4 июня.

[...] Ян сидел за столом. После воспаления легкого он в первый раз сел в кресло. [...]

8 июня.

С утра волнение — ждут морителей блох и клопов. [...] Ян категорически заявил, что никуда не пой-

дет и не пустит к себе. Согласились в его комнате сделать легкую дезинфекцию — только протерли пол.

10 июня.

Ночь была ужасная.

Пришло «Новоселье»¹. Ян прочел Тэффи. «Ничего не понимаю, так она не писала». [...] Просмотрел Бахрака о поэтах — «Присманова оригинальный поэт...»

11 июня.

Ночью прочел «Русскую повесть» Зурова. — «Рассказ хороший, некоторые страницы превосходны... Варшавский талантлив, но уж очень до одури подробен».

15 июня.

[...] Ян спал до пяти. Немного поел. — «У меня жар». Лоб горячий. Т° 38°.

16 июня.

Очень слаб. Съел ветчины. Второй раз пенициллин.

20 июня.

Ян чувствует себя убийственно.

29 июня.

День нашего отъезда. [...]

30 июня.

Встретили К [неразб. — М. Г.], Леня с креслом на колесах и Жиров. [...] Стол ломился. Мы хорошо закусили. Ян сидел за столом и рассказывал. В 5 ч. был Зернов. Посоветовал исследовать мочу на белок и бактерии. [...]

1 июля.

[...] анализ мочи прекрасный. А в легких хрипы. Предложил американский пенициллин за 1800 фр. Ян согласился.

13 июля.

[...] Подсчитали, сколько стоят доктора, анализы, аптеки и уколы за две недели — 8.700. Беспokoюсь, как проживем август.

8 августа:

[...] промывание пузыря. [...]

13 августа.

Лежит с зондом, целая канализация.

19 августа.

Получила 15000 от М. А. Алданова. [...]

22 августа.

В 4 ч Симков. Промывал пузырь. Неожиданно пришел Аитов, затем Беляев. Все трое находят, что операция необходима, как и переливание крови. [...] медлить не следует, может быть катарр пузыря:

23 августа.

[...] Об операции и слышать не хочет.

27 августа.

[...] Был доктор Дюфур. Немедленно в госпиталь. [...] у меня почти не было денег. Кодрянские дали займы 30000 фр.

28 августа.

Приезд в клинику. [...] Здесь хорошо. Тишина.

31 августа.

Сильнейшие боли, почти до крика. [...] готовят к операции. Морфий. [...]

1 сентября.

[...] Дюфур пришел в 6. Сказал, что операцию сделает 4-ого сентября.

4 сентября.

Повезли без четверти девять. Ян был молодцом. Ночь провел лучше предыдущей. На операцию поехал сидя. Проявил присутствие духа. Говорит, что боли были нестерпимые.

5 сентября.

[...] Был Дюфур. Остался доволен.

9 сентября.

[...] Прислали 6 экз. «Воспоминаний» Яна. Ян читает. [...] чувствует себя ужасно. [...] все спит. [...] мечется.

10 сентября.

[...] 3 раза пенициллин.

12 сентября.

Звонила Павловскому, дает 25000 фр., звонила Бененсон — дают 10000. Теперь у нас долг в 100 тысяч. [...]

14 сентября.

[...] Звонок от Рогнедова, завтра привезет 80000 франков. Какое счастье!

15 сентября.

Был Рогнедов. Вместо 80000 дал 40000. [...]

16 сентября.

[...] Спросила Дюфура, сколько мы ему должны.
— Операция была очень трудная, но вы дайте, сколько хотите. Я всегда так говорю с русскими.

17 сентября.

[...] Первый раз Ян поел, как следует. [...]

20 сентября.

Назначено наше возвращение домой. [...]

1951

7 янв./25 дек.

В пятидесятом году я писала мало, особенно последние месяцы. Вообще вести дневник при моей жизни трудно. Буду делать короткие записи.

Приехал М. А. [Алданов. — М. Г.]. Вчера был вместе с Полонскими, провели с нами сочельник.

Было невесело. Думаю, что Ян поразил их своей инвалидностью. Уже 15 дней у него плеврит. [...]

У Лени вчера был Андреев¹, вид очень русский. Много рассказывал, но я мало могла его слушать. Сейчас он в Лондоне [Кембридже. — М. Г.] профессором. 2 г. 3 м. сидел в Праге в советской тюрьме. Какая-то сказка. Говорит, что среди русских, даже НКВДистов, много человечности.

[Без даты.]

Скончалась Н. А. Рахманинова.

Ян сегодня не отпускал меня: вспоминал болезнь матери в Огневке. Отца. Евгения. Машу. Всю их жизнь. [...] Рассказывал, как ездил с мужиком за доктором за 25 верст, и как Яков все соскакивал с телеги и шел рядом.

25/12 января.

[...] Пришло разрешение на телефон. [...] Утешительное письмо от Мазуровой. Обещает помогать.

1 февраля.

Ян с воскресенья в ужасном состоянии. [...]

На «Зимний Дворец»² у нас 110000 фр. Нужно еще в полтора раза больше. Помогите Бог.

16 февраля.

[...] Ян проснулся в час. Настроение лучше. Поел. Читает газеты. [...]

22 апреля.

[...] Завтра 44 года, как мы пустились в путь с Яном. [...]

11 июля.

Ян очень слабеет. [...] Чтобы встать с постели тратит на сборы часа 2-3. Кроток. Смирился с болезнью, внешне во всяком случае.

16 августа.

[...] Паша [Мельгунова. — М. Г.] опять наклеветала на Яна: «вел переговоры с Советами об издании полного собрания сочинений». Как раз наоборот — все сделал, чтобы его произведения не были изданы в России у большевиков. [...]

О возвращении нашем в Россию не могло быть никаких переговоров, т. к. мы ни в коем случае туда и не думали ехать. Были предложения, уговоры, на которые даже серьезно не отвечали, так они были нелепы при отношении к большевикам, какое было и есть у Яна. Если с кем и виделся и разговаривал, то по двум причинам — как бы добиться аннулирования издания и, конечно, из интереса чисто писательского — что это за люди. [...]

Вчера Ян задыхался часа 3 сряду. Я от него не отходила.

30 августа.

[...] Ян задыхается, а я смотрю и ничем помочь не могу. [...]

Не могу успокоиться относительно клеветы Паши Мельгуновой. Даже Симонов не уговаривал, понимая, что Ян в иных настроениях. [...] Расстраивает и медленность работы Лени. Не знаю, когда кончит «Зимний Дворец». Не знаю, сколько будет стоить печатание. [...]

9 сентября.

Пришло письмо от В. Александровой. Чеховский дом решил все книги выпускать по новой орфографии. [...] Ян решил отказаться. Часто бывает в каком-то бессилии.

Скончался внезапно Г. П. Федотов³. [...] Он был талантлив и с ним связана целая эпоха жизни.

12 октября.

Ян очень ослабел. [...] Он растерян внутренне.

13 октября.

[...] Слава Богу, Яну лучше, хотя он еще какой-то безучастный, все молчит. Тих, подавлен.

[В черной коленкоровой тетрадке на первой странице дрожащей рукой, почерком Ив. А. Бунина, написано:

Дай тебе, Господи, еще много лет и здоровья, драгоценная моя!

1/14 Октября 1951 г. Париж.

Ив. Бунин.]

1/14 октября. Покров.

Не была в церкви. Возилась с Яном. Он по прежнему

му безучастен. Не читает, говорит, что нет сил надеть очки. Аппетита никакого. Говорит, что не поправится. [...] Пришла Н. Ян поразил ее: «Таким я еще никогда его не видала».

20 октября 51.

Вчера до 5 ч. я была счастлива: уже накануне вечером он стал прежним и перед сном вспоминал прошлое — Пушешникова и т. д. Утром принял лекарство, съел котлетку. Обещал сесть в кресло. Около 5 ч. позвал меня: «попробуй лоб, у меня, кажется, жар». [...] Тридцать восемь!

Этого боялся Муккси. От лежания воспаление легких.

1 декабря.

Вчера хоронили Я. Б. Полонского. Сгорел в одну неделю от болезни сердца.

2 декабря.

Ян сказал: Привяжется мотив и все звучит. Сейчас — «Вы жертвою пали»... — Никогда не мог понять слов «любви беззаветной к народу». Кто это так любил народ? Все выдуманые чувства, которыми жило несколько поколений. И что такое народ?

1952

1 января. 12 ч. 3 мин.

[...] Встретили без вина. Ян перекрестился.

1 февраля.

Был болен Ян. Опять хрипы в легких, опять пенициллин. Очень ослабел, задыхается. Сегодня утром плакал, что не успел сделать, что надо. Потом просил

беречься: «Если ты умрешь, я покончу с собой. Не представляю жизни без тебя». Плакала и я.

6 марта.

[...] день — нянькино одеяло из разноцветных, но однородных ситцевых лоскутков.

Сегодня заболел, опять воспалением легких. Зернов сказал, что серьезно. [...] Я все делаю, чтобы не приходить в отчаяние. Он догадывается, что положение серьезно: «Сегодня Зернов был очень решителен».

А мы только что собирались перепечатывать для Сазоновой¹ его биографию и сообщить ей то, о чем она просит в письме.

8 марта.

Яну лучше.

С 22 апреля болен Ян. Было и обычное воспаление в легком и колобациллы. [...] затем и цилиндры и белок. С 22 апреля болезнь уже стоила 17.600 фр. Был Кодрянский [...] Привез 150000 фр.

3 августа.

Живу, как в кошмаре. Олечка тяжело больна². [...] Собрала пока 70000 фр. — 10000 ушло на предварительные расходы. [...]

12 октября.

[...] Неделя, как узнали о серьезном положении Тэффи. [...]

В. Р. сообщила мне о кончине Надюши. [...] пошла к Яну. «Умерла?» — Да. — И он стал меня утешать, видя мое лицо. Я твердо сказала, что поеду на первую панихиду.

Надюша лежала на своем широком ложе в белых простынях, верхняя до пояса. Одеята в черное. У рук образ Серафима Саровского. [...]

Последний раз она была у нас. Ей хотелось пови-
даться с Яном. Пришла. Не могла вымолвить ни сло-
ва. Припадок. Что-то проглотила и стала над собой
потешаться: «Хороша гостья». Ян тоже готовился к
встрече, что-то принимал, чтобы не было удушья.

Я приготовила чай и то, что она любит. Она по-
чти не ела. Боялась. Говорили они оба оживленно.
Смеялись. Острили. Вспоминали. [...]

7 марта. [ноября? — М. Г.]

Вчера Нобелевскую премию по литературе полу-
чил Франсуа Мориак. [...] Это настоящий художник-
писатель, тонкий психолог. Ян послал телеграмму.
Хочет написать и письмо.

Олечке как будто лучше. [...]

5 декабря.

[...] Вчера работали с Таней³ [Т. И. Алексинская.
— М. Г.] весь день. Она устала. Сегодня тоже придет.
Архив растет. Кончаем «Нобелевские дни». [...]

1953

1 января.

[...] Встретили с Яном, он выпил глоток вина,
я — стакан. [...]

9 января.

Заболел Ян. [...] Был Зернов. Думает — желудок,
хотя есть и хрипы. [...]

11 января.

[...] Пришла Таня, работали весь день. Она раз-
бирала, я наклеивала. Привезла Яну чудное вино. [...]

Был Аминад [Дон Аминадо. — М. Г.). Как всегда,
приятен, умен и полон любви к Яну.

23 января.

Ян вчера не отпускал меня до 3 ч ночи. Боялся остаться один. [...]

[В ночь с 27 на 28 января 1953 Бунин, уже изменившимся почерком записал на листке, вырванном из тетради:]

— Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего *все об одном и том же в прошлом*: об утерянном, пропущенном, счастливом, неоцененном, о непоправимых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недальновидности и о неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!

23 Февраля 53.

Вчера Алданов рассказал, что сам Алешка Толстой говорил ему, что он, Т., до 16 лет носил фамилию Бострэм, а потом поехал к своему мнимому отцу графу Ник. Толстому и упросил узаконить его — графом Толстым¹.

[Вера Николаевна:]

28 февраля.

Приехали Олечка и Ляля. Обе очень пополнели. Пока у нас. [...]

23 апреля.

46 лет мы с Яном. Выпили с ним вдвоем. [...]

24 апреля.

Взяла займы у Кодрянских сто тысяч франков.

[Последняя, найденная мною запись Бунина написана каким-то заострившимся почерком:]

2 мая 53 г.

Это все таки поразительно до столбняка! Через некоторое *очень* малое время меня не будет — и дела и судьбы *всего, всего* будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!... И я только тупо, умом *стараюсь* изумиться, утрашиться!

[Из записей Веры Николаевны:]

14 мая.

В полном отчаянии. [...] Ян тревожит меня: «Я умираю». Все спит. Стал многое не замечать.

22 июня.

Вечером Ян сказал: «Гоца» я задумал писать в Индийском Океане по пути на Цейлон. Но написал только начало. Как странно!

4 июля.

Ян чудесно прочитал Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», восхищаясь многими строками.

— «Пожалуй, его смерть трагичнее Пушкинской. [...] Какая проза! И после таких поэтов — Есенин, Маяковский и т. д.»

19 июля.

Была у Баранова. Заняла 50000. Перед тем был Петя², нашел, что положение серьезное³. Леня согласен лечиться. [...]

20 июля.

Отвезли Леню в клинику. [...]

2 августа.

[...] Приходится манкировать Чеховым⁴.

4 августа.

Весь день писала. [...] Переписаны 3 рассказа. В книге будут рассказы 2 родов: жестокие и благостные. Всех около 30. Называться будет «Петлистые уши и Аглая».

5 августа.

Весь вечер работали над книгой Яна. [...]

12 августа.

Ян изнемог. Лежит похудевший. [...] Очень слаб.

27 сентября

Ян очень ослабел, все спит.

30 сентября.

Именины. Было 25 гостей, прислали поздравления тоже 25, по телефону поздравили 3.

11 октября.

Поздно вечером Зернов. Пенициллин. [...] Ночь провела у Яна, у него пролежни, страдает очень.

14 октября.

[...] Ян чувствует себя ужасно: «Я умираю, никакого аппетита — даже курица не мила». До 4 утра провела с ним.

8 ноября.

В 2 ч. ночи скончался Ян.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть четвертая

1934

1. Покупка не состоялась, и Бунины никакой собственности не приобрели.
2. Бунина известили, что ему присуждена Нобелевская премия по литературе.
3. В Геттингене жили Степуны.

1935

1. Л. Ф. Зуров ездил в этнографическую экспедицию.

1936

1. Бунин тяжело переживал разрыв с Г. Кузнецовой, связавшей свою жизнь с Маргой Степун.
2. Леон Блюм, социалист, стал министром-президентом.
3. Бунина приглашали выступить с докладом в Польше.
4. Книга была издана в Париже в 1937 году.
5. О Е. М. Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома», т. II, «Чужбина».
6. Намек на «Беседы с памятью», воспоминания, которые писала Вера Николаевна.
7. Об этом свидетельствуют письма Бунина Вере Николаевне, хранящиеся в архиве.
8. Даты этих поездок установила мисс П. Стир, которая любезно привела в порядок бунинские отельные счета, за что приношу ей искреннюю благодарность.

1937

1. Л. С. Врангель, писательница.

1938

1. У Буниных жила Е. Жирова с дочерью Олечкой, к которой Бунины очень привязались.
2. Куприн, вернувшийся в 1937 г. в Россию, скончался от рака.
3. Речь идет о съезде русских писателей в Белграде в 1928 г. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».

1939

1. Зуров привез из экспедиции в Эстонию коллекцию полотенец и др. материалов, которые теперь хранятся в Музее Человека в Париже.
2. Художница Т. Д. Муравьева-Логинова.
3. М. Степун и Г. Кузнецова после объявления войны спешно уехали в Париж.
4. Не совсем точно: Гитлер «призвал» людей немецкого происхождения в Германию и они получили разрешение выехать.
5. В 1939 г. были только основаны советские базы, оккупация произошла в 1940 г.
6. Речь идет о советско-финской войне.

1940

1. Брат первой жены Бунина.
2. «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина.
3. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», 1921 г.
4. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», 1921 г.
5. Речь идет о сборнике «Темные аллеи».
6. См. запись Бунина от 22. 7. 40.
7. У М. Степун был немецкий паспорт и ей грозило интернирование.
8. Елена Александровна Розен-Мейер, урожд. Пушкина, внучка Александра Сергеевича.
9. Это ошибочное замечание, см. записи от 1, 8, 9 июня.
10. Двое Буниных, Г. Кузнецова, М. Степун и Е. Жирова с Олечкой.
11. Ранний рассказ А. И. Эртеля, вошедший в его «Записки степняка».
12. Повесть И. С. Тургенева.
13. М. Л. Кантор, издатель и критик.
14. Вероятно, маршал Петэн.
15. Французские писатели XIX века.
16. О романе Бунина с Лопатиной см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина», запись В. Н. от 6 июня 1931 г.
17. В этом письме Г. Д. Гребенщиков пишет о рабской зависимости от сугубого материализма, «в результате которой у нас все есть, кроме здоровья, свободы, денег и читателя».
18. Балтийские страны были оккупированы советскими войсками в середине июня 1940 г.
19. Поэтесса М. Карамзина. Письма к ней Бунина опубликованы А. Бабореко в «Литературном Наследстве», Иван Бунин, Москва, 1973, кн. первая, сс. 663-687.

20. Литератор А. Бахрах (Бунин обычно писал: Бахрак).
21. См. прим. 20, 1925 г.

1941

1. Вера Ник. записывает 22 января: «Мы еще не голодаем, но не далек тот день, когда голод будем чувствовать большую часть дня. Пока еще остается хлеб».
2. Эту открытку Т. Д. Муравьева опубликовала в «Литературном Наследстве», Иван Бунин, кн. 2, с. 315.
3. Эти слова подчеркнуты. На полях простым карандашом поставлен крестик и восклицательный знак, а с другой стороны, в конце цитаты, рукой Бунина написано: «Идиот и сумасшедший».
4. Произведения И. Бунина.
5. Д. С. Мережковского.
6. Переписка на иностранных языках была в то время запрещена. Писали открытки, на которых, как на формулярах, были напечатаны вопросы со свободными для ответа местами.
7. Вопрос о душевной болезни, видимо, интересовал Бунина, см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома».
8. Речь идет о «Темных аллеях».
9. Слух этот был неверный.
10. Я. Б. Полонский, общественный деятель.
11. Писатель П. Д. Боборыкин (1836 - 1921).
12. Сам Иван Алексеевич, Л. Ф. Зуров и А. Бахрах.
13. Письмо А. Жида сохранилось в архиве.

«4 juillet 41

Cher Monsieur

Je me suis beaucoup inquiété ces derniers jours, en pensant à vous, au sujet des derniers règlements et des mesures prises à l'égard des Russes. L'on m'affirme que vous n'avez pas été tracassé... mais je voudrais être pleinement rassuré; ou du moins je souhaite, en cas de gêne et d'ennuis, en être aussitôt avisé par un mot. Mon admiration pour l'auteur du *Village*, mon estime et ma sympathie, sont trop vives pour me laisser supporter d'un coeur léger quoi que ce soit qui puisse vous arriver de fâcheux.

Veillez me croire bien attentivement

Votre André Gide.

1942

1. В. М. Куталадзе скончался в середине декабря.
2. Вера Ник. записывает: «Ян и Леня огорчены, что я не дома. Но я больше не могу выносить барышень, их фальши. Они, конечно, рады, что я уехала. Аля равнодушен. Ему все равно, с кем поесть или попить».

3. Пианист.
4. Вещи М. Алданова.
5. Адмирал Дарлан, сотрудничавший с Петэном в правительстве Виши.
6. Роман А. Эртеля.

1943

1. В. Варшавский попал в плен к немцам и выжил, а его считали погибшим.
2. О встречах с С. В. Рахманиновым см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
3. «Бесчувственность», видимо, не была постоянной. См.: «Памяти П. Нилуса», некролог, написанный Буниным в связи с третьей годовщиной смерти его «многолетнего друга». («Русские Новости», 24 мая, 1946 г.). О Нилусе см.: «Устами Буниных», т. I, «До перелома».
4. О А. Клягине см.: И. Бунин, Собр. соч., т. 9, изд-во «Художественная литература», 1967, сс. 477-479.
5. Знаменитый врач, лечивший в свое время Черчилля.
6. Художник Н. Д. Милиотти.
7. Этот рассказ Бунин потом переименовал в «Речной трактир».

1944

1. Так у Буниных называлась их квартира на 1 rue Jacques Offenbach в Париже.
2. Т. С. Коноус, дочь Рахманинова.
3. Вилла по соседству с Буниными.
4. С архимандритом о. Киприаном Керн, известным патрологом, Бунин переписывался с 1940 г. Письмо, о котором говорится в дневнике, вероятно, ответ на длинное письмо о. Киприана о Толстом, в связи с книгой Бунина «Освобождение Толстого».
5. К Буниным приходили русские военнопленные.

1945

1. Бунины, вместе с Мережковскими, отдыхали в Амбуазе летом 1922 г. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
2. Проф. С. П. Мельгунов.

1946

1. Поэт, которого Бунин знал по Одессе.
2. Советский посол в Париже.

3. Писательница Н. Кодрянская, принимавшая большое участие в судьбе Буниных.
4. Советский писатель К. Симонов.
5. Переводчица.
6. О В. Катаеве см.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».
7. Писатель.
8. Писатель Р. Б. Гуль, ныне редактор «Нового Журнала».
9. Вероятно, художник Александр Бенуа.

1947

1. См.: «Устами Буниных», т. I, «Одесса».

1948

1. Бунины ушли из Союза писателей в протест против решения удалить из Союза принявших советское подданство писателей.
2. Бунин отказался ехать в Советский Союз, несмотря на все приглашения.
3. Поэт Георгий Иванов.
4. Проф. М. Карпович, в то время редактор «Нового Журнала».
5. Письмо было послано через Б. К. Зайцева.
6. Вдова поэта.
7. Старшая дочь Рахманинова.
8. Т. С. Конюс.

1949

1. См.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».
2. Рассказ Бунина, написанный в 1913 г. на Капри.
3. Родственник Веры Николаевны.

1950

1. Журнал, изд. в Нью-Йорке, под ред. С. Прегель.

1951

1. Д-р Николай Ефремович Андреев, историк.
2. В. Н. собирала деньги на издание романа Л. Зурова. Эти деньги пошли потом, с согласия подписчиков, на его лечение.
3. О проф. Г. П. Федотове, историке Церкви, см.: «Устами Буниных», т. II, «Чужбина».

1952

1. Ю. Л. Сазонова собиралась писать книгу о творчестве Бунина. См. мою публ. в «Новом Журнале», № 107, «Бунин о себе и своем творчестве», сс. 165-169.
2. Нервное расстройство.
3. Т. Алексинская помогала Вере Николаевне разбирать архив Бунина.

1953

1. Редакция «Нового Журнала», в котором были опубликованы выдержки из дневников Бунина, поместила к этой записи следующее небезынересное примечание (№ 116, с. 184):
«Эта запись кажется нам неверной. От лица очень близкого к семье гр. Н. Толстого мы знаем, что Бострэм был воспитателем его детей. Графиня Толстая сошлась с Бострэмом, и от их связи родился сын. Граф Н. Толстой поступил благородно, он покрыл «грех» жены, признав Алексея законным сыном, который и получил его титул и фамилию. [...] Его сводные братья по матери не признавали его ни графом, ни Толстым. [...]»
2. Врач, о. Петр Струве.
3. Л. Ф. Зуров заболел нервным расстройством.
4. Речь идет о подготовке к изданию книги Бунина «О Чехове», вышедшей посмертно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Не включены лица, фамилии которых установить не удалось и которые лишь мельком упомянуты в тексте.)*

- Абрамович 24
Авксентьев Н. Д. 63
Адамович Г. В. 61, 64, 111, 193, 194, 196
Аитов М., д-р 199
Алданов Марк (М. А. Ландау) 18, 27, 32, 34, 53, 57, 63, 64, 69, 73, 74, 77, 91, 96, 110, 133, 145, 184, 190, 196, 197, 199, 201, 207
Алданова (Ландау Т. М.) 63
Алдановы 24, 57, 64, 74, 77, 190
Александр III 65
Александрова В. 203
Алексинская Т. И. (Таня) 206
Андреев Н. Е., д-р 201
Андреева А. И. 188
Андреевский С. А. 81
Антонеску Ю. 68, 169
Аргутинский В. Н. 122, 126, 146
- Бабель И. 132, 133
Бак Перл (Buck Pearl) 110
Бальмонт К. Д. 14, 17, 121, 146
Бальмонт Е. К. 14, 146, 163
Бальмонт Мирра 146
Балтрушайтис Ю. 188
Балтрушайтис М. И. 188
Банин 183, 185
Баранов И. Г. (?) 208
Баранова Н. Л. 178
Барсуков 79, 91
«Барышни» — см. Г. Н. Кузнецова и М. Степун.
Барятинский В. В., кн. 105, 126
Бауэр 24
Бахрах А. (Аля, у Бунина — Бахрак) 73, 76, 80, 82, 83, 87, 88, 91, 93, 97, 99-102, 106, 112-115, 119, 125, 131, 143, 145, 154, 157, 171, 173, 196, 198
Башкирцева М. А. 139
Белинский В. 41
Белый Андрей (Б. Н. Бугаев) 107
Беляев Н. Т. 27, 199
Бененсон А. К. 200
Бенуа А. 185
Берберова Н. Н. 184
Бердяев Н. А. 188
Бержанский 185
Бетховен Л. 15
Блок А. 190
Блюм Леон 18, 20, 64, 70, 75
Боборыкин П. Д. 77, 94
Богомолов 182, 194
Бодлэр Ш. 121
Бодольо 156
Бострэм 207
Бразоль 53
Браухич фон, марш. 123
Бродские 145
Бруссон 117
Буллит В. 61
Бунин Ал. Н. (отец) 87, 141, 201
Бунин Евг. А. 43, 122, 201
Бунин Ю. А. 43
Бунина Л. А. (мать) 87, 122, 141, 201

* Выражаю свою глубокую благодарность Э. И. Вознесенской, которая помогла мне составить этот список и дала много дельных советов. Т. Д. Муравьеву сердечно благодарю за помощь в выяснении инициалов некоторых знакомых Буниных на юге Франции.

Бунина М. (по мужу Ласкаржевская) 87, 141, 201
 Бунина Н. К. (Настя) 122
 Бунина С. Н. (по мужу Пушешникова) 57
 Бюффа 132

Валери Поль 12
 Вандербреч Ж. М. (Vanderbretch J. M.) 62
 Варшавский В. С. 146, 184, 196, 198
 Вертинский А. 190
 Да Винчи Леонардо 70
 Вишняк М. В. 63
 Вишняки 34
 Волконская И. С. 189
 Волконские 184
 Врангель Л. С. 23
 Вырубов В. В. 180
 Гавронский 52
 Ганди Махатма 138
 Гандшины (? Ганшины) 126
 Гаршин В. М. 40
 Де Голль Ш. 64, 164
 Гейне Г. 128
 Геринг Г. 120
 Герцен А. 83, 94
 Гесс Р. (Hess R.) 93
 Гёте В. 149
 Гефтер А. 191
 Гиппиус А. Н. 146
 Гиппиус З. Н. (Мрежжовская) 33, 36, 121, 126, 137, 153, 155, 178-180, 195
 Гитлер А. (Хитлер, «фюрер») 46, 63, 64, 68, 77, 79, 80, 84, 86, 89, 119, 121, 123, 125, 146, 147, 165, 166
 Гоголь Н. В. 9, 47, 132, 171
 Гонкур, братья Э. и Ж. 65, 68
 Гончаров И. 113, 115
 Гончарова Нат. 36, 191
 Горький Максим (Пешков А. М.) 66, 109, 127
 Готьё 137, 146
 Гребенщиков Г. Д. 11, 38, 66
 Грязновы 55
 Гукасов 75, 76, 144, 145
 Гуль Р. Б. 184

Даль В. И. 41
 Данте Алигьери 9
 Дантес Ж. Ш. 175, 176
 Дарлан Ф., адм. 82, 114, 145
 Дебюсси К. 47
 Деникин А. И., ген. 105, 185
 Дидрикс Н. 181
 Добрая Л. Т. 197
 Долз Леон 172
 Долгополов Н. С. 128, 159
 Дон Аминадо (А. П. Шполянский, Аминад) 126, 206
 Достоевский Ф. М. 47, 135, 137, 138
 Дюфур, д-р. 199, 200, 201
 Дюма А. 84

Евлогий, арх. 105
 Ельяшевич, проф., В. Б. и Ф. О. 30
 Ельяшевич Ф. О. 146
 Емельянов 182
 Еремеева О. Л. 21, 146
 Есенин С. 208

Жданов В. А. (?) 139
 Жяд А. (André Gide) 102, 107, 109-111, 114, 116, 119, 130
 Жиров А. (папа) 27, 53, 54, 173, 196, 198

Жирова Е. (Ляля, мамá) 27-31, 35, 36, 43, 54, 55, 173, 174, 178, 181, 185, 195, 196, 207
Жирова Олечка 25, 27-30, 35, 37, 41, 43, 44, 51, 54, 55, 90, 98, 99, 103, 112, 130, 156, 173-175,
178, 181, 185, 195, 196, 205-207
Жировы 33, 50

Зайцев Б. К. 9, 14, 26, 35, 51, 73, 98, 155, 162, 180-182, 184, 188
Зайцева В. А. (Верочка) 51, 84, 98, 122, 129, 146, 150, 155, 163, 184, 188
Зайцевы 20, 24, 26, 30, 34, 129, 178, 192
Зайцев К. О. 7
Зензинов В. М. 34
Зернов В. М., д-р. 182, 186, 198, 205, 206, 209
Зернов 146
Зернова С. А. 146
Злобин В. А. 178, 179
Золя Эмиль 30, 44, 84
Зуров Л. Ф. (Леня, з.) 8, 12, 14, 23-25, 27, 28, 32-37, 42, 47, 72, 80, 87, 88, 94, 97, 99-102,
104, 106, 107, 113-116, 119, 121, 127, 131, 132, 133, 135, 149, 163, 170, 172, 176, 181-185,
193-196, 198, 201-203, 208
Иванжина Е. 14
Иванов Вяч. В. 22
Иванов Георгий 137, 187, 188
Ивановы 188
Иванов П. К. 184
Иден Антоня 103
Иоанн, арх. Сан-Францисский (Шаховской) 7, 81

Каверин В. А. 76
Калитинский А. И., проф. 27
Каллаш М. (псевд. Курдюмов) 16, 33, 84, 129, 163
Каменский В. М. 11
Каменская 59
Кантор 61, 64, 93
Карамзина М. 67
Карпович М., проф. 187
Катаев Вал. 11, 183
Керенский А. Ф. 18, 194
О. Киприан (Керн) 167
Клягин Ал. 152, 153, 156-159, 161, 162, 166, 171
Клягины 152
Кодрянская Н. В. 182
Кодрянский, д-р. 205
Кодрянские 192, 199, 207
Колесников 167
Кольцов А. В. 45
Конюс (ур. Рахманинова) Т. С. 147, 189
Конюсы 164, 184
Коринфский Ап. 46
Краснов П. Н. 55
Кузминская Т. А. 102
Кузнецова Г. Н. (Галя, Г.) 8, 10-12, 14, 15, 18, 25, 27-29, 31, 33, 36, 43, 44, 46, 50, 53, 54, 61,
66, 71, 72, 82, 85, 87, 88, 92, 98, 100, 101, 104, 105, 110-113, 116, 119, 120, 130, 131, 133, 150,
162, 177, 192
Кульман Н. К., проф. 73, 126, 146
Кульман Н. И. 146, 175
Куприн Ал. 14, 25, 26, 126, 197
Куталадзе В. М. и М. И. 119, 124, 125, 129

Лаваль П. 76, 109, 133
Лантальм 41
Ларионов М. Ф. 191
Левин 106, 111
Левитов А. И. 97
Легранд 144
Ленин В. И. 68
Леонтьев К. 83
Лермонтов М. Ю. 45, 168, 188, 208
Лесков 62, 72, 180

Либерман А. 126
Либерманы 126
О. Липеровский Лев 179
Лифарь С. М. 193
Ллойд Джордж 61
Лозинский Г. Л., проф. 146
Лопатина Ек. М. (псевд. Ельцова) («Лопатэнушка») 21, 65, 161
Лоти Пьер 139, 142
Лупеску, m-te 86
Львова Т. М. (ур. Толстая) 118, 136

Мазурова А. 202
Майский И. М. 112
Маклаков В. А. 49, 100
Маковский С. 162, 184
Малявин Ф. А. 146
Мамай 176
Манухина Т. И. 122, 179
Марюс (Marcus Cyrille) 31, 46
Маяковский Вл. 208
Мельгунов С. П., проф. 180
Мельгунова П. 202, 203
Мельгуновы 180
Мережковский Д. С. 26, 27, 33, 39, 83, 121, 122, 126, 146, 155, 179, 185
Мережковские 23, 33, 47, 83
Метнер Н. К. 79
Миллотти Н. Д. 155
Милоков П. Н. 149
Михайлов П. А., проф. 12, 13, 46, 50, 150, 184
Молотов В. М. 74
Морель 52
Мориак Франсуа 116, 151, 206
Моро Людовик 70
Моцарт А. 79
Мочульский К. 23, 188
Муравьев И. Н. 32
Муравьева-Логянова Т. Д. 32, 36, 79
Муравьевы 32, 34, 113
Муромцев Дм. Н. (Митя) 9, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 113
Муромцев И. Э. 192
Муромцев Н. (папа) 28
Муромцев П. Н. (Павлик) 113
Муссолини Б. («дуче») 46, 68, 79, 83, 84, 121, 152, 153

Надсон С. Я. 39
Найденев (С. А. Алексеев) 94
Нансен Ф. 69
Наполеон 135, 185
Неклюдовы Н. и А. 54
Немирович-Данченко В. 122
Николай II 65, 181
Нилус П. А. 150
Нобели 37

Овсяннико-Куликовский Д. Н. 185
Олоевцева И. 44
Ольхина 141
Оман Эмиль 146
Осоргин М. (Ильин) 145, 146, 180

Павел I 148
Павел, принц 86, 87, 90
Павловский М. 195, 200
Пантелеймонов Б. 182, 208
Пастернак Б. 109
Паулос, фельдм. 146

Певзнеры 144
 Перские 24
 Петр Великий 120
 Петр II, кор. Югосл. 90
 Петэн, марш. 63, 82, 83, 120, 133, 134
 Пиранделло Луиджи 12
 Плеханов Г. В. 83
 Познер (жена) 146
 Познер (папаша) 191
 Полонский Я. Б. 204
 Полонский Я. П. 141, 142
 Полонские 94, 110, 132, 201
 Порошин 148
 Прево Марсель (Prévoist Marcel) 94
 Присманова А. С. 198
 Протопопов Е. С. 49
 Пушешников А. И. 57
 Пушешников Н. 204
 Пушешникова С. Н. (ур. Бунина) 57
 Пушкин А. А. 95
 Пушкин А. С. 23, 24, 45, 52, 54, 68, 70, 95, 114, 154, 175, 188, 193, 208
 Пушкина, см. Розен-Мейер Ел. А.

 Раскопников Ф. 107
 Рахманинов С. В. 24, 47, 147, 189
 Рахманинова Н. А. 201
 Рахманиновы 24
 Ренье Анри, де (Renier Henri, de) 175
 Рогнедов А. 200
 Роговский 208
 Розанов, д-р. 128, 130
 Розанов В. В. 135
 Розен-Мейер Ел. А. (ур. Пушкина) 51, 54, 95, 110, 114, 132, 154
 Романовы 66
 Рошин Н. («Капитан») 11, 15, 173, 184
 Рублев, иконописец 155
 Руднев В. В. 63, 74, 146
 Рузвельт Ф. Д. 61, 63, 77, 87, 88, 89, 108, 155, 177
 Рукье 8, 10, 15
 Рустан 99

 Сазонова Ю. Л. 205
 Салтыков-Щедрин М. 43, 44
 Самойлов Ф. 46, 60, 79, 100, 101
 Самойловы Ф. и А. 21, 34, 46, 60, 72, 79, 88, 92, 105, 113
 Свечин, ген. 104
 Серов С. М., д-р 42
 Симков 199
 Симонов К. 182, 183, 203
 Сипягин Д. С., ген. 42
 Сирин (псевд. В. Набокова) 23, 24, 34
 Соллогуб М. А. 178
 Соллогуб Ф. К. (Тетерников) 38, 109
 Соловьев Влад. 83
 Ставров 197
 Ставраки Е. П. 196
 Сталин И. В. 39, 58, 68, 93, 94, 101, 155
 Стеллецкий Д. С. 7
 Стендаль М. 166
 Степун М. А. (Марга, М.) 8, 10, 11, 14-16, 27-29, 31-33, 36, 41, 43, 49, 50, 52-54, 61, 66, 71, 72, 82, 85, 87, 98, 100, 101, 104, 105, 110-114, 119, 120, 130, 162
 Степун Ф. А., проф. 10, 119
 Степуны 162
 Струве Мих. 185
 Струве Н. А. 150
 Струве П. Б. 94, 150, 164
 Струве о. Петр 208

Суворов, ген. 51

Танеев С. И. 47, 48
Таубер Е. 188
Телешов Н. 49
Тимошенко С. К., марш. 138
Толстой А. К. 42, 43, 151
Толстой А. Н. 14, 78, 105, 148, 176, 180, 191-193, 207
Толстые 191
Толстой Л. Н. 20, 39, 41, 81, 83, 86, 105, 108, 109, 118, 131, 139, 167, 190, 197
Толстой Мих. Л. 118
Толстой Н. 207
Толстая С. А. 148
Толстая Т., см. Львова
Троцкий Л. (Бронштейн Лейба) 61-63, 68
Тургенев И. С. 39, 41, 45, 47, 59, 68, 110, 111, 131
Тэффи Н. А. (Лохвицкая) 24, 31, 51, 181-184, 186, 187, 191, 195, 198, 205, 206
Токов 100, 106, 115, 133

Уайльд О. 36

Федин К. 162
Федоров 100, 101
Федотов Г. П. 203
Фет А. 56
Фиников А. П. 208
Флеминг А. 172
Флобер Г. 94, 97, 100, 101
Фондаминский И. И. (Бунаков) 14, 24, 34
Фондаминская А. О. 14
Франко, ген. 83
Франс А. 68, 117, 120

Херст 41
Хигерович 146
Хмара 24
Ходасевич В. 29

Цакни Б. Н. 38, 40, 46, 62, 65
Цветаева Марина 128, 146
Цетлин М. О. 145, 180, 191
Цетлина М. С. 24, 27, 63, 184, 186, 187, 188, 191
Цетлины 18, 57, 64, 77, 79, 191

Чайковский Н. В. 47
Часинг 21
Чемберлен А. Н. 74
Черчилль У. 61, 67, 70, 82, 89, 155, 168
Чехов А. П. 75, 77, 125, 127, 209

Шалапин Ф. 122
Шаховской, см. Иоанн, арх.
Шекспир В. 9, 25
Шмелев И. С. 34, 92, 208
Шолохов Мих. 105, 109, 133

Эртель А. И. 58, 62, 145

Ясинский И. 40

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая. На исходе	7
Примечания	210
Указатель имен	216

